

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Петкау Александра Юрьевна

**Концепт *здоровье*: модификация когнитивных признаков
(по данным газетных и рекламных текстов советского и
постсоветского периодов)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор И.Т. Вепрева

Екатеринбург–2015

Оглавление

Введение.....	4
Глава I. Структура концепта <i>здоровье</i> по данным словарей и психолингвистических экспериментов.....	16
Теоретические посылки исследования.....	16
1.1. Информационное содержание концепта <i>здоровье</i>	18
1.1.1. Семантическая структура лексемы <i>здоровье</i>	18
1.1.2. Семная структура лексемы <i>здоровье</i>	25
1.1.3. Семантические признаки лексемы <i>здоровье</i> по данным аспектных словарей.....	33
1.1.4. Идеографическое поле концепта <i>здоровье</i> по данным толкового словаря.....	43
1.2. Перцептивный образ концепта <i>здоровье</i>	49
1.2.1. Ольфакторный образ концепта <i>здоровье</i>	53
1.2.2. Визуальный образ концепта <i>здоровье</i>	57
1.2.3. Хроматологический образ концепта <i>здоровье</i>	58
1.2.4. Аудиальный образ концепта <i>здоровье</i>	60
1.2.5. Глоттонимический образ концепта <i>здоровье</i>	61
1.2.6. Гаптический образ концепта <i>здоровье</i>	61
1.3. Интерпретационное поле концепта <i>здоровье</i>	63
1.4. Верификация структуры концепта <i>здоровье</i> по данным психолингвистического эксперимента.....	80
1.4.1. Когнитивные признаки концепта <i>здоровье</i> по данным анкет молодежной группы.....	83
1.4.2. Когнитивные признаки концепта <i>здоровье</i> по данным анкет зрелой группы.....	87
1.4.3. Когнитивные признаки концепта <i>здоровье</i> по данным анкет старшего возраста.....	89
Выводы.....	91

Глава 2. Актуализация когнитивных признаков концепта <i>здоровье</i> в советских и постсоветских текстах СМИ и рекламе.....	94
Теоретические посылки исследования.....	94
2.1. Актуальные когнитивные признаки в советских текстах СМИ.....	97
2.2. Актуальные когнитивные признаки в современных текстах СМИ.....	123
2.3. Актуальные когнитивные признаки в советской и постсоветской социальной рекламе.....	154
2.4. Актуальные когнитивные признаки в советской и постсоветской коммерческой рекламе.....	175
Выводы.....	187
Заключение.....	189
Список использованной литературы.....	192

Введение

На современном этапе развития науки о языке проблема изучения концептосферы является перспективным направлением. Когнитивные исследования широко признаны отечественными лингвистами, прежде всего потому, что они обращаются «к темам, всегда волновавшим отечественное языкознание: языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [Кубрякова 2004: 11]. Магистральным вектором когнитивной науки является ее направленность на получение знания о знании, а «концепты – словообразы представляют собой адекватную или наиболее подходящую форму для структурирования культурного знания» [Алефиренко 2012: 215]. Изучение базовых концептов культуры востребовано, поскольку они «образуют картину мира, в которой отражается понимание человеком реальности, ее особый концептуальный «рисунок», на основе которого человек мыслит мир» [Маслова 2011: 41].

В современной когнитивной лингвистике представлены разные научные школы, в которых определились ведущие фигуры, представляющие собой ориентир в ситуации «концептуализм без берегов» [Воркачев 2013: 16]. На сегодняшний день существуют исчерпывающие обзоры достижений когнитивной лингвистики, см. например: [Алефиренко 2012; Воркачев 2012; Карасик 2013; Касьян 2010; Кубрякова 2012; Маслова 2011; Огнева 2013; Никитин 2004: 53–64; Попова 2007; Пименова 2011; Прохоров 2005: 74–94 и др.], в рамках которых выделяется общеконцептуальный подход московских ученых [Апресян 1995; Демьянков 2011: 9–28; Зализняк 2012; Рахилина 2008 и др.], семантико-когнитивная модель воронежских исследователей [Бабушкин 1997; Попова, Стернин 2007 и др.], лингвокультурологический взгляд волгоградских ученых [Карасик 2013; Слышкин 2004 и др.], прототипическая основа тамбовских когнитологов [Болдырев 2014; Фурс 2012: 48–72 и др.], психолингвистическая направленность тверской школы [Залевская 2005 и др.].

Концепт – явление междисциплинарное, которое «претендует на роль феномена культуры, синтезирующего в себе науку (в первую очередь, гуманитарные науки – эстетику, искусствознание, лингвистику и т.д.), философию и собственно искусство в его новом понимании» [Бычкова 1998, Т.1: 326]. Разные подходы к определению концепта «обусловлены выдвиганием на первый план одного из аспектов определяемого термина», который и становится магистральным вектором определения явления [Пименова 2011: 54].

Исследования, направленные на изучение основных концептов национальной концептосферы, выводят исследователей на новый уровень систематизации ценностей культуры, отраженных в концептах, – создание концептуария культуры, см., например: [Антология концептов 2005; Карасик 2009; Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации 2010; Логический анализ языка: культурные концепты 1991; Руднев 1997; Русское культурное пространство 2004; Степанов 2004 и др.]. Поэтому приоритетным направлением в рамках когнитивной лингвистики является изучение социокультурно востребованных концептуальных сущностей, пополняющих открытый список антропологически значимых понятий.

Интерес современного языкознания к проблеме отражения в языке и речи основных концептов национальной концептосферы диктует **актуальность** диссертационного исследования. В концептуальный лексикон входят антропологически значимые концепты, которые «складываются в систему взглядов, своего рода коллективную философию» [Апресян 1995: 39] и подразделяются на концепты различной деятельности человека: внутреннего состояния человека – *дух, душа, сердце* [Пименова 2001], эмоциональных переживаний – *любовь* [Воркачев 2007], *радость* [Степанов 2004], интеллектуальной деятельности – *ум* [Дзюба 2011], поведения человека – *обман, лень* [Плотникова 2010]. В данный список входят те концепты, которые «могут служить своего рода ключом к пониманию каких-

то важных особенностей культуры народа» [Шмелев 2002: 11], см., например, анализ концептов *партийность*, *интеллигенция*, *мещанство* и др. у Ю.С. Степанова в словаре русской культуры [Степанов 2004].

К ментальным сущностям национальной концептосферы относится и концепт *здоровье*, являющийся базовым, антропологически значимым концептом любой культуры, «той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир» [Лурье 2005: 587], и который в силу все возрастающей «социокультурной релевантности находит активное отражение в нашем языковом сознании» [Туленинова 2008: 3].

Объектом исследования в данной работе является содержание концепта *здоровье* в русском языке.

Концепт *здоровье* неоднократно становился объектом лингвистического рассмотрения, так как отчетливо прослеживается его «универсальность и значимость не только для представителей отдельной культуры, но и для мирового сообщества в целом» [Тарасенко 2008: 4], см. специальные диссертационные исследования: [Бурова 2008; Аксенова 2007; Бухтоярова 2010; Мельникова 2013; Полякова 2011; Тванба 2013; Тимошенко 2005; Туленинова 2008; Усачева 2002; Ялалова 2014], главы или параграфы диссертаций, которые посвящены данному концепту, см.: [Алимушкина 2007; Горяева 2003; Камалова 1999; Киреев 2008; Летова 2004; Михеева 2008; Репина 2007; Самардакова 2010; Юрманова 2007; Яроцкая 2012]. Обобщив результаты данных исследований, выделим основные характеристики объекта нашего исследования.

Концепт *здоровье* «входит в функционально-семантические сферы суперконцептов *жить* и *деятельность*» [Тимошенко 2005: 15]. По степени конкретности / абстрактности концепт *здоровье* относится к абстрактным концептам, парадокс которых заключается в том, что, «понимая разумом, люди затрудняются вербально эксплицировать их значение» [Бабушкин 1997: 171]. В докторской диссертации А.П. Бабушкина подобного типа концепты получают название – «калейдоскопические концепты» по аналогии с

названием оптического прибора: при переворачивании калейдоскоп «рисует» цветные меняющиеся узоры разных стекол [там же: 177].

По степени принадлежности к вариантным / инвариантным явлениям концепт *здоровье* относится к инвариантным концептам (или к «ведущим концептам», в терминологии М.В. Пименовой и В.В. Колесова), которые активно функционируют в определенном социуме и потому известны большинству носителей русской культуры [Залевская 2001: 37].

По способности / неспособности быть выраженным средствами языка концепт *здоровье* относится к вербализованному типу, поскольку имеет языковое воплощение и репрезентируется в языке лексемами, разными паремиологическими единицами, грамматическими категориями и т.д.

По степени «акцентуации ценностного элемента» [Карасик 2001: 77] к анализируемому нами концепту применимы оценочные предикаты, он служит исследованию человека и культуры, принадлежит к типу лингвокультурных концептов. По мнению В.И. Карасика, подобные концепты следует называть регулятивными, так как в их содержании центральное место занимает аксиологический компонент [Карасик 2005: 98].

Благодаря работам исследователей концепт *здоровье* получает многостороннее описание. Существует дискуссионный вопрос о правомерности рассмотрения концепта *здоровье* без его оппозиционного концепта *болезнь*. Выделяется линия работ, которые содержат анализ концепта *здоровье* не как автономного конструкта, а в связке с его «зеркальной» парой – концептом *болезнь*, см. например: [Бухтоярова 2010; Камалова 1999; Туленинова 2008] и др. Это объясняется «трудностью (а иногда и невозможностью) разграничения этих значений в толкованиях лексем, предлагаемых лексикографическими источниками» [Мельникова 2012: 3]. Другие исследователи придерживаются мнения о том, что концепт *здоровье* «состоит из концептов-спутников: *лечение, уход за больным, лекарство, образ врача* и др.» [Аксенова 2007: 160]. «Антиконцепт» [Новодранова 2001: 247] часто выступает в качестве инструмента

интерпретации, так как «оказывается более параметризован, чем первичный концепт» [Голованова 2011: 123]. С другой стороны, ряд диссертационных работ отражает их автономию, но не отрицает пересечения, см. например: [Киреев 2008; Репина 2007; Тимошенко 2005; Юрманова 2007; Яроцкая 2012 и др.], а также [Павлова 2009].

Во всех работах структура концепта *здоровье* моделируется комплексно. Так, Л. В. Туленинова рассматривает понятийную, образную, ценностную основы объективации концепта *здоровье* [Туленинова 2008], Е. Д. Аксенова особое внимание уделяет паремиологическому аспекту изучения [Аксенова 2007], В.Н. Репина иллюстрирует репрезентацию явления фразеологическими единицами [Репина 2007], Л.А. Горяева отражает национальные особенности аксиологического концепта *здоровый* [Горяева 2003]. Важно отметить, что анализ лексикографических источников поддерживается результатами ассоциативного эксперимента.

Концепт *здоровье* интерпретируется в процессе анализа разных типов дискурса. Так, рассматриваются «вербальные репрезентации сферы здоровья в американских журнальных текстах» [Яроцкая 2012], исследуются «контексты, извлеченные из научных текстов, из книг представителей нетрадиционной медицины, из произведений художественной литературы, из трудов святых отцов и пастырей Русской православной церкви» [Бухтоярова 2010: 3]. Также концепт *здоровье* (в совокупности с другими концептами) изучается в поле текстов социальной рекламы на английском и русском языках [Киреев 2008], рекламы лекарств и биологических добавок [Самардакова 2010], в плоскости мифологии тела [Кириленко 2009а], мемуарных источниках [Юрманова 2007].

Лингвокогнитивная модель концепта [Усачева 2002] уточняется скалярно-антонимическим типом описания, включающим создание шкал [Тимошенко 2005], описаны «национальные особенности нормативных оценок концепта» [Горяева 2003: 5]. Дана частичная характеристика концепту *здоровье* в поле социальной рекламы [Киреев 2008], показано

описание авторского художественного видения в использовании концепта *здоровье* [Юрманова 2007]. Рассмотрено явление в тех сферах русской культуры, «для которой этот феномен является интенциональным объектом, где думают и говорят носители научного, обыденного, фольклорно-магического, псевдонаучного типов сознания» [Бухтоярова 2010: 4], а также описаны «культурно-специфические характеристики концепта в языковом сознании и коммуникативном поведении англичан и русских» [Туленинова 2008: 4].

Таким образом, накоплен значительный опыт конкретных исследований концепта *здоровье*, раскрывающих структуру и смысловое наполнение концептуального содержания. Тем не менее, как базовый концепт русской концептосферы, относящийся к ценностным сущностям, он не исчерпаем с точки зрения исследовательских подходов. Сформулируем особенности нашего исследовательского подхода.

Радикальные экономические, политические и социальные преобразования, произошедшие в России на рубеже XX и XXI веков, безусловно, способствовали трансформации концептуального мира русской языковой личности. Не относясь к собственно политическим или экономическим концептам, которые в первую очередь подвергаются мировоззренческому переформатированию, традиционный витальный концепт *здоровье* также претерпевает смысловую модификацию. В связи с перестройкой концептосферы постсоветского человека у современного исследователя есть уникальная возможность проследить, как меняется эталон здоровья под влиянием изменяющихся социокультурных норм, установить, какие процессы происходят в структуре концепта, сформулировать причины динамики этих изменений.

Предметом исследования выступают когнитивные признаки концепта *здоровье*, актуализирующиеся в газетных и рекламных текстах советского и постсоветского времени.

Целью диссертационного исследования является анализ содержания концепта *здоровье* в советский и постсоветский период исторического развития России.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда **задач**:

1) определить структуру концепта *здоровье*, выявив его когнитивные признаки на материале лексикографических источников, психолингвистических экспериментов и паремиологического фонда;

2) проследить актуализацию когнитивных признаков концепта *здоровье* в разные общественно-политические периоды истории России на основе источников советской и постсоветской периодической печати; рекламных текстов социального и коммерческого содержания;

3) сформулировать основные направления модификации содержания концепта *здоровье* в советский и постсоветский периоды истории России.

Перечисленные задачи формируют три этапа исследования.

На первом этапе **материалом** анализа служат словарные дефиниции ключевой лексемы концепта *здоровье*, содержащиеся в 19 фундаментальных толковых словарях разных периодов российской истории, описание лексемы *здоровье*, отраженное в 26 аспектных словарях. Кроме того, материалом исследования являются лексические репрезентанты концепта *здоровье*, отраженные в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой [ТСРЯ 2011]. Анализ структуры концепта опирался также на фольклорные единицы, репрезентирующие концепт *здоровье* в русском паремиологическом фонде, отраженном в 30 лексикографических источниках разных эпох, взятых нами для анализа. Лексикографический анализ и анализ паремий дополнен рядом психолингвистических экспериментов, в ходе которых получено более 3680 ассоциативных реакций 766 информантов.

На втором этапе исследования для анализа отобрано в совокупности свыше 4000 контекстов, манифестирующих концепт *здоровье* в текстах СМИ советского периода (точечная выборка 1978 и 1980 гг.) и современных

текстов СМИ 1993–2014 гг. с опорой на базу данных Интегрум (www.Integrum.ru).

На третьем этапе материалом исследования послужили 479 слоганов советской и современной социальной рекламы и 156 слоганов советской и современной коммерческой рекламы, манифестирующих концепт *здоровье*.

Научная новизна диссертационного исследования определяется многоаспектным описанием концепта *здоровье*, позволяющим сопоставить два социокультурных варианта реализации концепта *здоровье* в советском и постсоветском дискурсах и выявить модификацию смыслового наполнения концепта. На основе интерпретации речевого материала, репрезентирующего концепт *здоровье* в отмеченных дискурсах, установлена специфика представлений о здоровье в обыденном сознании, которые формируются текстами СМИ и рекламы.

На сегодняшний день сложились методологические основы описания концептов по единому плану, предполагающему «характеристику образно-перцептивной, понятийной и ценностной сторон концепта» [Карасик 2009: 159], а также анализ функционирования признаков концепта в разных типах дискурса. В работе использованы **методы** компонентного, семантико-когнитивного, контекстологического анализов, полевого моделирования, лингвокультурологической интерпретации. Для нашего исследования особо значимо семантико-когнитивное и лингвокультурологическое направления. Представители семантико-когнитивного направления под концептом понимают «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*linguamentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ 1996: 90]. Основная идея направления заключается в исследовании лексической и грамматической семантики языка с интенцией доступа к содержанию концептов. Представители лингвокультурологического направления трактуют концепт как семантическое образование с лингвокультурной спецификой, которое тем или иным образом характеризует носителей

определенной этнокультуры [Маслова 2011: 47]. Лингвокультурологический подход рассматривает язык и культуру как единый феномен, делая акцент на «этноспецифической концептуализации действительности» [Карасик 2010: 83].

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования его результатов в работах по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, языку СМИ и рекламы. Данное исследование дополняет существующее представление об анализируемом концепте, что создает теоретические предпосылки для его дальнейшего изучения. Апробированные в диссертации принципы описания концепта *здоровье* могут применяться, во-первых, для описания других концептов, во-вторых, для структурирования языковой картины мира советской и постсоветской эпох.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности применения результатов в преподавании вузовских курсов по лингвокультурологии, языку СМИ и рекламы, в разработке спецкурсов и спецсеминаров по когнитивной лингвистике, по особенностям языка СМИ. Результаты исследования могут быть полезны при составлении словарей концептов.

Положения, выносимые на защиту

1. Концепт *здоровье* – это многомерный феномен, отражающий в обыденном сознании представления о дуальном (физическом и психическом) состоянии организма, оценка которого осуществляется с точки зрения внешнего наблюдателя, а также внутреннего самоощущения субъекта, носителя состояния. Пациентная (неагентивная) природа концепта, имеющего градуальный характер, детерминирует наличие в его структуре когнитивных признаков, относящихся к группе внешних факторов, оказывающих воздействие на здоровье (*социальная составляющая здоровья, экономическая составляющая здоровья, экология*).

2. Ценностная составляющая концепта *здоровье* связана с аспектом «поведенческая деятельность человека по отношению к своему здоровью», который проявляется через включенный в структуру концепт *здоровый образ жизни*, находящийся в отношениях каузации с концептом *здоровье*.

3. Содержание константных когнитивных признаков, организующих структуру витального концепта *здоровье*, носит вариативный характер и изменяется под влиянием определенных социокультурных процессов. Смысловую модификацию, в первую очередь, претерпевают когнитивные признаки: *субъект состояния; социальная составляющая здоровья; экономическая составляющая здоровья; душевное / духовное и физическое состояние здоровья*.

Ядерная семантика концептуальной единицы включает когнитивный признак нормы: как нормальное и правильное оценивается функционирование здорового организма. Аксиологическая природа антропоцентрической нормы обуславливает тесную связь концепта с социокультурными предписаниями своей эпохи.

3. В советское время концепт *здоровье* приобретает социально-ориентированный характер. Витальный концепт *здоровье* в рамках советского пропагандистского дискурса встраивается в фундаментальный идеологический лексикон. Здоровье становится одним из необходимых компонентов идеологемы «новый советский человек». Когнитивный признак *субъект, носитель состояния*, отражая характер советского *Мы-менталитета*, модифицируется в признак «субъект, носитель состояния, как представитель советской общности». Конкретные составляющие включенного концепта *здоровый образ жизни* соответствуют идеологическим нормам социалистического общежития. Модификация когнитивного признака *душевное состояние здоровья* находится в прямой зависимости от идеологических партийных принципов. Дуальное единство когнитивных признаков *душевное / духовное и физическое состояние здоровья* трансформируется в когнитивный признак *гармонический идеал*

здорового советского человека. Государственный патернализм проявляется в модификации когнитивного признака *социальная составляющая здоровья*, актуализирующего взаимосвязанные смыслы 'зависимость здоровья от государственной заботы', 'эксплуатация здоровья как долг советского человека перед государством'.

4. В постсоветское время концепт *здоровье* модифицируется, отражая перестройку концептосферы современного человека. Здоровье осознается как ценность индивидуального характера, прагматизируется и включается в парадигму инструментальных ценностей. Конкретные составляющие включенного концепта *здоровый образ жизни* деидеологизируются, поведенческая деятельность индивидуума по отношению к своему здоровью носит добровольный характер. Когнитивный признак *социальная составляющая здоровья* отражает изменения, происходящие в отношении современного носителя языка к своему здоровью: с одной стороны, сохраняются патерналистские ожидания в необходимости поддержки государства, с другой стороны, формируется чувство личной ответственности за свое здоровье. Когнитивный признак *экономическая составляющая здоровья* усложняется амбивалентным актуальным смыслом 'технизация современной жизни', связанным с новыми возможностями контроля за состоянием здоровья, а также с появлением новых вредных привычек. Рыночная экономика и маркетинг формируют потребительскую моду на многочисленные услуги по оздоровлению.

Апробация работы. Материалы и основные результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры риторики и стилистики русского языка ИГНИ Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, на заседаниях проблемной группы кафедры «Речь. Стил. Культура». Материалы по теме диссертации были представлены на Региональной научно-практической конференции «Российские СМИ в условиях социально-политической трансформации» (Екатеринбург, 2012), Межвузовском научном семинаре с международным участием «Многоречие:

проблемы изучения» (Екатеринбург, 2013), Межрегиональной конференции «Лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации» (Волгоград, 2014), Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Челябинск, 2014), Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2014), Международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра» (Москва, 2014), Международной конференции «Оломоуцкие дни русистов» (Чехия, Оломоуц, 2014).

Результаты исследования отражены в 17 публикациях автора, 6 из которых изданы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК, 2 статьи опубликованы в рецензируемых европейских изданиях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, отражающей список научной литературы и других источников, в том числе перечень использованных словарей разного типа, фольклорных и рекламных источников.

Глава I. Структура концепта *здоровье* по данным словарей и психолингвистических экспериментов

Теоретические посылки исследования

Цель первой главы – определить структуру концепта *здоровье*, выявив его когнитивные признаки на материале лексикографических источников и психолингвистических экспериментов.

В настоящее время существует множество подходов к построению структуры концепта: см., например, обзоры, представленные в работах [Воркачев 2013; Рахилина 2000: 3–15; Скребцова 2011; Пименова 2011; Щербин 2009: 171–187; Kövecses 2008: 131–143; Evans 2004 и др.].

В нашем исследовании за основу описания была взята модель структуры концепта Воронежской научной школы [Попова, Стернин 2007], см. также работы учеников этой школы [Авдоница 2009; Адонина 2007; Тавдгиридзе 2005; Шаманова 2009 и др.], поскольку в рамки данной модели вписываются элементы как семантико-когнитивного, так и лингвокультурологического подходов, позволяющие наиболее полно отразить специфику нашего объекта исследования.

З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют следующие составляющие структуры концепта: информационное содержание, образ (метафорический и перцептивный) и интерпретационное поле структуры концепта [Попова, Стернин 2007: 60].

Информационное содержание концепта образуется, прежде всего, категориальными когнитивными признаками, характеризующими родовую сущность концепта. В русской лингвистической традиции исследования концепта для выявления информационного содержания ученые обращаются к лексикографической интерпретации ключевой лексемы, имени анализируемого концепта, на материале толковых словарей описывается семная и семантическая структуры ключевой лексемы, выявляются семантические признаки лексемы, составляющие понятийное ядро слова, вербально репрезентирующего концепт. Аспектные словари позволяют

дополнить набор основных когнитивных признаков, выявленных на основе словарных дефиниций.

Образ состоит из когнитивных признаков, которые кодируют концепт, формируя «единицу универсального предметного кода» [там же: 57]. Выявление у абстрактного концепта образного содержания, имеющего чувственную природу, представляет значительную трудность. Поэтому среди известных исследовательских приемов наиболее эффективной является экспериментальная методика опроса информантов, которая представляет собой самый оперативный способ доступа к языковому сознанию и «позволяет эксплицировать глубинные слои структуры концепта» [Пименова 2011: 91].

Интерпретационное поле концепта включает когнитивные признаки, истолковывающие информационное содержание концепта. Они носят подчас противоречивый характер, содержат информацию о символическом восприятии концептуализируемого явления в культуре. В качестве материала для исследования интерпретационного поля нами были взяты паремии, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, пословицы и поговорки признаны репрезентантами сущности концептуальной структуры этнокультурного сознания, см.: [Алефиренко 2010: 133] и эксплицируют тот «пласт лексики, в котором «отложены» наиболее древние и устойчивые архетипы этнического сознания» [Воркачев 2010: 20]. Во-вторых, паремии отражают национальный характер как «совокупность некоторых особенностей духовного облика народа, которые проявляются в свойственных его представителям традиционных формах поведения, восприятия окружающей среды» [Баграмов 1973: 13].

Когнитивные признаки в структуре концепта упорядочены по принципу выделения ядра, ближней и дальней периферии, что представляется достаточно условным: «статус признака лишь указывает на меру его удаленности от ядра по степени яркости» [Попова 2007: 61].

Обратимся к характеристике структуры концепта *здоровье*.

1.1. Информационное содержание концепта *здоровье*

1.1.1. Семантическая структура лексемы *здоровье*

Материалом исследования послужили словарные статьи лексемы *здоровье*, зафиксированные в 19 фундаментальных толковых словарях:

1). 5 лексикографических источников дореволюционной эпохи (1809 г. – 1917 г.), см.: [Даль 1863; издание – 1998, Т.1; САР 1809, Т.2; Срезневский 1893, Т.3: 697–698, а также Т.1: 96; СРЯ XIXVII 1978, Т.5; СЦСРЯ 1847, Т.2];

2). 5 лексикографических источников советской эпохи (1935 г.– 1985 г.), см.: [ТСРЯ 1935, Т.1; БАС 1955, Т.4; МАС 1985, Т.1; СРЯ 1960; СРЯ 1978];

3). 9 лексикографических источников постсоветской эпохи (1998 г. – 2011 г.), см.: [БАСРЯ 2006, Т.6; Дмитриев 2003; Ефремова 2000; Кузнецов 2000; Лопатин 2011; РСС 2003; Скляревская 2009; ТСРЯ 2011; Шушков 2003].

Представим полученные данные в таблице 1, где жирным шрифтом выделены идентификаторы, на основе которых в последующем параграфе будет проводиться процедура ступенчатой идентификации.

Таблица 1. Словарные статьи лексемы *здоровье* в толковых словарях

Название лексикографического источника	Словарная статья лексемы <i>здоровье</i>
Толкование лексемы <i>здоровье</i> в словарях дореволюционной эпохи	
1. Словарь Академии Российской [САР 1809, Т. 2: 42–43]	<i>Здоровье</i> – см. <i>здравие</i> . <i>Здоровье его от часу хуже становится.</i> <i>Здравие</i> – <i>состояние</i> тела животного, когда все части беспрепятственно и во всей силе естественно свои действия производят. <i>Здравие и крылость лучше есть всякого злата.</i>
2. Словарь церковно – славянского русского языка [СЦСРЯ 1847, Т. 2: 81]	<i>Здоровье</i> – <i>состояние</i> тела животного, когда оно беспрепятственно совершает свойственные ему действия. <i>Здоровье цветущее, расстроенное, слабое</i>
3. Срезневский И.И. Материалы для словаря	<i>Съдравие</i> – <i>здоровье</i> ; <i>духовное здоровье</i> , чистота; <i>Съдоровие</i> – <i>здоровье</i> , <i>благополучие</i> .

<p>древнерусского языка по письменным памятникам [Срезневский 1893, Т.3: 697–698, а также Т.1 1893: 967].</p>	
<p>4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Даль 1998, Т.1: 675]</p>	<p><i>Здоровье</i> или <i>здравие</i> – состояние животного тела (или растения), когда все жизненные отправления идут в полном порядке; отсутствие недуга болезни.</p>
<p>5. Словарь русского языка XI XVII вв. [СРЯ XI XVII вв. 1978, Т.5: 365–366]</p>	<p><i>Здравие</i> – 1. Хорошее здоровье. <i>Выздоровление, прекращение болезни</i> 2. Чье-л. благополучие, состояние, положение <i>Со здравием</i> – благополучно. <i>Здоровье (ие)</i> – 1. Здоровье, хорошее состояние здоровья. <i>В своем здоровье</i> – в хорошем состоянии здоровья, не будучи больным; 2. Чье-л. благополучие, состояние, положение. <i>В добром здоровье</i> – благополучно, в целости и сохранности. <i>Здравство</i> 1. То же, что здравие (в знач. 1) 2. То, что разумно, истинно.</p>
<p>Толкование лексемы <i>здоровье</i> в словарях советской эпохи</p>	
<p>6. ТСРЯ 1935 – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова [ТСРЯ 1935, Т.1: 1090].</p>	<p><i>Здоровье</i> – 1. Нормальное состояние правильно функционирующего, неповрежденного организма. <i>Расстроить з. Несокрушимое з.</i> Состояние организма (разг.). <i>Слабое з. Неважное з.</i> 2. Перен. Внутренняя целостность, не поврежденность, отсутствие внутренней порчи, разложения (книжн.). 3. <i>общественной жизни.</i></p>
<p>7. БАС – Словарь современного русского литературного языка / под ред. А.М. Бабкина [БАС 1955, Т.4: 594].</p>	<p><i>Здоровье</i> – Состояние живого организма, при котором правильно совершаются все его действия. Противопол.: <i>болезнь. Заботиться о здоровье. Расстроить здоровье. Поправить здоровье.</i></p>
<p>8. МАС – Словарь русского языка А.П. Евгеньевой. [МАС 1985, Т.1: 605].</p>	<p><i>Здоровье</i> – 1. Состояние организма, при котором правильно, нормально действуют все его органы. <i>Потерять здоровье. Заботиться о здоровье.</i> То или иное состояние организма, самочувствие.</p>
<p>9. СРЯ 1960 – Словарь русского</p>	<p><i>Здоровье</i> – 1. Правильная, нормальная деятельность животного организма. Состояние</p>

языка (4-е изд.) / под ред. С.И. Ожегова [СРЯ 1960: 224].	здоровья. <i>Беречь з. Расстроить з.</i> 2. То или иное состояние организма. <i>Крепкое, слабое з.</i>
10. СРЯ 1978– Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. (12-е изд.) [СРЯ 1978: 212].	<i>Здоровье</i> – 1. Правильная, нормальная деятельность организма. <i>Состояние здоровья. Беречь з. Расстроить з.</i> 2. То или иное состояние организма. <i>Крепкое, слабое з.</i>
Толкование лексемы <i>здоровье</i> в словарях постсоветской эпохи	
11. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка [Кузнецов 2000: 361]	<i>Здоровье</i> – 1. Нормальное состояние организма, при котором правильно действуют все его органы. <i>Заботиться о здоровье. Вредно для здоровья.</i> 2. Самочувствие , то или иное состояние организма. <i>Жаловаться на з. Слабое з. Могучее з. Здравие (устар.) = Здоровье. Здравия желаю (желаем). Воинское приветствие младшего (младших) по званию. Начать за здравие, а кончить за упокой. Начать говорить о чем-л. хорошо, веселым, а кончить плохо, мрачно.</i>
12. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Ефремова 2000: 549].	<i>Здоровье</i> – 1. Состояние организма, при котором правильно функционируют его органы. 2. Самочувствие 3. перен. Духовное, социальное благополучие.
13. РСС – Русский семантический словарь / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой [РСС 2003: 123–124].	<i>Здоровье</i> – 1. Правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие . <i>Состояние здоровья. Беречь з. Расстроить з. Здравие (устар.) – То же, что здоровье (теперь употр. в нек-рых выражениях). Во з. (на здоровье). За з. (о молитве: за живущих, здравствующих).</i>
14. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка [Дмитриев 2003: 399–400].	1. <i>Здоровье</i> – это состояние организма человека, при котором он не болеет . <i>Беречь здоровье.</i> 2. <i>Здоровьем</i> называют состояние, самочувствие человека. <i>Слабое, плохое здоровье. Крепкое здоровье.</i>
15. Шушков А.А. Толково – понятийный словарь русского языка [Шушков 2003: 170].	<i>Здоровье</i> – нормальное, хорошее состояние и функционирование организма; определенное состояние организма

<p>16. БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка / отв. ред. К.С. Горбачевич [БАСРЯ 2006, Т.6: 696–697].</p>	<p><i>Здоровье</i> – 1. Нормальное состояние организма, при котором правильно функционируют все его органы. <i>Заботиться о здоровье. Вредно для здоровья.</i> Состояние организма, самочувствие кого-л. <i>Слабое, неважное здоровье.</i> <i>Состояние здоровья, по состоянию здоровья.</i> 2. Перен. Внутреннее, духовное состояние человека, общества, соответствующее общепринятым морально-этическим нормам. <i>Здравие</i> (устар.) – То же, что <i>здоровье</i>. <i>Здравия желаю (желаем).</i> Форма приветствия в армии младшим (младшими) старшего по званию.</p>
<p>17. Складская Г.Н., Ваулина Е.Ю. Комплексный нормативный словарь современного русского языка [Складская 2009: 478].</p>	<p><i>Здоровье</i> – 1. Биол. и Мед. Состояние организма, характеризующееся правильным функционированием всех его органов, а также полной уравновешенностью с окружающей средой. <i>Заботиться о своем здоровье. Вредно для здоровья и т.д.</i> 2. Общее физическое состояние организма человека, самочувствие. <i>Поинтересоваться здоровьем бабушки.</i> 3. Перен. Духовное, социальное благополучие. <i>Здоровье нации. Здоровье общества.</i></p>
<p>18. ТСРЯ 2011 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова [ТСРЯ 2011: 275].</p>	<p><i>Здоровье</i> – 1. Правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие. <i>Состояние здоровья. Беречь з. Расстроить з.</i> 2. То или иное состояние организма. <i>Крепкое, слабое з. Как з?</i> <i>Здравие</i> (устар.) – То же, что <i>здоровье</i> (теперь употр. в нек-рых выражениях). <i>Во з. (на здоровье). За з. (о молитве: за живущих, здравствующих).</i></p>
<p>19. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. [Лопатин 2011: 219].</p>	<p><i>Здоровье</i> – 1. Правильная, нормальная деятельность организма. <i>Охранять з. Желать здоровья. Заботиться о своем з.</i> 2. То или иное состояние организма. <i>Крепкое, слабое з.</i> <i>Здравие</i> – в добром (или полном) здравии – совершенно здоров; <i>здравия желаю (желаем)</i> – воинское приветствие.</p>

Анализ внутривидовой парадигмы лексемы *здоровье* показал специфику семантической структуры слова. Дореволюционные лексикографические источники дают один ЛСВ лексемы – «состояние тела

животного, когда все части беспрепятственно и во всей силе естественно свои действия производят» [САР 1809, Т.2: 42–43; СЦСРЯ 1847, Т.2: 81; СРЯ XI XVII вв. 1978, Т.5: 365–366] с уточнением «отсутствие недуга, болезни» [Даль 1998, Т.1: 675; СРЯ XI XVII вв. 1978, Т.5: 365–366]. Иллюстративный материал к толкованию основного значения транслирует градуальную шкалу состояния здоровья: *Здоровье цветущее, слабое, расстроенное* [СЦСРЯ 1847, Т.2: 81].

В словаре И.И. Срезневского присутствует указание на «духовное здоровье», помимо физического, акцент на которое делают остальные дореволюционные источники [Срезневский 1893, Т.3: 697–698].

Анализ советских лексикографических источников, с одной стороны, выявил дифференцированный подход к толкованию базового ЛСВ, с другой стороны, показал стабильность в понимании значения лексемы *здоровье*.

Раскроем сформулированное выше положение. Словарные дефиниции советских словарей представили понятие *здоровье* в суженном виде. Если в словаре В.И. Даля речь шла о здоровье не только человека и животного, но и растения, см.: «состояние *животного тела (или растения)*» [Даль 1998, Т.1: 675], то послереволюционные словари, вводя в дефиниции лексему *организм*, практически «скроили» здоровье по мерке человека, вывели человеческое тело из систематики других кодов (растительных, зооморфных), поскольку *организм* определяется как «1. Живое целое, обладающее совокупностью свойств, отличающих его от неживой материи. 2. Совокупность физических и духовных свойств человека» [ТСРЯ 2011: 573]. Кроме того, включение в словарную дефиницию лексемы *самочувствие*, отсылающей к внутреннему ощущению состояния человека, не оставляет возможности для иного понимания субъекта, носителя данного состояния. Подтверждением служит словарная статья лексемы *здоровье* из «Толкового словаря русского языка» Д.В. Дмитриева [2003], представляющего опыт словаря принципиально нового типа. В нем применен опыт наивной лексикографической практики, слова даются в естественном

для носителя языка контексте, в нем нет слишком общих толкований. Семантическое описание слова *здоровье* в свете наивного лексикографирования дано через образ человека: «1. *Здоровье* – это состояние *организма человека*, при котором *он* не болеет. *Беречь здоровье*. 2. *Здоровьем* называют состояние, самочувствие *человека*. *Слабое, плохое здоровье*. *Крепкое здоровье*» [Дмитриев 2003: 399–400].

Так здоровье стало осознаваться чаще всего как антропоцентрический феномен. Ученые отмечают, что «изосемическая функция лексики со значением *здоровье* – характеризовать человека, данная лексика антропологична по своей сути» [Камалова 2009: 44]. Между тем, как справедливо замечает Т.В Шмелева, здоровье и «болезни свойственны и животным, и растениям, о чем говорит хотя бы наличие в языке наименований соответствующих наук и практик (*ветеринария / weterynaria, фитопатология / fitopatologia*), а проблема болезни бешеных коров занимает в современных средствах массовой информации такое место, что можно уже говорить о „дискурсе бешеных коров”» [Шмелева 2001: 14].

В то же время в советских словарях наметилась необходимость разбиения базового значения лексемы *здоровье* на два или даже три самостоятельных ЛСВ. Так, в словаре С.И. Ожегова впервые представлена самостоятельность двух аспектов здоровья, которые в других словарях даны недифференцированно: «1. **Правильная, нормальная деятельность** животного организма. *Состояние здоровья*. *Беречь з*. *Расстроить з*. 2. **То или иное состояние** организма. *Крепкое, слабое з*.» [СРЯ 1960: 224]. В свою очередь, словарь Д.Н. Ушакова выделяет переносное значение лексемы: «2. *Перен*. Внутренняя целостность, не поврежденность, отсутствие внутренней порчи, разложения (книжн.). 3. *общественной жизни*» [ТСРЯ 1935, Т.1: 1090].

Постсоветские лексикографические источники продолжили работу по специализации базового ЛСВ лексемы *здоровье*. Дефиниции всех словарей постсоветского времени представляются как набор модификационных

вариантов лексемы *здоровье*, который в общем виде наиболее отчетливо реализован в «Комплексном нормативном словаре современного русского языка» Г.Н. Складневской, Е.Ю. Ваулиной [2009]:

1. *Биол. и Мед. Состояние* организма, характеризующееся ***правильным функционированием всех его органов***, а также полной уравновешенностью с окружающей средой. *Заботиться о своем здоровье. Вредно для здоровья* и т.д. [Складневская 2009: 478].

Впервые современные толковые словари указывают на особенность лексемы *здоровье*: она является двуплановым феноменом – обыденным и специальным словом (термином), см. например, о подобных концептах в [Дзюба 2011: 76–81; Панасова 2007: 22–26 и др.]. Здоровье – основная единица естественного языка и один из ключевых терминов медицины. Словарная помета *Биол. и Мед.*, указывающая на терминологическое употребление лексемы, позволила сохранить в толковых словарях расширенное понимание организма как «живого целого, обладающего совокупностью свойств, отличающих его от неживой материи».

Обращение к анализу толкования лексемы в специальных и энциклопедических словарях показало, что и в научной картине мира существует понимание здоровья как благополучия человека, см.: [Блеер 2010: 121; БМЭ 1978, Т. 8: 355–356; БСЭ 1972, Т. 9: 442; БРЭ 2008, Т. 10: 352 – 353 и др.]. Ср. определение, данное в 1948 году в Уставе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ставшее классическим, хотя и небесспорным, см.: [БМЭ 1978, Т.8: 356], при трактовке феномена в научных исследованиях: «*Здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов*».

Данное определение практически совпадает с пониманием здоровья в наивной языковой картине мира. Ср. последующие ЛСВ лексемы:

«2. Общее физическое ***состояние*** организма человека, ***самочувствие***. *Поинтересоваться здоровьем бабушки*.

3. *Перен. Духовное, социальное благополучие*» [Скляревская 2009: 478].

Таким образом, сопоставление внутривидовой парадигмы лексемы *здоровье* в динамическом аспекте практически не показало семантического развития лексемы *здоровье*. Так, зачатки метафорического значения представлены в словаре И.И. Срезневского. Причинно-следственная зависимость хорошего состояния организма от правильного функционирования органов тела отмечается уже в первых толковых словарях русского языка: Словаре Академии Российской и Словаре церковно-славянского русского языка. Градуальность состояния здоровья отмечается в иллюстративной части дефиниции лексемы *здоровье* «Словаря церковно-славянского русского языка»: *Здоровье цветущее, расстроенное, слабое* [СЦСРЯ 1847, Т.2: 81]. Скорее, сравнение словарей разных временных эпох показало лишь развитие научного подхода к лексикографической практике, стремление ученых предъявить к описанию семантики слова в словаре достаточно жесткие требования.

1.1.2. Семная структура лексемы *здоровье*

Анализ совокупности представленных дефиниций лексемы *здоровье* позволяет говорить о сложности толкования анализируемого феномена. Лексикографический анализ показывает связь здоровья с двумя концептуальными областями – состоянием и деятельностью. В словарные дефиниции разных словарей входят лексемы высокого уровня абстракции: *состояние, деятельность, функционирование, норма, организм, болезнь*. Предельно абстрактные имена «являются достаточно пустыми контейнерами» [Чернейко 1997: 121], их информационная недостаточность позволяет уже на первом этапе компонентного анализа установить факт взаимной идентификации. «Такая ситуация сигнализирует о том, что дальнейшее разложение значений с помощью слов того же языка невозможно» [Кузнецова 1982: 38].

При анализе лексикографических интерпретаций лексемы *здоровье*, данных в толковых словарях, мы выделили следующие лексикографические семантические инварианты лексемы, которые были подвергнуты процедуре ступенчатой идентификации:

Здоровье – 1. Правильная, нормальная *деятельность* организма, его полное физическое и психическое *благополучие*. Противопол.: *болезнь* 2. То или иное *состояние* организма, *самочувствие*.

Состояние – *положение*; положение – *состояние* кого-чего-н.

Деятельность – *работа* каких-н. органов; работа – *деятельность*.

Болезнь – *расстройство*; расстройство – *состояние*.

Благополучие – спокойное и счастливое *состояние*.

Самочувствие – *состояние* физических и душевных сил человека.

Слова-идентификаторы высокого уровня абстракции *состояние* и *деятельность* образуют взаимосвязанные категориальные когнитивные признаки, характеризующие родовую сущность концепта *здоровье*:

Состояние организма и *деятельность* его органов находятся между собой в каузативной связи, которая представляет собой «устойчивую генетическую связь явлений, из которых одно, причина, порождает или изменяет другое, следствие» [Аматов 2003: 30], см. также [Воборжил 2006: 103–108; Норман 1990: 15–16 и др.].

При этом функционирование организма – это особый вид деятельности, которая локализуется в определенном органе, выполняющем определенное действие. Эта деятельность квалифицируется как «несамостоятельное, неосознанное действие» [Бацевич 1997: 98], по терминологии Н.Ю. Шведовой, «бытийное состояние», характерное для имен, называющих части тела человека и животного. Природа данного подкласса «натурфактов» такова, что они «управляются более сложно организованным целым – человеком или животным, <...> их функции как бы заданы изначально и в определенных пределах» [там же: 99]. Работа органов тела часто невидима и не осознаваема, особенно в здоровом состоянии.

Таким образом, категориальный когнитивный признак концепта *здоровье* – это *состояние* (организма), *бытийное состояние* (его органов).

В словарных толкованиях лексемы *здоровье* представлена определенная модальная рамка: с одной стороны, *наблюдателя*, когда дается объективная (внешняя) характеристика состояния здоровья, и, с другой стороны, *самого носителя состояния*, которое определяется в словарях как *самочувствие*. Эта важная дифференциация взгляда на здоровье (внешнего и изнутри) дает возможность говорить об особенностях понимания состояния организма, видимого через внешний облик и осознаваемого через внутреннее состояние: «сам человек своего состояния не видит, но соматически он его знает, и оно проявляется внешне» [Чернейко 1997: 118].

В работах, посвященных концепту *здоровье*, описывается внешняя оценка здоровья, которая выражается следующими признаками: «внешний вид, эстетическое впечатление, гигиена» [Усачева 2002: 112], ср. конкретные показатели здоровья / нездоровья: *румяное, зеленое, бледное лицо* и т.д., см. об этом подробнее [Рахилина 2008: 184]. Особое место среди показателей здоровья занимает кожа, которая «служит индикатором здоровья, <...> становясь носителем и показателем собственно человеческой жизни» [Березович 2014: 109]. Внешние проявления в объекте (*здоровый* или *радостный вид*) отмечаются не только зрительно, но и сознанием, поэтому приобретают статус оценки. «Соответствующий аспект концептуализации может рассматриваться как экспериентциально-оценочный» [Колесов 2009: 322].

Охарактеризуем понятие *самочувствие* как «*состояние физических и душевных сил человека*». К характеристике многоаспектного состояния человека как организма цельного, в совокупности его физических и психических свойств, обращается не только медицина, но и современная гуманитарная наука, определяя телесность как культурологическую ценность, см. обзор философских и литературоведческих интерпретаций в [Комаров 2014]. Так, например, М.М. Бахтин пишет, что человек с ног до

головой «нужен весь – дышащий, движущийся, видящий, слышащий, помнящий, любящий и понимающий» [Бахтин 1979: 70].

При этом самочувствие – специфический метод познания телесности, осмысление такого важного параметра субъективности, как тело. Тело предстает как самодостаточное явление, определяющее идентичность субъекта. Субъективное переживание телесного опыта является сложным, трудно определимым, но реальным процессом. А. Вежбицка, обращаясь к анализу семантики глагола *чувствовать*, выделяет компонент «ощущение», отличающийся от разнообразных понятий, с которыми он связан (с одной стороны, видения, слышания, с другой стороны, мышления). Этот компонент – «нечто во мне (нечто в моем теле) сообщает мне...» [Вежбицка 1986: 363], реальность компонента «нечто происходит во мне» подтверждается в языке существованием идиом, например: *Я чувствую в глубине сердца, I feel in my bones that..* (букв. *Я чувствую в своих костях, что...*) и др. [там же: 364].

Кроме телесной, физической стороны второй аспект состояния человека – это его *психическое состояние*, состояние *душевных сил*. Данные элементы словарных дефиниций являются синонимичными, что позволяет выявить методика взаимной идентификации: **психика** – *душевный склад человека* [ТСРЯ 2011: 775]. **Душевный** → *душа – внутренний психический мир человека, его сознание* [там же: 221].

В русском языке отразились особенности христианской антропологии, согласно которой человек имеет тройственное строение: *дух – душа – тело*. Физическому, материальному началу (*телу*) противопоставлено нематериальное, для обозначения которого в языке существуют две единицы – *дух* и *душа*. Кроме того, «для наивно-языкового сознания указанную триаду заменяют две оппозиции: *дух – плоть* и *душа – тело*» [Шмелев 2002: 21]. Для нашего исследования важно разграничение функций, которые выполняют *душа* и *дух*. Если душа подобна материальному органу, вмещающему внутреннюю жизнь человека, его сокровенные мысли и чувства, то дух является более высокой субстанцией, которая «не столько находится внутри

человека, сколько окружает его и его душу», и в то же время составляет «внутренний стержень» души [там же: 22–25], символизирующий внутреннюю моральную силу и нравственную стойкость. Чтобы подчеркнуть эти аспекты внутреннего психического мира человека, данный признак мы обозначим как *душевное / духовное состояние человека*.

Самочувствие как субъективное осознание человеком своего тела выводит исследователя на проблему градуальности здоровья, противоположные точки шкалы которой составляют *здоровье* и *болезнь*. Единый образ здорового организма человека в то же время является «совокупностью порогов, указывающих на границы отдельных состояний тела» [Подорога 1995: 18]. Авиценна (980–1037 гг.) первым в «Трактате о гигиене» [Авиценна 1990] разделил физиологическое состояние человека на 6 градаций:

- 1) тело здоровое до предела;
- 2) тело здоровое, но не до предела;
- 3) тело не здоровое, но и не болезненное;
- 4) тело в хорошем состоянии, быстро воспринимающее здоровье;
- 5) тело болезненное легким недугом;
- 6) тело болезненное до предела.

В словарных дефинициях на градуальность состояния здоровья указывает сочетание *то или иное* (состояние). Уточним семантику местоименных единиц: **то** – «5. мест. указ. при перечислении *противопоставляется* словам «иной», «другой», «этот» [ТСРЯ 2011: 992]; **иной** – «другой, *отличающийся* от этого» [там же: 301], союз **или** «соединяет однородные члены предложения, находящиеся в *отношениях взаимоисключения*» [там же: 295]. Таким образом, сочетание указывает, что состояние здоровья может варьироваться. Указание на варьирование поддерживается иллюстративным материалом словарных статей: *Здоровье его от часу хуже становится; Здоровье цветущее, расстроенное, слабое; Слабое, плохое здоровье. Крепкое здоровье.*

Здоровье и *болезнь* представляют собой два самостоятельных, равноправных концепта, входящих в концептуальный бинომ, структурированный «по принципу бинарных контрадикторных оппозиций» [Волкова 2014: 101], который характерен для русской языковой картины мира, см. об этом подробнее [Зализняк Анна 2013; Лотман 1996 и др.]. В современной лингвистике подобные оппозитивные концепты могут быть как единым объектом научного исследования, см. анализ концептов *тоска* – *радость* [Шмугурова 2011]; *ум* – *глупость* [Кириллова 2012], *жизнь* – *смерть* [Тарасенко 2008], *любовь* – *ненависть* [Балашова 2004], так и отдельным от бинарной пары самостоятельным предметом анализа: *жизнь* [Ипанова 2005], *смерть* [Осипова 2005], *любовь* [Вильмс 1997], *тоска* [Димитрова 2001], *ум и разум* [Сергеева 2004] и др.

В словарных дефинициях регулярно идет отсылка к оппозитивному состоянию здоровья – болезни: *отсутствие* недуга *болезни* [Даль 1998, Т.1: 675], *прекращение болезни* [СРЯ XI XVII вв. 1978, Т.5: 365–366]; Противопол.: *болезнь* [БАС 1955, Т. 4: 594], *состояние* организма человека, при котором он *не болеет* [Дмитриев 2003: 399–400].

Данное включение антонимичной лексемы в толкование не случайно. Пониманию содержания единицы высокого уровня абстракции *здоровье* помогает более конкретная на шкале абстрактных имен единица состояния – *болезнь*. Без опоры на антоним понятийное содержание здоровья не имеет необходимой информационной поддержки, ср. высказывание И.С. Тургенева: «Счастье – как здоровье, если не замечаешь, значит, оно есть». Известна философская рефлексия Ф.Ницше, который, выявляя антиномию болезни и здоровья, видит в болезни некий ракурс осмысления здоровья, точку зрения на здоровье [Ницше 1990].

В информационном поле концепта мы выделяем признаки, имеющие дифференциальный характер. Покажем процедуру их выделения на основе словарных толкований.

Выше мы обсуждали статус *субъекта*, носителя здорового состояния, и пришли к выводу, что словарная статья вводит в толкование здоровья лексему *организм*, которая в контексте современных словарных дефиниций сводится ко 2 ЛСВ – «2. Совокупность физических и духовных свойств человека».

Процедура ступенчатой идентификации: ***Совокупность*** – *совместный*; *совместный* – *общий*; *общий* – используемый *совместно* – показывает, что *организм* – единая психическая форма представления физического тела человека, в которой целое господствует над своими частями.

В словарных толкованиях присутствует атрибутивная характеристика состояния и деятельности организма, выраженная качественными прилагательными *правильная* и *нормальная*. Проведем ступенчатую идентификацию этих лексем:

Правильный – *закономерный*; *закономерный* – *соответствующий*; *соответствующий* – *должный*; *должный* – *подобающий*; *подобающий* – как *нужно*; *нужно* – *необходимо*; *необходимо* – то же, что *нужно*, т.е. **то, что следует норме.**

Нормальный (1) – *обычный*; *обычный* – *привычный*; *привычный* – *обычный*.

Нормальный (2) – *соответствующий норме*; *норма* – *признанный обязательным порядок*; *порядок* – *правильное, налаженное состояние* – см. *правильный*.

Определенную трудность представляет характеристика состояния здоровья как нормального. Установленной меры нормального состояния организма нет. Важным моментом для определения нормы являются мысли Аристотеля о благотворности середины: «избыток и недостаток губельны для совершенства» [Аристотель 2002: 35]. ЛСВ *нормальный (1)* указывает на соответствие определенному стандарту. Стандарт, норма как *обычное, привычное, среднее* «имеет слабый выход в лексику» [Арутюнова 1988: 234], не вызывает интереса и не является предметом обсуждения, может быть,

поэтому так трудно иногда здоровье поддается осознанию. В языке же богато представлены только отклонения от нормы.

Идея благотворности середины ярче отражается в ЛСВ *нормальный* (2). Толкование лексемы *норма* как *признанный обязательным порядок* указывает на соответствие здоровья с установленными социокультурными нормативами, поэтому норму можно представить с точки зрения аксиологической шкалы, «необъемлемого признака мира человека» [Троян 2014: 50], и тогда норма лежит не в серединной части шкалы, а является «аксиологическим плюсом» [там же]. По мнению Н.Д. Арутюновой, в области аксиологического градуирования норма «совпадает скорее с ее позитивным краем» [Арутюнова 1988: 235], поэтому выражение «хорошее здоровье» можно интерпретировать как «соответствующее норме», а не ее превышающее [там же]. Об этом же пишет И.А. Стернин: «соответствие норме является своего рода положительной оценкой предмета или явления» [Стернин 1979: 103]. Ср. стереотипы здоровья, многие из которых связаны с различной интерпретацией нормы, например: *нормальная температура тела* (36,6) – стандартная, обычная для здорового организма. Рядовой вопрос «Как дела?» оканчивается классическим ответом «*нормально*» [Туленинова 2008: 51–52]. В последнем случае синонимом к этому ответу является оценочный синоним «*хорошо*». Таким образом, норма как показатель здоровья коррелирует, с одной стороны, с естественным, с другой стороны, искомым состоянием человека, обладающим положительным признаком идеальной нормы.

Признаки, демонстрирующие отношение к здоровью как к ценности высшего порядка, также можно выделить путем проведения компонентного анализа лексемы *благополучие*: «1. Правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое *благополучие*».

Благополучие – спокойное и счастливое состояние.

Спокойный – лишенный тревог, забот; Тревога, забота – *беспокойство*. *Беспокойство* – *беспокойный* – противополож. *спокойный*.

Счастливым – полный счастья; счастье – чувство и состояние полного, высшего удовлетворения; удовлетворение – чувство того, кто доволен исполнением своих стремлений, желаний, потребностей; довольный – испытывающий чувство удовлетворения.

Признаки *отсутствие беспокойства, состояние удовлетворения* носят ценностный характер, «благополучие есть положительно оцениваемое состояние человека» [Карасик 2010: 35].

Итак, дифференциальными когнитивными признаками, уточняющими родовые признаки концепта *здоровье*, являются следующие:

1. *субъект состояния* – человек как живой организм;
2. *физическое состояние здоровья и душевное / духовное состояние здоровья* – атрибутивные признаки, указывающие на многоаспектный характер анализируемого феномена;
3. *состояние здоровья как ценность* – признак положительной оценки как результат оценочного отношения субъекта к здоровью, характеризующий здоровое состояние человека как спокойное и счастливое (*благополучие*); деятельность организма как нормальную;
4. *градуальность состояния: Здоровье / Нездоровье*.

1.1.3. Семантические признаки лексемы *здоровье* по данным аспектных словарей

1.1.3.1. В словарях сочетаемости представлен синтагматический аспект системной характеристики слов. Анализ валентной структуры имени, т.е. постоянных семантических связей с другими именами, «вступающими с ним в характерные синтаксические отношения» [Рахилина 2008: 38], позволяет подтвердить или дополнить набор семантических признаков, выделенных на основе словарных дефиниций. Типовая сочетаемость лексемы в словарях подобного типа представлена в условиях «минимально достаточного контекста» (в терминологии Б.Н. Головина).

Анализ сочетаемостных свойств лексемы *здоровье* на основе «Словаря сочетаемости слов русского языка» П.Н. Денисова, В.В. Морковкина показал: правую валентность заполняет генитивная конструкция, указывающая на субъекта, носителя состояния: *Здоровье кого: (о человеке) людей, трудящихся, детей, брата, сестры, Ани* [Денисов 1983: 187]. Эта сочетаемость подтверждает выявленную в предыдущем параграфе антропоцентрическую составляющую концепта *здоровье*: субъект, носитель состояния, – человек. Он также может быть членом конструкции с информативно-восполняющим значением: *Человек, мужчина...какого-л. (крепкого...) здоровья*. В таких конструкциях родительный падеж (*какого-л. здоровья*) «не поддается никакой отдельной семантической характеристике» [Грамматика 1980, Т.1: 478], лексема *здоровье* с атрибутивным сопроводителем необходимо восполняет собою существительное *человек*, «создавая вместе с ним минимальную содержательную единицу» [там же].

Левая валентность субстантива *здоровье* заполняется классом адъективных определений, которые предполагают апелляцию к градуальности здоровья – от оценочно-положительных (*хорошее, прекрасное, крепкое*) до оценочно-отрицательных характеристик здоровья (*плохое, слабое, неважное*).

Кроме указанного выше очевидного наблюдения, подтверждающего наши выводы, сделанные в предыдущем параграфе, мы имеем возможность указать на еще одно важное свойство субстантива *здоровье*. Анализируемая лексема имеет жесткую «пациентную семантическую структуру» [Рахилина 2008: 117]. Данная ролевая классификация делит класс существительных на группы агентивных (активных) и пациентных имен. К первой группе относятся инструменты и механизмы – это первые актанты встроенного в их семантику глагола: *игла* – то, что колет; *нож* – то, что режет. Вторая группа – пациентные имена – имеет неагентивные роли в стандартной ситуации использования: в процессе функционирования объекты, которые описывают эти имена, могут сломаться, разрушиться, повредиться. Показателем

пациентности имени служит сочетаемость имен с прилагательным *крепкий*. «*Крепкий* определяет только те объекты, на которые направлено некоторое воздействие, а не те, которые сами это воздействие осуществляют» [там же: 115].

Толкование пациентного объекта возможно по схеме: «Если в процессе функционирования на объект воздействовать определенным способом, то он проявит свойство А» [там же]. Наблюдения над лексической сочетаемостью прилагательного *крепкий*, сделанные Е.В. Рахилиной, позволяют нам спроецировать результаты исследования на наш материал и выявить еще один аспект концепта *здоровье*. Существуют как негативные, так и позитивные способы воздействия на пациентную природу нашего объекта, чтобы он проявил свойство А. Если, например, следовать постулатам здорового образа жизни, т.е. правильно «пользоваться» организмом, то *здоровье* проявит свойство А – будет *хорошим, прекрасным, крепким*. Если воздействовать на *здоровье* разрушительным способом – пить, курить, не следить за питанием, не вести активный образ жизни и т.д., то оно также проявит свойство А – будет *слабым, хилым, плохим, неважным*.

Мы рассмотрели активную валентность лексемы *здоровье*, т.е. ее способность подчинять себе определенные типы зависимых слов. Словарь сочетаемости дает нам важную для выявления семантических признаков пассивную валентность, которая проявляется в словосочетаниях, где анализируемая единица является подчиненной по отношению к подчиняющей. Наиболее частотно анализируемое слово сочетается с глаголами в позиции объекта: *охранять; беречь; укреплять; поправить; расстроить; подорвать; вредить; уделять внимание; дорожить; пренебрегать; волноваться; беспокоиться; следить; наблюдать; заботиться; справляться и т.д.* [Денисов 1983: 187]. В данном глагольном ряду выделяется группа глаголов *охранять; беречь; дорожить; заботиться*, семантика которых подчеркивает ценностный семантический компонент, присутствующий в концептуальном ядре. Другой ряд глаголов –

расстроить; подорвать; вредить; пренебрегать, с одной стороны, и *укреплять; поправить; следить; наблюдать*, с другой, – свидетельствует одновременно как о пациентной, так и о градуальной природе объекта.

1.1.3.2. Словообразовательные словари позволяют обратить внимание на деривационную семантику производных с корнем *здоров-*. Наши наблюдения основывались на двух словообразовательных словарях, см.: [Тихонов 2003, Т.1: 372; Ширшов 2004: 331–332]. По своей природе семантика состояния носит признаковый характер, поэтому вершиной словообразовательного гнезда является прилагательное *здоровый*. В именах состояния происходит опредмечивание признака, которое относит производные субстантивы к классу абстрактных существительных. «Категориальное значение слова выражается его морфемным составом» [Кравченко 1986: 65]. Для имен состояния в русском языке существует целый ряд продуктивных и непродуктивных словообразовательных моделей. В нашем случае значение отвлеченного признака выражено суффиксом *-j-* (*здоровье*) либо его вариантом *-иj-* (*здравие*) [Грамматика 1980, Т.1: 181].

Словообразовательное гнездо не обладает разветвленной системой производных, но, тем не менее, интерес представляют парадигмы дериватов (прилагательных и существительных) с субъективно-оценочными значениями: *здоровенький, здоровенный, здоровёхонький, здоровешенький, здоровущий; здоровьечко; здоровьишко, здоровьице*. Деривационная структура слов фиксирует наличие в языке субъективного (включающего в свою личную сферу) отношения к здоровью, носящего иногда иронический оттенок; стилистическую маркированность ряда производных единиц: разговорность слов *здоровенный, здоровущий, здоровёхонький* несомненна. Широкая представленность субъективно-оценочных дериватов свидетельствует о ценностном отношении человека, носителя состояния, к своему здоровью. Особенность анализируемого класса слов, а именно наличие единиц, иронически оценивающих здоровье, нуждается в

дальнейшем осмыслении и будет рассмотрена на материале других источников.

В гнезде присутствует глагольная парадигма – *здороветь, выздороветь, оздоровить, нездоровится*, свидетельствующая об изменчивости состояния здоровья, о градуальности понятия, которое в данном случае передано производными глаголами. Градуальность может быть манифестирована и другими морфемными средствами. Так, крайне отрицательная степень проявления здоровья представлена префиксальным существительным *нездоровье*. Класс лексем со значением лица *здоровяк; здоровила* позволяет выделить семантический признак *физическое состояние здоровья*, который к тому же передан через внешнюю характеристику субъекта, указывающую на крепкое телосложение.

1.1.3.3. В синонимических и антонимических словарях, зафиксированы соответствующие ряды лексемы *здоровье*, см. словари данных аспектов: [Абрамов 1890 (1996); Александрова 1968; Бабенко 2007; Введенская 1995; 2010; Гаврилова 2013; Горбачевич 2012; Евгеньева 1970; Кожевников 2009; Львов 1987; 1994; Михайлова 2006; Шильнова 2011; Федосов 2001]. Анализ синонимических словарей позволил представить обобщенный **синонимический ряд** лексем *здоровье* и *здоровый*, в котором размещены единицы от наиболее употребительных к менее употребительным и стилистически маркированным:

Здоровье – *состояние здоровья; здравие (устар.); самочувствие; здоровьице (ласк.); здоровьишко (пренебр.)*.

Представленный перечень фиксирует бедность синонимического ряда, у лексемы *здоровье* нет полностью «взаимозаменяемых синонимов» [Бухтоярова 2010: 13]. Единицы *состояние здоровья, самочувствие*, данные в словаре З.Е. Александровой, как синонимы выступают только в контекстно связанном значении: «с определением или при вопросе» [Александрова 1968: 167]. В словаре А.П. Евгеньевой лексема *здоровье* отсутствует.

Стилистические синонимы *здоровьице (ласк.)*, *здоровьишко (пренебр.)* говорят о неоднозначном личном отношении субъекта по отношению к своему состоянию.

Немногочисленность синонимического ряда отвлеченного существительного *здоровье* обязывает нас обратиться к прилагательному *здоровый*, мотивирующему абстрактное понятие *здоровье*.

Здоровый – *крепкий; цветущий; пышущий* здоровьем; *здоровый (устар.)*; *крепкотелый; полнокровный; ядерный (разг; прост.)*, (в знач. сказ.) *в соку, в силе, как огурчик, в хорошей форме (разг.)*; (о мужчине) *здоров как бык (разг.)*, *бодрый, сильный; дюжий; закаленный; выносливый; дееспособный; работоспособный; гигиенический (гигиеничный); что ему делается (разг.)*; *пахать (воду возить) можно на ком (прост.)*; *об дорогу не убьешь кого (прост.)*; *закаленный; ражий; дееспособный; работоспособный*.

Многочисленность ряда позволяет выделить признаки, важные для структуры концепта *здоровье*. Общие наблюдения подтверждают «глобальный антропоцентризм» [Троян 2014: 50] характеристик здоровья, они все относятся к человеку, который не страдает какой-либо болезнью. Но в то же время разноплановость этих признаков требует хотя бы краткой характеристики семантической структуры лексемы *здоровый*. В ТСРЯ указывается, что лексема *здоровый* имеет омонимы. **Здоровый** (1) 1. Обладающий здоровьем, не больной. 3. *ребенок. В здоровом теле з. дух.* 2. Выражающий, обнаруживающий здоровье. 3. *вид, 3. румянец.* 3. Полезный для здоровья. *Здоровая пища.* 4. *перен.* Полезный, правильный. *Здоровая идея. Здоровая критика.* **Здоровый** (2) (прост.) 1. Сильный, крепкого сложения. 3. *парень.* 2. О предметах, явлениях: большой, сильный, громкий, крепкий. 3. *мороз. 3. голос. Здоровая палка* [ТСРЯ 2011: 275].

Несмотря на словарно отмеченную омонимию, представляется закономерным, на наш взгляд, основное значение лексемы *здоровый* (2) «(прост.) Сильный, крепкого сложения» включить в наш материал,

поскольку сила в обыденном сознании всегда считалась признаком здоровья, см. обращение к этимологическим словарям в 1.1.3.4.

Лексикографическая справка позволяет сделать выводы, что наличие физического и психического здоровья может оцениваться с точки зрения наблюдателя через внешний вид: *крепкий; цветущий; пышущий здоровьем, крепкотельый, (в знач. сказ.) в соку, в силе, как огурчик, в хорошей форме (разг.):* при этом особо подчеркивается цветущий вид и крепкое телосложение.

Синонимы также манифестируют признак **физическое состояние здоровья**, опирающийся на семантику лексемы *здоровый* (2): *(о мужчине) здоров как бык (разг.), бодрый, сильный; дюжий; закаленный; выносливый.* Кроме того, в словарных статьях дается отсылка: *здоровый, см. сильный, выносливый.* Представим синонимические ряды данных лексем:

Сильный – *могучий, мощный, дюжий (прост.), богатырский, атлетический, железный (об организме), жизнестойкий, геркулесовый; могутный (прост.), ломом подпоясанный (прост.); могущественный; державный; повелительный;*

Выносливый – *двужильный, семижильный; сносливый (прост.), стожильный, стойкий.*

Еще один ряд, выделяющийся в общей парадигме синонимов: *дееспособный; работоспособный, пахать (воду возить) можно на ком (прост.)* – указывает на рабочий диапазон функционирования здорового человека. Здоровье – состояние, которое дает человеку возможность реализовать себя в конкретных условиях социокультурного бытия. Здоровье становится **условием благополучной жизни человека.**

Выделим, во-вторых, обобщенный **антонимический ряд** лексем *здоровье* и *здоровый*, основываясь на полученных данных:

Здоровье – *нездоровье; болезнь; недуг.*

Антонимический ряд представлен лексемами, имеющими градуальный характер: с одной стороны, *здоровье*, с противоположной стороны, *болезнь* и

недуг «(книжн.) – то же, что болезнь» [ТСРЯ 2011: 508], обозначающие «расстройство здоровья» [там же: 54], в серединной части шкалы находится лексема *нездоровье*, которая отделяет одну часть лексем, манифестирующих здоровье, от другой части с лексемами «болезни», см. толкование лексемы *нездоровье* – «болезненное состояние, недомогание» [там же: 509]. Терминологический синоним этой единицы – *предболезнь*. Находясь на «перепутье» между хорошим и плохим состоянием здоровья, лексема *нездоровье*, на наш взгляд, может быть отнесена на градуальной шкале к группе лексем, манифестирующих здоровье.

В качестве аргумента можно привести методологические положения, сформулированные в новой отрасли наук – валеологии, объектом которой является «*практически здоровый, а также находящийся в состоянии предболезни человек*» [Вайнер 2001: 4]. Методы валеологии мотивируют человека на ведение здорового образа жизни, соблюдения культуры здоровья и др., см. также об этом [Брехман 1990; Петленко 1999; Белова 2013: 123–131 и др.]. Вечный вопрос – где кончается здоровье и начинается болезнь – привел специалистов по валеологии к необходимости введения «позитивного» подхода к определению уровня здоровья. Если в медицине критерием здоровья / болезни является отсутствие / наличие хронической или врожденной болезни, то валеология утверждает, что в любом состоянии у человека все-таки есть определенное количество здоровья. Болезнь не отменяет здоровья, «очень часто имеет место не болезнь, а недостаток здоровья» [Вайнер 2001: 45]. Предболезнь входит в компетенцию валеологии, а не медицины.

Мы также можем сослаться на совместные исследования российских и зарубежных социологов, которые пришли к выводу, что россияне достаточно четко выделяют в отношении своего здоровья три состояния: *здоровы* – *нездоровы* – *больны*. Здоровьем для них является состояние, когда они не испытывают никаких ограничений в своей активности (передвижении и выполнении повседневных дел), а болезнью – состояние, когда они

испытывают сильные боли или находятся в тяжелом психологическом состоянии. Между хорошим и плохим здоровьем в их восприятии существует некая пограничная зона, когда человек уже не здоров, но еще и не болен. Этому состоянию соответствовали незначительные и периодически возникающие ограничения активности, боли, общий психологический и физический дискомфорт, который имеет достаточно четко фиксируемые количественные границы по шкале EQ-5D¹.

Здоровый – нездоровый; больной; болящий; болезненный; хилый (прост.); хворый (разг.); недужный; слабого здоровья; слабый; малосильный; квелый (прост.); дохлый (прост.); немощный; плохой; не жилец (на этом свете); стоит одной ногой в могиле (в гробу); на ладан дышит.

Данный ряд может быть градуирован на основании положений, изложенных выше: *нездоровый, слабого здоровья, слабый, малосильный, квелый (прост.), дохлый (прост.), немощный (нездоровье); больной, болящий, болезненный, недужный, плохой; не жилец (на этом свете); стоит одной ногой в могиле (в гробу); на ладан дышит (болезнь).*

Нездоровье опирается на характеристики не больного человека, а человека, лишённого бодрости, энергии, сил.

1.1.3.4. Этимологические словари обращаются к реконструкции значения слова, углубляя наши знания о нем. При анализе толковых и аспектных словарей нам встречалась коллокация *крепкое здоровье*, которая является исторически мотивированной. Слово *здоровь* происходит от корня *дорв* – первоначальное значение «твердое дерево», «сердцевина», «дуб». Тот же вид имеют: лит. *Darva* сосна (сосновое дерево), лтш. *Darwadegotь* и т.д. В значении *сильный, крепкий*: дрва-; *duruva* *здоровый, целый*; *durust* *здоровый, целый, правильный*. Приставка *съ* – сскр. Хорошо [Преображенский 1910–1914, Т.1: 247–248, а также Крылов 2005: 148; Рут 2009: 157; Семенов 2003:

¹ Приводятся результаты работы, проведенной в рамках проекта «Health, health policy and poverty in Russia: the dynamics of the health capacities of the poor and the social policy response», INTAS Ref. Nr. 03-51-3769 (руководители Н. Мэннинг (Великобритания), Н. Тихонова (Россия)).

электронный ресурс; Фасмер 1986, Т.2: 90; Шанский 2002: 97; Черных 1999: 322; Цыганенко 1989: 142; ТСРЯ 2011: 275]. Если обратиться к буквальному считыванию этимологического смысла, то мы увидим, что здоровье обозначает «из хорошего крепкого дерева» [Камалова 2009: 45], также возможно сближение с корнем *dharunas*, который переводится как держащий, поддерживающий; *dharma* – держатель [Преображенский 1914–1917: 248]. Дерево – материал, с которым человек нашей культуры ежедневно сталкивается испокон веков, «до конца XI века лес был воплощением внешнего мира – всего, что окружает мир человека, питая, наставляя его» [Воронцов 2012: электронный ресурс]. При этом этимологи подчеркивают этимологическую близость здоровья и болезни: «**kъrċiti*→ *корча* ‘крепкое дерево’ дает значение ‘здоровье’, а **kъrċiti*→ *прикорчить, скорчужить* ‘согнуть’ служит для обозначения болезни» [Мельникова 2012: 21]. Более того, у славян «существовал запрет на употребление слов, означающих болезненное состояние, заболевшего, в лечебных целях, договаривались считать «здоровым» для того, чтобы он приобрел соответствующие желательные свойства» [Камалова 2009: 45].

Этимологические словари позволили подчеркнуть важность концептуального признака *физическое состояние здоровья*, его связь с ценностной характеристикой денотата.

В целом, аспектные словари подтвердили верность выделения следующих когнитивных признаков: 1) *субъект состояния* – человек; 2) *градуальность состояния: Здоровье / Нездоровье*. Расширили представление о субъективно-оценочном отношении к здоровью – от положительной оценки до пренебрежительной и иронической; усилили значимость признака *физическое состояние здоровья*. Кроме того, выявленная пациентная природа семантики субстантива позволила сделать вывод о важности внешних факторов, влияющих на состояние здоровья, синонимические словари позволили выделить когнитивный признак *здоровье как условие благополучной жизни человека*.

1.1.4. Идеографическое поле концепта *здоровье* по данным толкового словаря

Под идеографическим полем в настоящем исследовании понимается совокупность лексических единиц, объективирующих концепт в определенный период развития общества. Методика построения идеографического поля опирается на обработку толкового словаря с интенцией выявления групп слов, манифестирующих выбранное для анализа понятие и соотнесенных с заглавным словом (или дескриптором, в терминологии Ю.Н. Караулова). Так, выявление списка репрезентантов концепта происходит на основе «семантически неупорядоченного, алфавитного списка слов и на основе только той информации, которая содержится в данном списке» [Караулов 2010: 4]. Данная методика является релевантной для исследования концептов, поскольку, во-первых, позволяет выявить не только его прямые номинации, но и объективизировать наименования различных признаков концепта в разных ситуациях его употребления, во-вторых, эксплицировать обширный пласт его лексических репрезентантов, стилистическую и грамматическую маркированность [Баранов 1995; РСС 2003 и др.]. В современных словарях идеографического типа встречается частичное описание лексем состояния человека, но эти данные нельзя назвать полным списком лексических единиц, объективирующих концепт *здоровье* [Баранов 1995: 303; РСС 2003: 123–124; Шмелева 2001: 13–35 и др.]. Поэтому следующим этапом нашего исследования явилось выявление максимально исчерпывающего списка лексем, манифестирующих концепт *здоровье*.

Методом сплошного чтения нами был обработан «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой [ТСРЯ 2011] (около 82 000 слов). При отборе единиц учитывались следующие критерии: 1) в дефиниции искомого слова должны присутствовать лексемы с корнем *здоров-*. Например, *бутуз, -а, м.*(разг.) «Здоровый толстый ребенок, малыш» [там же: 68]; 2) в толковании искомого

слова должно присутствовать слово, сводимое методом ступенчатой идентификации к лексеме с корнем *здоров-*. Например, *ревматология, -и, ж.* «раздел медицины, занимающийся изучением и лечением ревматизма» [там же: 823]; при этом *медицина* – «совокупность наук о здоровье и болезнях, о лечении и предупреждении болезней, а также соответствующая практическая деятельность» [там же: 436]; 3) в словарной статье искомого слова может быть иллюстративный материал, во многом опирающийся на типовую сочетаемость, который отсылает читателя к сфере здоровья. Например, *цвести, несов.* – «находиться в поре расцвета. Ц. здоровьем» [там же: 1075].

Корпус полученного материала составил 1919 единиц: 1136 имен существительных, 507 глаголов, 267 имен прилагательных, 9 наречий. Широкая тезаурусная представленность поля обусловлена предложенными критериями отбора лексем, которые сформировали в итоге двухполюсный лексикон здоровья / болезни. Часто лексемы, связанные со здоровьем и болезнью, истолковываются друг через друга.

Результаты исследования показали, что идеографическое поле концепта *здоровье* «обменивается смысловой энергией со смежными, соседними полями» [Березович 2004: 9], в особенности со своим бинарным концептом *болезнь*. При этом сферы болезни и здоровья количественно отличаются друг от друга: концепт *болезнь* характеризуется большей номинативной плотностью (1436 единиц). Репрезентанты сферы здоровья по отношению к сфере болезни составляют 25% от общего числа лексем, что соответствует «хорошо известной семантической универсалии преимущественного отражения в лексике негативных явлений» [Мельникова 2012: 8], «словарный состав языка, едва ли не в большей мере, отражает патологию, чем норму» [Арутюнова 1988: 307], а также мощному развитию медицины, объектом которой является как здоровый, так и заболевший человек. Тем не менее, лексикон сфер здоровья / болезни показал, что сложные антонимические концепты являются двумя сферами общего структурированного когнитивного пространства со взаимопересекаемыми

участками. Так, например, широко представленный класс соматизмов, номинаций органов и тканей тела, а также их функционирование (270 единиц) относятся как к сфере здоровья, так и к сфере болезни. Иллюстративно представим ряд лексем: *аорта, аппендикс, артерия, глаз, голова, живот, кишечник, кожа, кость, лицо, лоб, локоть, мозг, мышца, нерв, нога, ноготь, нос, палец, печень, пищевод, плечо, подбородок, позвоночник, почка, рот, рука, селезенка, сердце, сетчатка, скелет, спина, стопа, сустав, сухожилие, трахея, туловище, ухо, хрящ, челюсть* и др. Органы и ткани, находясь в живом организме, априори находятся в функционирующем (динамичном) состоянии. Однако функции органов и тканей могут быть физиологичными (характеризуют здоровье) либо патологическими (характеризуют болезнь).

Стилистическая принадлежность отобранных единиц классифицируется следующим образом (33 лексемы характеризовались двумя пометами одновременно): зафиксировано 1409 слов без стилистических помет, 250 единиц с пометой *спец.* (специальное), 149 – с пометой *разг.* (разговорное), 144 слова с другими пометами: *прост.* (просторечное), *книжн.* (книжное), *офици.* (официальное), *высок.* (высокое), *устар.* (устаревшее). Обращает внимание частотность специальных слов в анализируемом поле (13%), что обусловлено терминологической природой, прежде всего, лексем-репрезентантов, входящих в поле концепта *болезнь*, например: *анамнез, анестезировать, анестезиология, антисептика, аритмия, астения, аллергия, вакцинировать, диагностировать, депрессия, иммунология, инкубация, кариес, кома, пальпировать, препарировать, перитонит, рецептура, резекция, санировать, стетоскоп, тампонировать, транквилизатор, флюорография* и др. Граница между научным и наивным знанием в современном мире частично стирается, медицинская лексика становится частью общенационального лексикона, рядовой носитель языка осведомлен в названиях болезней, симптомов, лекарств, диагностических процедур и др. Количественное и терминологическое неравновесие

объясняется еще одной особенностью «болезненной» сферы: боль и болезнь «сюжетогенны», в отличие от здоровья, которое «может быть только характеристикой персонажа» [Шмелева 2001: 27]. В подтверждение своей мысли автор приводит сценарий болезни, в который входят следующие эпизоды: «обнаружение симптомов (внутренних и внешних); диагностирование; течение болезни; лечение; исход» [там же: 19].

Охарактеризовав общую картину номинативной представленности сфер *здоровье / болезнь*, обратимся к анализу идеографического поля концепта *здоровье*.

Представим полученные лексемы: *атлет; атлетизм; аэробика; беречь (здоровье); беречься; богатырь; бодрый; бутуз; витамин; витаминизировать; вмняемый; вредить; вредность; вредный; выздороветь; гигиена; гимнастика; губительный; двухжильный; дееспособный; деятельный; дюжий; железный; заботиться (о здоровье); завидное (здоровье); закалить; закалиться; зарядка; здоровенный; здороветь; здоровила; здоровуций; здоровый; здоровье; здоровяк; здравие; здравица; здравница; здравомыслие; здравомыслящий; здравоохранение; здравствовать; здоровый; иммунитет; йога; коренастый; краснощекий; крепкий; крепнуть; культурист; курорт; курортник; курортология; могучий; обеззаразить; оздоровить; озонировать; оптимизм; охранять (здоровье); пить (за здоровье); пища (здоровая пища); поберечь (здоровье); поливитамины; польза (для здоровья); портить размять (мышцу); профилактика; профилакторий; пружинистый; прыскать (лицо прыщет здоровьем); психика; разгрузочный; расстроить (здоровье); рассудок; расшатать (здоровье); румянец; самочувствие; санаторий; санитария; сберечь (здоровье); сила; сильный; состояние; сохранить (здоровье); спорт; стальной; тонус; уберечь (здоровье); укрепить; улучшиться; упитанный; физкультура; хрупкое (здоровье); цветущий (вид).*

Лексикографический материал, объединенный общим семантическим признаком «здоровый», расширяет класс лексических репрезентантов

концепта *здоровье*, выявленных в предыдущих параграфах, позволяет выделить важный для концепта *здоровье* концепт ***здоровый образ жизни (ЗОЖ)***, который включается в структуру концепта в качестве составной части. Любой концепт может содержать «составляющие, которые тоже могут быть взяты в качестве концептов» [Делёз 1998: 35]. Лексемы, объективирующие концепт *ЗОЖ*, указывают, прежде всего, на совокупность действий, осуществляемых в целях сохранения и достижения оптимального здоровья, например: *размять (мышцу), закалиться*. Существительные данной группы *аэробика, зарядка, физкультура, гимнастика, спорт, витамин, гигиена* и др. функционируют обычно в составе глагольных словосочетаний: *заниматься аэробикой, зарядкой, физкультурой, гимнастикой, спортом, принимать витамины, соблюдать гигиену* и др. Доминирование деятельностного начала в содержании концепта *ЗОЖ* позволяет говорить о выделении в структуре концепта *здоровье* когнитивных признаков, аспектуально представляющих поведенческую деятельность человека по отношению к своему здоровью. Антонимичной данной группе выделяются лексемы с семантикой негативного воздействия на здоровье: *губительный, вредить, вредный, вредность, портить*.

Концепты *здоровье* и *ЗОЖ* находятся между собой в причинно-следственных отношениях, или в отношении каузации. Смысловую запись отношений между ними представим в синтаксисе метаязыка, применяемого при машинном переводе, см.: [Жолковский 1964]. Определение каузации соответствует интуитивному пониманию причинности, которое выражается словами: «если бы не было X, то не было бы и P». При этом X – *здоровый образ жизни*, P – *нормальное состояние человека*. О соотношении концептов можно дать следующее представление: X – **причина** P, или X **каузирует** P в условиях M. Имеет место множество фактов: M, и X, и P; при этом X – совокупность условий, которые вместе достаточны P в M.

Вести *здоровый образ жизни* – **каузировать нормальное состояние человека**. К условиям M можно отнести внешние факторы, влияющие на

нормальное состояние человека: это *экология* («взаимодействие человека, общества и среды» [там же: 1121]) и *социум* («совокупность людей» [там же: 550]). Внешние факторы связаны с исследуемым концептом по когнитивному признаку *субъект состояния*.

Условная семантика легко эксплицируется при помощи «if»-преобразования: *ЗОЖ* – правила поведения, привычки человека, которые укрепляют и совершенствуют резервные возможности организма, обеспечивая тем самым здоровье. – *Если мы ведем здоровый образ жизни, то мы обеспечиваем здоровье*. Очевидна и обратная зависимость, ср.: *Если хочешь быть здоров – закаляйся!*

Анализ идеографического поля позволяет нам подтвердить наличие скалярно-антонимического комплекса – трехчастного противопоставления единиц *здоровье – нездоровье – болезнь* с наличием между крайними позициями промежуточного состояния, которое позволяет отнести эти единицы к типу контрарной антонимии [Кронгауз 2001: 176].

Фиксируется большая группа лексем, указывающая на нездоровье через внешний вид субъекта. В нее включаются такие единицы, как *потрёпанный, слабый, сырой, худой, хлипкий, неважный, полнота* и т.д. Например, *сырой*. «б. Тучный, с нездоровой полнотой» (разг.). *С. мужчина*. С одной стороны, *сырой мужчина* не имеет *болезненного ожирения*, с другой – его сложно причислить к *здоровьякам – людям с отличным здоровьем*: его состояние занимает промежуточную позицию между здоровьем и болезнью. Приведем другую иллюстрацию: лексема *слабогрудый*, которой характеризуют того, кто имеет «нездоровые, слабые легкие. *С. ребенок*» [там же: 893]. Так, слабогрудый человек может стать как больным, (например, получить *пневмонию* – заболевание, характеризующееся «воспалительным процессом в тканях легких» [там же: 655]), так и остаться не очень здоровым.

Таким образом, анализ идеографического поля *здоровье* позволил выявить лексические репрезентанты концепта в максимально возможной

степени. Кроме того, данный подход помог ввести важный для когнитивного пространства концепта *здоровье* включенный концепт ***здоровый образ жизни***.

Подводя общий итог анализу представленности лексемы *здоровье*, вербализатора соответствующего концепта, в разноаспектных словарях, мы можем представить полный набор когнитивных признаков концепта, которые включаются в ядерную часть когнитивного поля:

состояние организма / бытийное состояние органов;

субъект, носитель состояния;

физическое состояние здоровья

душевное / духовное состояние здоровья;

градуальность состояния;

состояние здоровья как ценность;

здоровье как условие благополучной жизни человека;

здоровый образ жизни.

1.2. Перцептивный образ концепта *здоровье*

Для полноаспектного описания концепта как мыслительной единицы необходимо обратиться к чувственному опыту носителя языка, поскольку концепт рождается как единица универсального предметного кода (УПК) [Жинкин 1982], которая является зародышем концепта: «...содержание мысли больше, чем шаблонно-узуральные возможности языка. Именно поэтому зарождение мысли осуществляется в предметно-изобразительном коде» [Жинкин 1998: 158–159]. УПК – это результат, прежде всего, чувственного познания действительности. Чувственная составляющая концепта затем обогащается слоями концептуальных понятийных признаков, доступ к которым обеспечивается через средства языка.

Объект нашего исследования – концепт *здоровье*, единица высокой степени абстракции, поэтому задача данного параграфа – выявить перцептивный образ, отражающий чувственные представления людей о

здоровье, которые «играют не последнюю роль в репрезентации любых абстракций» [Харченко 2012: 15].

Если лексикографический материал направлен на описание понятийного компонента концепта, то информацию о чувственных образах даёт перцептивный эксперимент. Перцептивный эксперимент, где инструкция точно нацеливает испытуемых на образные реакции, облегчает интерпретацию результатов эксперимента.

Нами было проведено два направленных психолингвистических эксперимента, цель которых – выявить ольфакторный, хроматологический, глуттонимический, аудиальный, гаптический и визуальный образы.

В первом эксперименте приняли участие 286 респондентов, из них 218 представителей мужского пола, 52 – женского пола. Информантам было предложено ответить на вопрос: *Чем пахнет здоровье?* Возраст опрашиваемых варьировался от 18 до 65 лет. Испытуемыми выступили студенты Уральского федерального университета и Уральского института государственной противопожарной службы МЧС России, а также преподаватели данных высших учебных учреждений.

Во втором эксперименте приняли участие 80 информантов, из них 28 представителей мужского пола, 52 – женского пола. Мы просили респондентов нарисовать здоровье со следующей формулировкой задания: *Когда Вы слышите это слово, у Вас всплывает образ, зафиксируйте, пожалуйста, его визуально на листе бумаге.* Также респондентам было предложено ответить на следующие вопросы: *Здоровье, какого оно цвета? Здоровье, какое оно на вкус? Здоровье, какое оно на ощупь? Здоровье, какое оно по звучанию?* Возраст опрашиваемых варьировался от 18 до 72 лет. Опрос проводился преимущественно среди студентов и преподавателей Уральского федерального университета.

Методика анализа полученных данных включала в себя следующие шаги:

- 1) выявлялась семантика реакций;

2) обобщались чувственные когнитивные признаки на основе близости их значения;

3) близкие по содержанию когнитивные признаки обобщались в когнитивные классификационные признаки или, в другой терминологии, классификаторы [Гольдберг 2009: 581–592; Лэкофф 1988; Хаустова 1999 и др.], проводилось ранжирование яркости (процент рассчитан как отношение числа упоминания признака к общему числу признаков), см.: [Попова 2007: 67–75].

В первом эксперименте в процессе интерпретации полученных данных было проанализировано 407 реакций. Отметим трудность в выделении ольфакторного образа у абстрактных концептов, поскольку «в общем блоке слуховых, осязательных, зрительных, вкусовых ощущений языковая передача запахов остается наиболее загадочной» [Харченко 2008: 35]. Ряд респондентов не мог точно определиться с одним запахом, поэтому приводили несколько ольфакторных признаков, 8 информантов пытались сформулировать запах здоровья через отрицание: *Ну, точно не алкоголем и сигаретным дымом; ...за исключением некоторых запахов: дым от табака, выхлопные газы; Здоровье пахнет не лекарствами и не больницей*, ср. словарное толкование здоровья через отрицание: здоровье – «отсутствие болезней». Также 8 респондентов описывали перцептивный образ здоровья очень абстрактно: *Здоровье пахнет всем; У каждого по-своему*. 76 информантов дали реакции не перцептивной, а метафорической направленности: *здоровье пахнет жизнью, счастьем, радостью, силой, хорошим настроением* и т.д. Указанные выше когнитивные признаки напрямую не характеризуют концепт с перцептивной стороны, поэтому при дальнейшей интерпретации материала не учитывались.

Корпус материалов второго эксперимента составил 388 реакций. Как и в первом эксперименте, не все полученные когнитивные признаки были приняты к дальнейшей интерпретации из-за достаточно абстрактных реакций, не отражающих суть поставленных вопросов. Например, реакции

типа *«здоровье имеет цвет нектара первых летних цветов гортензии»*, *«неуловимо на ощупь»* не учитывались. Наибольшую сложность составило определение звуковой характеристики здоровья: зафиксировано 32 перцептивно «пустых» оценки, например, респонденты при ответе на вопрос отмечали, что звук здоровья *«самый лучший»*, *«гармоничный»*, *«многозвучен»*. Наименьшую трудность при ответе вызвал вопрос о цвете здоровья, поскольку *«наиболее разнообразна и богата лексика, обслуживающая зрительное восприятие»* [Апресян 1995: 48].

Результаты первого эксперимента представим в виде модели полевой структуры с присущими ей компонентами: ядром, приядерной зоной, ближней и дальней периферией. К ядру мы будем относить когнитивные классификационные признаки, яркость которых превышает 15%, к приядерной зоне – 10%, ближняя и дальняя периферия будут учитываться индивидуально по принципу частотности.

В обобщенном виде полученные результаты даны в графическом рисунке 1, далее представим их интерпретацию.

Графический рисунок 1. Перцептивный образ концепта здоровье по данным психолингвистических экспериментов

1.2.1. Ольфакторный образ концепта *здоровье*

Ядро составляет когнитивный классификационный признак *Свежесть* (20,8%). С опорой на лексикографические источники в лексеме *свежесть* выделим следующие семы: *прохлада; чистый воздух*, см.: [ТСРЯ 2011: 859]. Данные семантические признаки эксплицитно выражены в следующих реакциях: *Здоровье пахнет свежестью кристально-чистого потока освежающей прохлады, сошедшей с блистательных горных вершин; Глотком чистого приятного воздуха; Запах здоровья, наверное, похож на*

тот, когда выходишь **прохладным** утром в поле, когда еще роса не спала и стоит легкий туман, рядом лес и пахнет свежестью и **дышится легко**. На периферии этой группы находятся: *запах моря; морского бриза* – «слабого берегового ветра» [там же: 61].

В языке запах «тесно связан с воздухом и дыханием» [Левонтина 2003: 354], а значит, с важнейшей стороной жизнедеятельности человека. На подсознательном чувственном уровне полученные реакции манифестируют ценностную характеристику здоровья.

В приядерную зону входит когнитивный классификационный признак **Аромат пищи** (11,7%). Современные носители языка отождествляют здоровье с запахом фруктов: *здоровье пахнет бананом; яблоками; клубникой; фруктами*; с запахом овощей: *чесноком; луком*. Все перечисленные продукты имеют характерный запах, который узнаваем всеми. Корреляция здоровья с запахом здорового пищи естественна, поскольку здоровье напрямую связано с понятием здорового образа жизни, элементом которого является употребление полезных продуктов. В перечислительном ряду названы овощи, занимающие в культуре русского народа историческое место: славяне считали лук и особенно чеснок предохранительным средством от нечистой силы, болезней, см.: [Мокиенко 2012: 263].

В ближнюю периферию включаются четыре когнитивных признака: **Запах леса** (8,5%), **Отсутствие специфического запаха** (8,3%), **Запах пота** (8,8%), **Цветочные запахи** (7,8%). В сознании современных носителей языка «прочно закреплены обонятельные характеристики многих объектов растительного мира, преимущественно тех, которые всегда произрастали на территории нашей страны» [Павлова 2006: 14], например, запахи *сосны, хвои, ели*: *Здоровье пахнет ароматом свежей хвои – хочется вдохнуть его как можно глубже; Здоровье пахнет весенним лесом* и т.д. Ср. данные другого исследования: ель олицетворяет «здоровье, долгую жизнь» [Топоров 2010, Т.2: 447]. Также респонденты часто приписывают здоровью *аромат свежескошенной травы*.

Здоровье ассоциируется и с цветочными запахами, которые могут не уточняться конкретно, но могут и детализироваться, наибольшее предпочтение отдается запахам *розы, сирени и фиалки*. *Роза*, помимо ассоциации с запахом, «эксплицирует физиологический признак «здоровье»: *розы → розовый цвет → румянец → здоровый цвет лица → хорошее здоровье»* [Шишигина 2003: 155]. Нередко респонденты соотносят «запахи трав и цветов с *летом*» [Павлова 2006: 15], *летним утром, весной*.

Часть респондентов характеризует здоровье как антиольфакторное явление, объясняя, почему здоровье не имеет и не должно иметь никаких специфических запахов: *Здоровье ничем не пахнет – это состояние человека, при котором дышать и ощущать другие запахи легче; Я считаю, что здоровье так же, как и чистый воздух (без примесей), не должно пахнуть ничем; Если человек чувствует запах здоровья, то ему пора обращаться в больницу за помощью*.

Когнитивный классификационный признак ближней периферии – *запах пота* – коррелирует с семантикой спортивной тематики, ср.: *Здоровье пахнет свежим воздухом в 6:00, пОтом в 6:40; Когда я схожу в спортзал, хорошо позанимаюсь, схожу в душ...; пОтом, спортом и желанием тренироваться, чтобы быть здоровым*. Данная корреляция иллюстрирует неслучайную, устойчивую связь ольфакторного представления о здоровье со здоровым образом жизни.

Завершают портрет ольфакторного образа концепта *здоровье* признаки, которые находятся на дальней периферии: *Запах чистоты* (4,4%); *Запах лекарств* (3,6%). Прокомментируем их. В русском языковом сознании здоровье соотносится с образом чистоты, который на ольфакторном уровне пахнет *хозяйственным мылом, обычным мылом, хлоркой*. Ответы отражают гигиенические навыки человека, базовую основу сохранения здоровья. Перцептивная память позволяет человеку «связывать в сознании запахи лекарств с болезнью» [Павлова 2006: 15], но в то же время с процессом выздоровления – стремления «стать вновь здоровым» [ТСРЯ 2011: 129], что

фиксируют респонденты в своих ответах: *Здоровье пахнет медикаментами; медицинским спиртом; больницей; лекарствами.*

О гедонистической оценке запаха упомянули 5 респондентов: *Здоровье пахнет приятным запахом; офигенно!*

В дальнюю периферию входят единичные когнитивные признаки, которые при большей выборке могут образовать свою автономную группу классификационных признаков. По словам Ю.Н. Караулова, «национальную окраску – более или менее выраженную – имеют все элементы знаний, из которых складывается мозаичная картина мира» [Караулов 2002, Т.1: 762] носителей языка. Полученные нами реакции частично подтверждают данный тезис: здоровье ассоциируется с национально-русским ароматом *бани*, а также таким привычным для русских людей запахом *снега, зимы*, который отчасти соотносится с запахом свежести и прохлады.

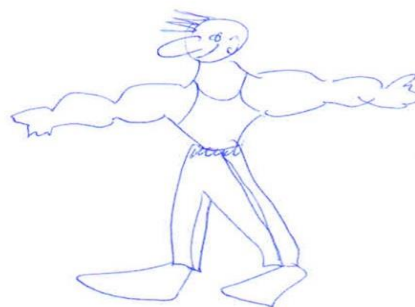
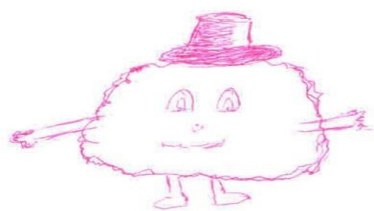
Самый общий взгляд на представленную модель ольфакторного образа концепта *здоровье* обнаруживает амбивалентность когнитивных классификационных признаков. С одной стороны, запах здоровья ассоциируется респондентами с запахом *свежести, чистоты*, с другой стороны, с запахом *пота*. Кроме того, часть респондентов определяют обонятельный компонент концепта *здоровье* через отрицательную семантику сферы концепта *болезнь* (например, *здоровье пахнет точно не лекарствами*), другие, наоборот, ассоциируют здоровье с запахом *больницы, медицинских препаратов*. Данное наблюдение иллюстрирует, одной стороны, особенность выявления образной составляющей абстрактных концептов: реакции «более субъективны, резче различаются у разных испытуемых» [Попова 2007: 57]. С другой стороны, несмотря на противоположность возникших реакций, эти признаки укладываются в общую структуру концепта *здоровье*, на чувственном уровне подтверждая понятийные когнитивные признаки.

1.2.2. Визуальный образ концепта *здоровье*

Из общего числа опрошенных 21 респондент зафиксировал зрительно-художественный образ здоровья в своих ответах, из них 6 человек нарисовали абстрактные фигуры, фантастическое существо (кругленькое, толстенькое, с доброй улыбкой) или неодушевленный предмет: *цветок, геометрические фигуры, доброе существо*. У 15 респондентов здоровье связано с человеком, которого, прежде всего, характеризует *хорошая физическая форма, улыбка* (мимическое движение, «выражающее радость, удовольствие» [ТСРЯ 2011: 1026]). Данные реакции эксплицируют важность концептуального признака *физическое состояние здоровья*, а также наличие положительной оценки у концепта *здоровье*.

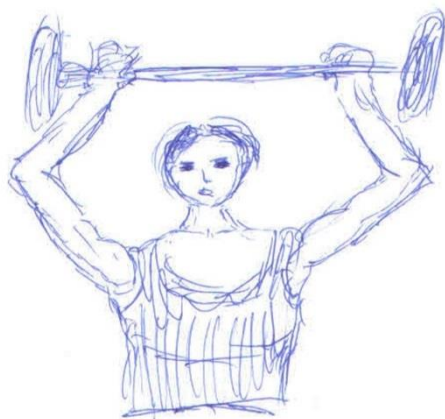
Как известно, «для русского коммуникативного поведения характерна бытовая неулыбчивость» [Стернин 2000: 53], поскольку русские люди приучены улыбаться не по этикету («заученно»), а по внутреннему порыву, вызванному определенными причинами («от сердца»), см. также об этом [Лендваи 2014: 45; Токарева 2007]. Так, С. Л. Рубинштейн синонимизировал улыбку с «органическим благополучием» [Рубинштейн 1946: 494]. Полученные в ходе эксперимента словесные реакции и картинки эксплицируют «искреннюю улыбку, или улыбку Дюшена (по имени ученого XIX века Гийома Дюшена, подробно изучившего психологию улыбки)» [Шмелев 2012: 522], которую респонденты посчитали важной указать при описании здорового человека, имплицитно корреспондируя мысль о значимости не только физического, но и душевного здоровья.

10 визуальных решений отображают объект (например, представлен рисунок человека или доброго существа) в статичной позиции, без уточняющих ситуацию элементов.

Другие 11 графических реакций предлагают образ как «ансамбль» (Ж. Верньо) объектов или ситуаций, см.: [Залевская 2007; Розенфельд 2008 и др.]. Например, на рисунке изображен мужчина, поднимающий штангу, изображены его мускулы, их напряжение, или человек, который катается на лыжах, видны его разруганные щеки, улыбка на лице.

Информанты предъявили рисунки, иллюстрирующие поведенческий образ здорового человека. Значимой чертой анализируемого концепта является активный образ жизни.

1.2.3. Хроматологический образ концепта *здоровье*

Цветоощущение каждого носителя языка представляет собой не конкретную, а несколько размытую характеристику реальности, поскольку «мир цвета» – психологический феномен, а «цвет есть порождение нашего глаза и мозга» [Фрумкина 1984: 6], см. специальные работы [Балканский спектр: от света к цвету 2011; Бахилина 1975; Васильевич 2005; Лурия 1974; Докіс 2001: 193–202 и др.]. Цвет, как и здоровье, каждый видит и чувствует по-своему.

В ядре цветовой сенсорики располагается классификатор *Зеленый цвет* (23,6%), то есть «цвета травы, листвы» [ТСРЯ 2011: 276]. Одна из линий понятия *зеленый* «берет свое начало в ассоциациях, связанных с Природой» [Бреслав 2000: 82]. Реципиенты, выбирая в качестве реакции это признак, подсознательно транслируют, скорее всего, такой внешний атрибут здоровья, как «благоприятная экологическая обстановка». Вторая линия *зеленого* на подсознательном уровне связана со спокойствием и безопасностью, ср. зеленый цвет светофора, выражение *дать зеленую улицу* [там же]. На эмоциональном уровне здоровье связано с его ценностной составляющей – с благополучием.

Белый цвет (10,5%) занимает приядерную зону и, по мнению исследователей, соотносится с чистотой, светом, см. например: [Фасмер 1986, Т.1: 149], безопасностью, защитой, см. например: [Комарова 2011: 94], эксплицитно коррелирующих с понятием здоровья. Данные цвета относятся к чистым – «конвенциональным цветам» [Рахилина 2008: 175]. К ближней периферии относится *Розовый цвет* (9,4%), оттенок которого похож на румянец (симбиоз красного цвета с белым) – он напрямую связан со здоровьем (вспомним, например, устойчивые образы – *румяные щеки, румянец, кровь с молоком*), в том числе и исторически: «семантическое ответвление корня *rudh- не является ли доказательством первоначально имевшегося значения «здоровое тело», «здоровая плоть», «мышцы», «мясо» и прочее?» [Бахилина 1975: 118].

Отметим, из цветов спектра радуги ни разу не был выбран только *синий* цвет как хроматологический репрезентант здоровья. Полученные реакции на *голубой цвет* (8,4%) мы связываем с базовым природным элементом – небом: «только *голубой* прямо уподоблен небу, в то время как про *синий* нельзя сказать «такой, как небо» [Вежбицкая 1996: 259].

К дальней периферии относятся признаки *бежевый* (2,1%), *оранжевый* (2,1%) и др. Нами зафиксированы единичные ответы, среди которых выделяется *черный цвет* (1,5%), который сопряжен с

отрицательной семантикой: «чего-то тайного, мрачного, зловещего» [Гуз 2010: 11]. С другой стороны, значение данного цвета можно интерпретировать как базовую, исторически устоявшуюся диадку: *белый – черный*, которая иллюстрирует витальные хроматологические характеристики здоровья, см. об этом также [Комарова 2011: 96].

1.2.4. Аудиальный образ концепта *здоровье*

В ядре звуковой сенсорики располагается классификатор *звонкий* (17,2%), объединяющий конкретные признаки, например: *здоровье по звучанию похоже на сонорные, гласные, колокольный звон* и т.д. Если мы обратимся к фоническим свойствам слова *здоровье*, то заметим, что в звуковой форме лексемы присутствуют только звонкие (*з, д, в*), сонорные (*р, ж*) согласные и гласные звуки. Выбор ядерной звуковой сенсорики концепта, на наш взгляд, обусловлен материальной стороной языкового знака – субъективным впечатлением от звуков имени, вербализирующего концепт *здоровье*.

В приядерной зоне располагается когнитивный классификационный признак *звук журчания ручья* (6,4%). Журчание ручья – это умиротворяющий звук природного явления, имеющий суггестивный характер и создающий гармонию в душе человека. Классификатор *тихий звук* (5,3%) актуализируется в зоне ближней периферии. Два данных классификатора передают мирное и блаженное состояние организма человека в здоровом состоянии, гармонию души и тела. Данные ассоциативные признаки соотносятся с ценностным компонентом анализируемого концепта. С другой стороны, носители русского языка фиксируют и важность *громкого звука* (5,3%). Громкий звук может, с одной стороны, вписаться в один ряд «с патологическими звуковыми вариантами, то есть звуками, свойственным больным и не характерные для людей здоровых» [Крейдлини 2002: 34], например: возгласами, плачем, криками. С другой стороны, громкость звука, приписываемого здоровью, может быть объяснена качеством составляющих звуков имени концепта.

Звукосимволическая характеристика звонких и сонорных фонем *з, д, в, р* в фоносемантике описывается признаками «громкий», «большой» [Журавлев 1991: 9].

Дальнюю периферию формируют единичные признаки, например, «*Лунная соната*» Бетховена, шум моря, последний коррелирует с признаком, зафиксированный нами и в ольфакторной образной структуре.

1.2.5. Глуттонимический образ концепта *здоровье*

В ядре вкусовой, или глуттонимической, сенсорики располагается классификатор *сладкий вкус* (24,4%), в который входят когнитивные признаки *запах булочки с корицей, карамели, шоколада* и т.д. Лексема *сладкий* означает «приятный, доставляющий удовольствие» [ТСРЯ 2011: 894], из чего следует взаимосвязь здоровья с положительной семантикой. Психологи отмечают, что «только предпочтение сладкого является естественным: оно существует во всех культурах, все иные вкусовые предпочтения приобретаются социально через обучение» [Моисеева 2012: 205]. *Вкус фруктов* (18,8%) респонденты конкретизируют как *вкус апельсина, банана, яблока, винограда, манго*. Приядерную зону занимает классификатор *молочный вкус* (8,8%). Мы объясняем предъявленные реакции ассоциативной связью с правильным (здоровым) питанием, см. также об этой связи в рамках изучения концепта *польза* [Глушкова 2012: 149–156]. Дальняя периферия сформирована сугубо-индивидуальными признаками, например, *вкус чистой воды*.

1.2.6. Гаптический образ концепта *здоровье*

«Осязательная перцепция обладает наибольшей значимостью для жизни человека. Осязание предпослано остальным типам восприятия (вкусу, обонянию, зрению, слуху)» [Моисеева 2010: 86]. Осязательный, или гаптический [Бутовская 2004: 111; Крейдлин 2002: 412–457], образ разнообразен по форме манифестации.

В ядре осязательной сенсорики концепта располагается признак, характеризующий здоровье как *мягкое* (22,6%), в приядерной зоне – *упругое*

(12,2%), ближней периферии – *теплое* (9,4%), дальней периферии – *пушистое* (2,8%). Координатной системой, обеспечивающей восприятие осязаемого предмета, является рука, которая находится в движении. Судя по реакциям, респонденты ассоциируют здоровье с касанием руки – ощущением, напрямую связанное с кожным покровом, самым важным после мозга органом [Montagu 1971: 2]. Так, мужское (крепкое) рукопожатие у здорового человека будет осознаваться в ощущениях как *упругое*.

Температурные ощущения в осязательной сенсорике отмечаются как наиболее распространенные. Предъявленный признак *теплое* на температурной шкале с полюсами *холодное* и *горячее* воспринимается как самый комфортный. Признак *мягкое* в психологии восприятия интерпретируется как «приятный на ощупь» в отличие от противоположного *твердого* – «шершавого, неприятного на ощупь». Таким образом, все осязательные представления связаны с положительной оценкой концепта.

Подведем итоги наблюдениям над перцептивным образом концепта *здоровье*. Концепт имеет широкую перцептивную объективизацию, что свидетельствует о релевантности исследуемой категории в языковом сознании носителей языка. Перцептивная составляющая концепта в виде наглядной представленности отличается высокой информативной емкостью и свидетельствует о коррелятивной связи со следующими понятийными признаками: 1) признак субъекта состояния – человека (особенно ярко в зрительном образе); 2) атрибутивный признак, указывающий на многоаспектный характер состояния (физическое и психическое); 3) признак положительной оценки, ценностной составляющей концепта. Ольфакторное представление здоровья подтвердило содержание концепта *ЗОЖ* и конкретизировало его: выделены признаки «правильное питание», «двигательная активность», «гигиенические навыки». Кроме того, в ответах респондентов на вопросы о цвете и запахе здоровья выявляется признак «окружающая среда».

1.3. Интерпретационное поле концепта *здоровье* (на материале паремий)

Корпус исследования составили манифестирующие концепт *здоровье* 490 паремий из 30 лексикографических источников. Паремиологические единицы методом сплошной выборки выделялись нами из следующих групп словарей:

1) дореволюционные источники (с 1879 г. – 1917 г.), см.: [Даль 1998; 1997; Иллюстратов 1904; Колпакова 1957; Мельц 1961; Михельсон 1896; Симони 1899; Снегирев 1848];

2) словари советского времени (1958 г. – 1991 г.), см.: [Аникин 1988; Жигулев 1986; 1969; 1974; Жуков 2000; Кузьмин 1958; Лебедев 1962; Мартынов 1986; Померанцева 1973; Рыбникова 1961; Соболев 1961; Спирин 1985];

3) постсоветские словари (1991 г. – 2010 г.), см.: [Берсеньева 2010; Бодрова 2007; Вальтер 2005; Елистратов 2010; Зимин 2010; Мокиенко 2010; 2007; Розе 2009; Сысоев 2009].

Исследование проводилось в три этапа. На первом – в каждой группе выделялись когнитивные классификационные признаки. На втором этапе нами проводилось ранжирование яркости по принципу частотности (процент рассчитан как отношение числа упоминания признака к общему числу признаков в конкретную временную эпоху) и сопоставительный анализ паремий в различные временные эпохи. На третьем этапе отбирались единицы, присущие исключительно тому или иному периоду или встречающиеся во всех временных отрезках.

Представим результаты первых двух этапов исследования в таблице 2, затем дадим интерпретацию полученным данным.

Таблица 2. Ранжирование когнитивных признаков, объективированных в паремиях

Когнитивные классификационные признаки	Дореволюционные словари		Советские словари		Постсоветские словари	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
<i>Здоровье как объект иронии</i>	21	18,6	17	10,9	63	27,3
<i>ЗОЖ: Здоровые привычки</i>	16	14,2	29	18,6	21	9,1
<i>Состояние здоровья как ценность</i>	15	13,3	23	14,7	51	22,1
<i>ЗОЖ: Забота о здоровье</i>	13	11,5	12	7,7	23	10
<i>Физическое состояние здоровья</i>	11	9,7	16	10,3	18	7,8
<i>ЗОЖ: Здоровое питание</i>	9	8	13	8,3	6	2,6
<i>Здоровье как условие благополучной жизни человека</i>	8	7,1	9	5,8	12	5,2
<i>Душевное / духовное состояние здоровья</i>	5	4,4	11	7,1	12	5,2
<i>Целостность как гармоничный идеал</i>	4	3,5	13	8,3	7	3
<i>Градуальность состояния здоровья: Здоровье / Нездоровье</i>	4	3,5	3	1,9	3	1,3
<i>Здоровье как объект для уловки</i>	4	3,5	9	5,8	9	3,9
<i>ЗОЖ: Правильный режим дня (здоровый сон)</i>	3	2,7	1	0,6	6	2,6
Итого	113	100	156	100	231	100

*Паремии дореволюционной эпохи формируют не только интерпретационное поле концепта *здоровье*, но и ядерные компоненты,*

поскольку в поговорках этого времени видны культурные слои, «восходящие к моделирующим мирообустройству» [Телия 2010: 777] формам понимания мира. «Значительная часть дошедших до нас поговорок сложилась в эпоху господства натурального хозяйства и патриархального уклада жизни» [Аникин 2004: 25], основа, на которой начал свое становление русский паремиологический фонд, – жизнь русского трудового крестьянства дореволюционной России, см., например: [Белов 1982]. Обратимся к пониманию здоровья этого периода.

В картотеку данного периода вошло 104 поговорок, на базе которых выделяются 12 когнитивных классификационных признаков концепта *здоровье*. Здоровье воспринималось как главная ценность, оттесняя материальные блага в периферийную зону, что нашло отражение в поговорках классификатора ***Состояние здоровья как ценность*** (13,3%): *Не красен будь, а здоров; Здоровье всему голова; Здоровье дороже богатства; Здоровье не купишь; Здоровью цены нет; Деньги – медь, одежда – тлен, а здоровье – всего дороже* и т.д.

Здоровье выступает в качестве условия для всей остальной жизнедеятельности человека, являясь каузативным членом оппозиции *здоровье – блага жизни*. Если бы не было здоровья, то не было бы и *дней впереди много, денег, всего остального* и т.д. *Дал бы Бог здоровья, а дней впереди много; Здоров буду – и денег добуду; Здоровому все здорово* («смысл, выражаемый в умозаключении, иллюстрирует ситуацию полного удовлетворения от жизни» [Алефиренко 2009: 311]) – констатируют поговорки, формирующие классификатор ***Здоровье как условие благополучной жизни человека*** (7,1%).

Наши праотцы обладали хорошим здоровьем [Костомаров 1992: 198], тем не менее, продолжительность жизни была небольшой, что обусловлено совокупностью причин, осмысленных в ряде специальных исследований, см., например: [Змеев 1896: 22–33; Лещенко 2004: 386–390; Липинская 1987: 292–313, Прохоров 2002: 54–65, Темплинг 1998: 242–257 и др.]. Болезнь в

большинстве случаев приводила к утрате способности к физическому труду, человек чувствовал себя не до конца здоровым. В этой связи были актуализированы паремиологические единицы, формирующие классификатор *Градуальность состояния: Здоровье / Нездоровье* (3,5%): *Плохо можется, так и коли нездоровится; Добрый жернов все смелет, плохой – сам смелется; Дуплястое дерево скрипит, да стоит, а крепкое валится; Чихнувшему здравствуй!*

Здоровье обязательно коррелирует с религиозными принципами жизни человека, поскольку религия взяла на себя роль детерминирующего начала для русского менталитета, см.: [Емельянов 2005: 57; Лосский 1957 и др.]. Дореволюционное сознание воспринимало душу как субъект, живущий «в мире деонтической модальности: она должна плакать о грехах своих, сокрушаться, каяться» [Никитина 1999: 34]. Душа, наряду с сердцем, выступала как орган, регулирующий нравственно-религиозную жизнь личности. Паремии дореволюционного периода в большей степени связывают здоровье с нравственной, духовной стороной жизни человека. Общеизвестно, что жизнь в злобе, в гневе является одним из семи смертных грехов. Антиподом гнева является доброта: *От доброго житья толстеют, а от дурного – худеют; Добрый человек здоровее злого* и др. Старославянское *добро приимати* означает *быть здоровым, сильным* [Кириленко 2009б: 30]. Прилагательное *добрый* в истории языка претерпело семантические преобразования – от значения *крепкий, сильный* до обозначения духовно-нравственного богатства. Также паремии предостерегают от других грехов, например, уныния – *Печаль не уморить, а здоровье повредить*, чревоугодия – *Живи просто, выживешь лет со ста*, зависти – *Он чужим здоровьем болен (в знач. завистлив)*. Данные паремии формируют классификатор *Духовное состояние здоровья* (4,4%).

Дореволюционный паремиологический фонд эксплицирует образные эталоны здоровья, которые «отражают не только национальное мировидение, но и национальное миропонимание, поскольку они являются результатом

собственно национально-типического соизмерения явлений мира» [Маслова 2010: 43]: *силен, как лесник, здоров как бык, как вода, как корова* – таким рисуется здоровый человек в паремиях, формирующих классификатор **Физическое состояние здоровья** (9,7%), ср.: *Будь здорова, как вода, богата, как земля; Будь здорова как корова, плодовита, как свинья*. Примеры ассоциативной связи *здоровье – физическая сила* прослеживаются в фольклорных текстах: положительным героям сказок и былин приписывалось цветущее здоровье со всеми его внешними атрибутами: *богатырский вид, красна девица, щеками румяна, русая коса до пола* и др.

В. М. Мокиенко называет паремии «языковыми единицами случая» [Мокиенко 2012: 5] с назидательным смыслом. Паремиологический фонд русского языка учит, как поддерживать самое важное в жизни каждого человека.

Во-первых, с дореволюционного времени говорится о пользе бани, которая помогала предотвращать появление недугов: *Баня парит, баня правит, баня все поправит; Баня – здоровье семьи; Баня – мать наша; Кости распаришь – все тело направишь*. В работе С.И. Дмитриевой приводится исторический факт: в профилактических целях – «чтобы не болеть весь год» – в некоторых поморских районах на Иван-день топили специальную баню: «на веники наговаривали болезни», произнося особые заговоры, по окончанию мытья использованные веники бросали в реку [Дмитриева 2006: 27]. Символизм процедуры подкреплялся рациональными поступками: париться вениками – делать массаж тела, после жара парной окунаться в снег – заниматься закаливанием и т.д.

Во-вторых, народная мудрость учит заботиться о здоровье не импульсивно, а постоянно. Обратимся к паремиям, формирующим классификатор **ЗОЖ: Забота о здоровье** (11,5%): *Здоровье приходит днями, а уходит часами; Береги платье снову, а здоровье смолоду; Остерегающийся достигает здоровья*. Для того чтобы обладать отменным здоровьем, нужно выполнять определенные условия, которые облечены в

дидактические рекомендации и представлены в паремиях классификатора **ЗОЖ: Здоровые привычки** (14,2%): *Гляди под ноги, ничего не найдешь, так хоть ноги не зашибешь; Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле; Живи с разумом, так и лекаря не надо; Коли хочешь быть здоров, то живот не пресыщай; После обеда полежи, после ужина походи.* Выражения в такой форме морали были приняты, поскольку пословицы и поговорки были «первобытными источниками права» [Иллюстратов 1904: 10], а также ресурсом познания. Согласно паремиям того времени правильное питание включало в себя *ржаной хлеб, крупы, гречневую кашу, воду*, представим паремии когнитивного классификатора **ЗОЖ: Здоровое питание** (8,0%): *Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной; Хлеб да крупы на здоровье – на здоровье лупим; Хлеб да вода – здоровая еда.* Здоровое питание связано с природной средой обитания русского народа, с русскими национальными традициями. Так, *лук и чеснок* считались лучшими профилактическими продуктами, см. об этом [Иллюстратов 1904: 452], которые присутствовали на любом столе и «входили в состав жалованья, выдаваемого натурой многим московским чиновникам» [Сюткина 2011: 59]. Хлеб, основной и обязательный компонент питания, стал «этнокультурным ценностным эталоном, символизируя главные аспекты духовности, божественного, человеческой судьбы и Жизни в целом» [Савельева 2006: 6].

По словам Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, специфической чертой русской культуры описываемой эпохи является дуальная природа ее структуры [Лотман 1996: 338]. Проанализированный нами материал подтверждает это наблюдение: с одной стороны, здоровье – непререкаемая ценность, с другой, к здоровью проявляется ироническое отношение (склонность к смеху – национальная черта русского человека, см.: [Блажес 1987: 7]), которое нашло отражение в паремиях, формирующих классификатор **Здоровье как объект иронии** (18,6%): *Здоровье всего дороже, да и деньги тоже; Здорово (в знач. здоров), да без коровы; Дал бы Бог здоровье, да денег нет; Кровь с молоком, чуть не лопнет.*

Причин такого отношения, на наш взгляд, несколько. Во-первых, в русском языковом сознании ирония является средством понижения пафосно-ценностного отношения к своему здоровью. Данные единицы иллюстрируют «закон карнавализации ценностей (по М. М. Бахтину), состоящий в том, что сакральное непременно переворачивается в профанное через осмеяние» [Карасик 2002: 257].

Во-вторых, в иронической тональности оценивается чрезмерная забота человека о своем здоровье, которая может докучать окружающим: *Здоровьем болен; Здоровому лечиться – наперед хромать поучиться* или *У нас дома не здорово: таракан с печки свалился* (или: *блошка с печки упала*). «Шуточная ситуация, обрисованная во второй части, красноречиво показывает благополучие, здоровье членов семьи, якобы переживающих несчастный случай с насекомым-паразитом» [Бочина 2011: 73]. В русском менталитете не принято заботиться о своем здоровье, легче верится в предопределённость бытия: *Не дал Бог здоровья, не даст и лекарь; Кто в 20 лет не здоров, в 30 не умен, в 40 не богат, таким не бывать*, см. об этом также в [Вежбицкая 2011: 332]. В-третьих, для русских типично ощущение неловкости за отменное здоровье, которое может выражаться в виде иронических высказываний: *Здоров как бык, и не знаю, как быть*. С дореволюционного времени и по сегодняшний день русским не свойственно говорить о своем хорошем самочувствии, крепком здоровье (как, например, принято в американской культуре). На вежливый вопрос о здоровье частотны уклончивые ответы типа *Ничего, Не совсем плохо* и т.д., см. также об этом [Балакай 2000: 53–59; Камалова 2009: 45].

Возникшие в русском историко-культурном социуме пословичные выражения демонстрируют русскую терпимость к привычкам, вредящим здоровью: *Курить и пить вредно, а умирать здоровым жалко!* В русском обществе принято при употреблении алкогольных напитков произносить застольные здравицы: *За здоровье тех, кто любит всех* или *Будем здоровы!*, на основе последней «в русском просторечии сложилось неисчислимое

множество шуточных тостов-прибауток» [Балакай 2007: 21], что также свидетельствует о превалировании иронической тональности по отношению к здоровью.

Кроме того, здоровье часто становится объектом для манипуляции, облаченным в укоры или насмешки: *Здоров на еду, да хил на работу; Чем нездоров? – А вот батюшка, чем скажете! Тит, иди молотить. У меня брюхо болит. Тит, иди кашу есть. Где моя большая ложка?* Данные паремии формируют когнитивный классификатор **Здоровье как объект для уловки** (3,5%). Закрепленный в дореволюционных фольклорных образах культ лени, которая носит в русской культуре, скорее, не бытовой, а философский характер, относясь к сфере убеждений и идеологических принципов, в качестве одного из репрезентантов выбирает образ нездорового человека.

Паремии *Два сна, да сам в силе; Спать долго – жить долго; Сон лучше всякого лекарства* формируют классификатор **ЗОЖ: Правильный режим дня (здоровый сон)** (2,7%).

Концепт *здоровье* в русском паремиологическом фонде вербализуется не только в форме суждений, но и в виде застольных здравиц: *За здоровье тамошних и здешних, и всех наших присердечных*, народных сравнений: *Грудь как кибитка, позвонок как скала*, диалогов: – *Тит, иди молотить. – У меня брюхо болит; – Тит, иди кашу есть. – Где моя большая ложка?* Вариативность формы пословичного фонда иллюстрирует многогранность ситуаций их использования.

Паремиологический фонд русского языка советского времени целенаправленно пополнялся. В советскую эпоху здоровье становится важным компонентом социальной политики партийного правительства, которое ставит задачу «вырастить новое поколение рабочих, здоровых и жизнерадостных, способных поднять могущество советской страны на должную высоту» [БМЭ 1936, Т. 35: 411].

Коммунистическая пропаганда проникала во все сферы жизни и моделировала их, человек смотрел на действительность глазами советских

идеологов. В этот период паремии проходили идеологическую цензуру: «написанные по заказу сверху, они силою обстоятельств выражают идеологию заказчика – без сомнений, колебаний, вопросов» [Хлебда 1994: 78, также Блажес 2009: 220–235]. В картотеку советского периода вошло 156 паремии. Часть паремий советского времени перешла из дореволюционного периода, поэтому все взятые для анализа пословичные высказывания рассматриваются нами как актуальные для советской эпохи.

Декларируемые когнитивные признаки моделируют общую структуру здоровья по-советски, в основе которой лежат, с одной стороны, базовые признаки, выявленные на основе дореволюционного пословичного фонда и дополненные советскими пословицами, с другой стороны, появляются когнитивные признаки, выступающие в качестве ценностных ориентаций для воспитания нового человека советского образца.

Представим когнитивные классификаторы концепта *здоровье*, выделенные на основе пословиц советского периода.

Состояние здоровья как ценность (14,7%): *Здоровье растеряешь – ничем не наверстаешь; Здоровье – самое главное достояние человека; Здоровье не деньги – взаймы не выпросишь; Здоровью цены нет; Ум да здоровье дороже всего. Состояние здоровья как ценность* по-прежнему является константным ядерным признаком.

Здоровье как условие благополучной жизни человека (5,8%): *Всякое дело поправимо, если человек здоров; Здоровы будем и хлеба добудем; Здоров будешь – все добудешь; Мотать здоровье не годится, оно под старость пригодится.*

Физическое состояние здоровья (10,3%): *Не ладно скроен, да крепко шит; Закаляй свое тело для военного дела; Здоровое тело лучше богатства; Не будь складен, а будь ладен. У физически крепкого человека грудь как кибитка, позвонок как скала, силушка по жилушкам огнем бежит. Он так настолько физически крепок, что может в землю вбить; хоть*

топором его руби — не свалишь; если сучок в кулаке сожмет, так вода пойдет.

Духовное состояние здоровья (7,1%). В советское время произошла модификация в представлении о духовности. Ментальные представления о душе как нравственно-религиозной основе были заменены идеологическими конструктами. В советском обществе предлагали верить в коммунизм, а не в православие, Ленину, а не Богу [Михайлова 2009: 255, а также Купина 1995: 28]: *Партия бодростью заряжает, волей к победе вооружает; Дома болели, в отряде повеселели; Здоровому духом все под силу.* Нами были зафиксированы только две паремии, связанные с религиозной составляющей жизни: *Дал бы Бог здоровья, а счастье найдем; Бог бы дал здоровье, а дни впереди.*

Гармоничный идеал (8,3%). Утопическая идея создания нового «образцового» советского человека стимулировала конструирование пословичных суждений, формирующих воображаемую модель гармоничного советского человека, идеально объединяющего крепкое тело и сильный дух, пропитанный коммунистическими идеями: *От ленинской науки крепнут разум и руки; Советский человек не сломится вовек; Набирайся силы у земли — матери, а ума — у ленинской партии.*

Базовым суждением для выделения когнитивного классификатора **Гармоничный идеал** является латинское крылатое выражение *В здоровом теле — здоровый дух* (*Mens sana in corpore sano*), которое остается актуальным, легко воспроизводимым и в настоящее время. Данный афоризм по иронии судьбы возник как интерпретация известной в Древнем Риме поговорки *В здоровом теле здоровый дух — редкое явление*. В одной из сатир древнеримского поэта Ювенала полный вариант этого изречения звучит так: *Надо молить, чтоб ум был здоровым в теле здоровом* (*Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano*) (перевод Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского). Российская история переводов Ювенала началась в эпоху Петра Великого, но свою популярность выражение получило в советскую эпоху, хотя одно время

считалось реакционным и опровергалось примером жизни Николая Островского.

Мысль о том, что наличие здорового тела не гарантирует здорового духа и наоборот, находит свое выражение и в русских поговорках: *Хоть телом не видна, да здоровьем крепка; Тонок да звонок; Дух бодр, да плоть немощна.* Соотношение духа и плоти, души и тела, возможность целостного представления двух составляющих организма человека является предметом рефлексии во все времена. Ср. дореволюционные поговорки: *Телу простор – душе теснота; Что телу любо, то душе грубо, Плоть грешна, да душа хороша.* Современная церковь пытается по-иному посмотреть на традиционные представления о греховной плоти и высокой душе. Так, патриарх Кирилл в одной из своих проповедей, ссылаясь на святых отцов, которые учат спасительному отношению к телу, утверждает: «Тело – особое состояние души, которое служит ей во время земной жизни, Тело сослужит душе. Душа без тела в условиях земной жизни существовать не может. Отношение души и тела – сложное единство, не слитное, но и не раздельное» (Первый канал. «Слово пастыря», 14.03.2015).

ЗОЖ: Здоровые привычки (18,6%). В советское время труд является «главным идеалом русского народа, определяющим его жизнеспособность» [Емельянов 2005: 52], поэтому через моделирование паремиологического фонда русского языка шла активная пропаганда взаимосвязи здорового образа жизни с трудом: *Труд на ноги ставит, а лень валит; Труд не калечит, а лечит; Труд – лучшее лекарство; Человек от лени болеет, а от труда здоровее; Здоровый человек смотрит обоими глазами и работает обеими руками.* Также государство с помощью фольклорных сентенций вносило запрет на вредные привычки, такие как пьянство, тунеядство: *Пьяница да лодырь давно вышли из моды; Водочка, как худая лодочка, – весь колхоз ко дну тянет; Был партизаном храбрым, да водка сделала дряблым; В море водки и богатыри тонут.*

Спортивные нагрузки позиционируются как неотъемлемая часть здорового (правильного) образа жизни: *Кто спортом занимается, тот силы набирается; Не красен бег, да здоров.*

ЗОЖ: Забота о здоровье (7,7%): *Здоровье не купишь – его разум дарит; Живи умом, так и лекарство не надобно; Кто старается, тот и закаляется.* Конституция СССР впервые гарантирует советским людям право на охрану здоровья. Законодательными актами обеспечивается проведение широких профилактических мероприятий, см. появившиеся в советское время номинации новых профилактических учреждений: *Здравница; Дворец здоровья; Дом здоровья; Городок здоровья* и др. [ТСЯС 1998].

ЗОЖ: Здоровое питание (8,3%): *Лук и капуста болезнь не пустят; Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной; Здоровье близко: ищи его в миске; Какова пища, так и пила свищет; Каша – мать наша; Кто ест хрен и редьку, тот болеет редко; Лук и капуста болезнь не пустят; Чеснок да редька – так и на животе крепко; Яблоко в день – доктора в день.*

«Книга о вкусной и здоровой пище» представляла собой «образец идеологической правильной книги» [Михайлова 2008: электронный ресурс].

Здоровье как объект иронии (10,9%): *От здоровья не лечатся; Здоровому лечиться – наперед хромать поучиться; Медведь всю зиму не умывается, а здоров живет; От здоровья не лечатся; Поневоле здоров, коль ничего не болит; Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет.* Ироническая стыдливость за отменное здоровье, самоирония по отношению к собственному здоровью, русская терпимость к привычкам, вредящим здоровью, остается постоянным когнитивным признаком, свойственным для русской лингвокультуры и в советское время.

Здоровье как объект для уловки (5,8%): *В еде – здоровяк, в труде – калека; Здоров на еду, да хил на работу; Лодырю всегда нездоровится; Поесть – богатырь, а работать нету сил; Силы – на быка, а работы – на*

воробья; Хвораю, а ем по караваяю, не могу – ем по тирогу; От Покрова да Покрова кашлянул одново, да и говорит, что болен. Признак носит постоянный характер, был выделен на базе дореволюционных паремий.

Градуальность состояния: Здоровье / Нездоровье (1,9%): *Здоровьем слаб, да и духом не герой; Трудно быть смелым, если слаб телом; Здоровое дерево летит, а больное стоит.* Признак носит постоянный характер, был выделен и на базе дореволюционных паремий.

ЗОЖ: Правильный режим дня (здоровый сон) (0,6%): *Сон лучше всякого лекарства.* Признак был выделен на базе дореволюционных паремий, но в советское время потерял свою частотность. В пословичном корпусе советского периода была отмечена только одна паремия.

Проанализированные паремии советского времени показывают, что паремиологический материал стал базой для реализации государственной идеологии. Содержательное наполнение концепта *здоровье* моделировалось советскими властями путем создания искусственных паремий, которые внедрялись в словесный обиход, формируя пословичный новояз советского общества. Опираясь в целенаправленном изобретении пословичных сентенций на культурный потенциал народной мудрости, на традиционные ценности русского народа, советская идеологическая машина умело трансформировала когнитивные признаки концепта в своих пропагандистских целях.

Фонд паремий постсоветского периода составил 230 единиц. Крах советского государства привел к уходу в пассивную часть ядра идеологической лексики русского языка советской эпохи, а также к узловым изменениям социальной жизни, которые «сказались на языковом существовании общества и получили отражение в обыденном метаязыковом сознании» [Вепрева 2002: 16], в том числе и в отношении антропологически важных ценностей.

Постсоветские социологические исследования показывают, что здоровье занимает второе место среди самых важных традиционных

ценностей для русского архетипа, уступая ценностям семьи, но возвышаясь над материальными благами, см. об этом [Сергеева 2004: 98]. Классификатор **Состояние здоровья как ценность** (22,1%) находит отражение в постсоветских паремиях: *Главное здоровье, все остальное можно купить за деньги; Деньги потерял – ничего не потерял, здоровье потерял – все потерял; Здоровый нищий богаче больного короля.*

Классификатор **Здоровье как условие благополучной жизни человека** (5,2%) манифестирован в следующих паремиях: *Здоровому врач не надобен; Без здоровья нет хорошей жизни; Здоров буду – и денег добуду; Если хочешь быть счастливым всю жизнь, будь здоров; Здоровье сбережешь, от беды уйдешь; Как бы у тебя ни было плохо со здоровьем, а без него еще хуже.* Данный признак в постсоветское время получает дополнительную прагматическую нагрузку, здоровье становится понятием экономическим. «Сейчас тема «болеть нельзя» имеет даже еще второй экономический аспект, потому что квалифицированная медицинская помощь стала недоступной по материальным причинам» [Ратмайр 2004: 648]:

Классификатор **Гармоничный идеал** (3,0%): *В здоровом теле – здоровый дух; Дух бодр, да плоть немощна.* Генеральная разметка воображаемого идеального советского человека выступает в качестве образца для ценностных ориентаций современного постсоветского человека.

Классификатор **Духовное состояние здоровья** (5,2%): *Кто гнев свой одолевает, тот крепок бывает; От того, кто сквернословит, – здоровье ходит; Жадность здоровью – недруг; Не хвались здоровьем – здоровее будешь.* Паремии предостерегают от совершения грешных поступков и желаний, проповедуют ведение праведной жизни. В постсоветском общественном сознании укрепляется мысль о том, что нельзя «говорить о духовности, не подразумевая неперемного религиозного мироощущения» [Лихачев 2006: 51].

Классификатор **Физическое состояние здоровья** (7,8%). Здоровый, физически сильный человек ассоциируется с *быком, лошадей, медведем,*

коровой, ср. *Здоров как бык; Будь здорова как корова; Плечи – косая сажень* (о человеке богатырского телосложения); *Шея – как у быка*. Образность подобных паремий предполагает опору на «базовые представления о соответствующих референтах (бык – крупный, сильный, что обычно связывают со здоровьем)» [Мечковская 2011: 31].

Нами отмечена наибольшая динамика когнитивного классификатора *Здоровье как объект иронии* (27,3%) именно в постсоветский период, в советское время его удельный вес составлял 10,9%.

Особенность постсоветского периода заключается в свободе от разного рода ограничений, разрушении советских стереотипов мышления, в отказе от установлений тоталитарного режима, см.: [Земская 2000: 90]. Для современной русской речи «характерно стремление к языкотворческой игре с элементами иронии, «стеба», осмысление и переосмысление внутренней формы слов» [Степанова 2008: 48], что находит отражение в жанре игровых трансформаций русских пословиц. Для обозначения этого феномена исследователи используют разные термины: «квазипословицы» [Береговская 2001: 23-27] или, например, «новые русские пословицы» [Вельмезова 2006: 38-41]. В свою очередь, исследователи Х. Вальтер и В.М. Мокиенко называют их «антипословицами» и подразумевают под ними некую карнавальную речевую маску уставшего от «серьезностей» и трагедий повседневной жизни человека [Вальтер 2005: 7].

Провокаторами моды «противостояния старой мудрости» [Mieder 1998: 396] часто становятся журналисты, которые преследуют цель эффектной подачи материала. Пословицы становятся единицами некоторого культурного знания, или логоэпистемами, см.: [Бурвикова 2006], подвергаемыми творческой переделке. Эстетической доминантой современной жизни становится смеховая культура. Карнавализация языка не только средств массовой информации и Интернета, но и повседневного бытового употребления привела к тому, что язык прошлого попадает в поле игровых манипуляций. Так, например, классическая пословица *Здоровье не*

купишь в текстах СМИ подвергается трансформации с наращением иронических смыслов: *Здоровье не купишь, хватило бы на лекарства; Здоровье не купить, им можно только расплатиться, Здоровье уже можно купить, но еще не на что.*

Кроме того, активная «демократизация языка, которая в сочетании с отменой цензуры привела к тому, что потоки сниженной, жаргонной, а нередко и нецензурной лексики» [Скляревская 2001: электронный ресурс] являются основой для пословичных переделок. Словарь «Антипословицы русского народа» [Вальтер 2005] приводит перечень следующих преобразований выражения *В здоровом теле – здоровый дух* [там же: 479]. В новообразованиях произошло изменение а) последнего компонента предикативной единицы: *В здоровом теле – здоровый стул / друг / х...*; б) развертывание суждения: *В здоровом теле – здоровый дух. На самом деле – одно из двух*; в) изменение грамматической структуры первого компонента: *От здорового тела – здоровый дух; На голом теле – здоровый дух*. Паремии постсоветского времени часто переплетаются с аргументацией – «своеобразной пародией на язык и культуру» [Елистратов 2010: 660]: *Лучше быть здоровым раздолбаем, чем горбатым; Покушали – теперь по палочке здоровья на балкончике.*

Несмотря на смену политического устройства, когнитивные признаки ценностно важной для русской ментальности концептуальной единицы существенных изменений не претерпели. Поэтому приведем перечень классификаторов с иллюстративным материалом без дополнительных комментариев.

Классификатор **ЗОЖ: Забота о здоровье** (10,0%): *Если хочешь – будь здоров; Если здоровье от Вас уходит, значит, Вы о нем плохо заботитесь; Здоровье в наших руках, а еще больше в голове.*

Классификатор **ЗОЖ: Здоровое питание** (2,6%): *Яблоко в день – доктора в дверь; Морковь прибавляет кровь; Хлеб да вода – здоровая еда;*

Классификатор **ЗОЖ: Здоровые привычки** (9,1%): *Есть скоро – не быть здоровым; Ходи больше – жить будешь дольше; Чем лучше пищу разжуеть, тем дольше проживешь; Утро встречай зарядкой, вечер провожай прогулкой.*

Классификатор **ЗОЖ: Правильный режим дня (здоровый сон)** (2,6%): *Лучший сон – до полуночи; Спит богатырским сном; Выспался – будто вновь родился; Ляг да усни, встань да будь здоров.*

Классификатор **Здоровье как объект для уловки** (3,9%): *Больной – аппетит тройной; На работу спирает дух, а ест за двух.*

Классификатор **Градуальность состояния: Здоровье / Нездоровье** (1,3%): *Нездоровому все немило.*

Обратимся к результатам третьего этапа исследования. Проведенный анализ показал, что часть паремий переходят из одного временного периода в другой. Из 25 константных суждений частотны паремии, интерпретирующие классификаторы: **Состояние здоровья как ценность:** *Здоровье всего дороже; Здоровье не купишь; Здоровье всему голова; Здоровье как условие благополучной жизни человека:* *Здоров буду – и денег добуду; Здравому все здорово; Здравому врач не нужен; Было бы здоровье, а дней впереди много;* **ЗОЖ: Забота о здоровье:** *Здоровье приходит годами, а уходит часами; Береги здоровье смолоду, а честь под старость; Здоровье выходит пудами, а входит золотниками.*

В каждом временном отрезке наполнение классификатора **Духовное состояние здоровья** варьируется: *Дай, Боже, трое разом: счастья, здоровья и души спасения* и др. (дореволюционный период), *Партия бодростью заряжает, волей к победе вооружает* и др. (советский период); *Не хвались здоровьем – здоровее будешь* и др. (постсоветский период). Только одна паремия, транслирующая духовное здоровье, встретила как в советском, так и в постсоветском периоде: *Было бы здоровье, да совесть чиста.*

Часть паремий мигрировала из дореволюционного времени в постсоветское, минуя советский период: *Больной лечится, здоровый бесится*

(Состояние здоровья как ценность), Кому скоромно, а нам на здоровье; (Здоровье как объект иронии), После обеда полежи, после ужина походи (ЗОЖ: Здоровые привычки).

Подведем итоги наблюдениям данного параграфа. Константа русской культуры – концепт *здоровье* – имеет неизменные базовые когнитивные признаки, модифицирующиеся под влиянием внешних факторов: социально-политических изменений и экономических преобразований.

В качестве общего иллюстративного вывода составим интерпретационный образ здорового русского человека, опираясь на пословичную концептуализацию здоровья, не принимая во внимания хронологические рамки тех или иных паремий. Здоровый человек *силен как бык, у него кровь с молоком (Физическое состояние здоровья), спит богатырским сном (ЗОЖ: Правильный режим дня (здоровый сон)), ему морковь прибавляет кровь (ЗОЖ: Здоровое питание), ему, здоровому духом, все под силу (Духовное состояние здоровья), он ощущает счастье в здоровье (Состояние здоровья как ценность), придерживается правила: Завтрак съешь сам, обед раздели с другом, а ужин отдай врагу (ЗОЖ: Здоровые привычки), так как понимает, что жизнь не прощает беспечного отношения к своему здоровью (ЗОЖ: Забота о здоровье).* И в то же время он иронически посмеивается, осуждая чрезмерную заботу о своем здоровье: *не дал бог здоровья – не даст и лекарь*, а также оправдывает вредные привычки, констатируя: *Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет.*

1.4. Верификация структуры концепта *здоровье* по данным психолингвистического эксперимента

Результаты исследования по структуре концепта нуждаются в объективной верификации, см.: [Баранов 2003; Плотникова 2006 и др.], которая представляет собой «проверку полученных данных путем обращения к носителям языка» [Попова 2007: 102].

Психолингвистические методы исследования структуры концепта опираются на продуктивную идею «двойной онтологии значений, обусловленной их вхождением в весьма различающиеся системы – социальную и личностную» [Залевская 2010: 11]. Мысль о разграничении коллективного знания, зафиксированного в словарях, и индивидуального знания, отраженного в сознании носителя языка, мы встречаем в работах отечественных лингвистов. А. А. Потебня так метафорически показывает две формы существования значения слова: «... пример предрассудка мы видим в понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, в каком оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания» [Потебня 1976: 465–466]. Экспериментальный подход к исследованию содержательного наполнения концепта *здоровье* позволяет получить индивидуальную трактовку знания о *здоровье*, которая представляет определенную конфигурацию «коллективного знания с точки зрения его объема, содержания и интерпретации» [Болдырев 2009: 37].

Мы обратились к возможностям экспликативного эксперимента, который дает возможность реципиентам выразить свое понимание анализируемого явления посредством экспликации объяснения значения слова гипотетическому собеседнику, см. например: [Грищук 2002]. Отличительными особенностями данного вида психолингвистического эксперимента является, во-первых, получение обширного материала: экспликативным текстам свойственны «эмоциональность, разговорность лексических средств, диалогичность, значительный объем» [Попова 2011: 148], а во-вторых, возможность рассмотреть, как респонденты транслируют свое миропонимание в словесных картинках и индуцируют соответствующие образы у своего гипотетического коммуникативного партнера [Шаховский 2011: 115].

Респондентам было предложено прокомментировать две воображаемые ситуации: «1. Представьте, что маленький ребенок спрашивает у Вас: «Что такое здоровье?». Как бы Вы ему ответили? 2. Представьте, что Ваш друг-иностранец спрашивает Вас: «Что в Вашей стране понимается под словом здоровье?». Как бы Вы ему ответили? (предполагается, что ответ будет на русском языке)». Также мы просили вспомнить пословицы и поговорки со словом *здоровье*.

Формулировка вопросов позволяет испытуемому создать «свой собственный экспликативный (объяснительный) текст, который потом изучается и интерпретируется исследователем» [Попова 2011: 148]. Нами было опрошено 400 жителей города Екатеринбурга с разным уровнем образования, профессиональной деятельности, а также разных по возрасту. Мы полагаем, что здоровье как физическое и душевное состояние организма динамично и претерпевает в процессе жизненного цикла существенные изменения, поэтому и представление носителей языка о здоровье имеет возрастную специфику. Респонденты были условно отнесены к трем возрастным группам. К *молодежной группе* мы отнесли 200 студентов в возрасте от 17 до 24 лет двух среднеспециальных образовательных учреждений Екатеринбурга, представители женского и мужского пола представлены в соотношении 2 к 1: 64 юноши и 132 девушки, зафиксировано более 1480 реакций. В *группу зрелого возраста* вошло 100 респондентов от 25 до 49 лет: 80 женщин и 20 мужчин, получено более 640 реакций. К *старшей возрастной группе* мы отнесли 100 носителей русского языка в возрасте от 50 до 94 лет: 79 женщин и 21 мужчина, получено более 765 реакций. В качестве реципиентов последних двух групп выступили сотрудники государственных образовательных и медицинских учреждений Екатеринбурга. Всего было проанализировано более 2890 реакций.

Время для ответов на вопросы анкет не ограничивалось, но эксперименты показали, что респондентам потребовалось для выполнения задания в среднем 7–10 минут, что свидетельствует о том, что объект нашего

изучения находится «в активной зоне коммуникативного сознания» [Стернин 2008: 139] респондентов.

Большинство признаков, полученных в ходе лексикографической интерпретации, нашли подтверждение в результате психолингвистического эксперимента. Наложение полученных исследовательским путем когнитивных признаков двух списков позволило выделить пересекающиеся и несовпадающие зоны, которые обусловлены возрастной спецификой осознания здоровья.

Представим характеристику концепта *здоровье* по данным реакций каждой возрастной группы.

1.4.1. Когнитивные признаки концепта *здоровье* по данным анкет молодежной группы

Образный компонент здоровья пополняется реакциями перцептивной и метафорической направленности. По перцептивному основанию образы разделились на зрительные: *улыбка; румянец; внешний вид*; слуховые: *смех*; тактильные: *теплая обувь; тепло одеваться; ходить в теплом шарфе; контрастный душ*; вкусовые: *есть овощи, фрукты; есть кашу*; ольфакторные: *свежий воздух*. Метафорический образ эксплицирует механистическое представление здорового организма: *конструктор, который состоит из множества частей (клеток); машинки, которые переваривают еду; организм сложен, как часы*. Как видно из представленного перечня, многие признаки носят не только образный, но и характер информационного содержания концепта.

В **информационном поле** молодого поколения категориальное осмысление абстрактного понятия реализуется в наборе следующих признаков: *состояние организма; органы способны выполнять свою функцию; когда человеку хорошо; благополучие*. Выделяется признак *отсутствие болезни*, также зафиксированный нами и в лексикографических источниках. Признаки коррелируют с ранее выделенным признаком *состояние организма*. Кроме того, доминируют признаки поведенческого

типа, которые указывают на составляющие здорового образа жизни: **здоровое питание** (еда и вода): *правильное питание; есть овощи, фрукты; есть кашу;* **здоровые привычки** (двигательная активность, гигиена, отсутствие вредных привычек): *бегать, прыгать; гимнастика, делать зарядку; гулять на улице; занятие спортом, физкультурой; пробежка; прогулки; танцы; единоборства; кататься на велосипеде; кататься с горок; активный образ жизни; гигиена (соблюдать гигиену); чистить зубы; мыть руки перед едой; мыть фрукты; отказ от (отсутствие) вредных привычек;* **правильный режим дня (здоровый сон): сон; режим дня; забота о здоровье:** *соблюдать ЗОЖ; принимать витамины; поддерживать иммунитет; профилактика; тепло одеваться; теплая обувь; одевать шарф; ходить зимой в шапке; закаливание; меньше сидеть за компьютером.*

Четко выделяется признаки **физического** и **душевного / духовного состояния здоровья:** с одной стороны, *сила, крепость тела, оболочка нашего тела, внешний вид, румянец,* с другой стороны, *духовность; положительные мысли; чистые мысли; умственное развитие; чтение книг; театр и кино; сила воли; радость, счастье, веселость, улыбка, жизнерадостность, хорошее настроение.* Фиксируется и **гармоничный идеал:** *духовная и физическая бодрость; энергия; красота.*

Приведем другие признаки в виде перечня без дополнительного комментария.

Классификатор **Состояние здоровья как ценность** выражен в следующих реакциях: *ценность; богатство; золото; подарок природы; подарок судьбы; самое дорогое (превыше всего); самое неотъемлемое.*

Здоровье как условие благополучной жизни человека: *можешь свернуть горы; позволяет интереснее жить; отсутствие проблем; будет здоровье – будет все.*

Социальная составляющая: *годен к службе в армии; трудоспособность; интерес к окружающему; забота государства (охрана здоровья); социальная реклама; беседы со школьниками; влияние СМИ;*

работоспособность; общение; комфортное пребывание в обществе. К когнитивным признакам можно отнести поведенческий признак дидактического характера: *слушаться родителей.* Молодежная группа, среди прочих черт, отразила в своих ответах влияние СМИ на формирование понятия *здоровье: Сегодня в России много внимания уделяется формированию понятия **здоровый образ жизни.** На телевидении и в других СМИ широко распространена социальная реклама, обращающая внимание на здоровое питание и негативные последствия. Целый ряд передач обращает внимание на необходимость систематического наблюдения у врача и контроля основных показателей здоровья и т.д.*

В процессе анализа нами фиксируется новый классификатор **Экономическая составляющая здоровья,** который эксплицирован признаками материальной семантики: *дорогая медицина (лекарства); лечиться очень дорого и долго; когда ни кому не должен (денег).*

К внешним факторам влияния на здоровье молодые реципиенты отнесли *наследственность, экологию.*

Экология: *здоровые люди в деревнях, в горах; гулять в парках, лесу; чистый воздух, свежий воздух; экология.*

Интерпретационное поле концепта формировалось нами в основном из ответов на второй и третий вопросы, так как в данную зону «входят когнитивные признаки, отражающие связь концепта прежде всего с национальным менталитетом, то есть национальным способом восприятия и понимания действительности, определяемых совокупностью когнитивных стереотипов нации» [Щербакова 2009: 108]. Выделим наиболее характерные зоны интерпретационного поля концепта *здоровье* у молодежной группы.

У молодежной группы в интерпретационном поле ярко очерчена паремиологическая зона исследуемого концепта. Спектр полученных в ходе эксперимента пословиц и поговорок достаточно представительен: получено 103 единицы. Самым частотным оказался афоризм, подчеркивающий идеальный гармоничный образ здорового человека *В здоровом теле –*

здоровый дух, который для молодых воспринимается как необходимая внутренняя согласованность телесного и душевного проявлений здоровья. Спецификой интерпретационного поля исследуемого концепта является ироническая тональность многих приведенных паремий, что позволяет сделать вывод о том, что для молодых людей по-прежнему характерна ирония по отношению к собственному здоровью: *Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным! Человека лень не кормит, а здоровье – только портит; Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет; Курить и пить вредно, а умирать здоровым жалко! Первую половину жизни мы все деньги тратим, чтобы загубить свое здоровье, а вторую – чтобы восстановить!*

Если обратимся к характеристике полевой структуры полученных признаков концепта *здоровье*, то ядро формирует классификатор **ЗОЖ: Здоровые привычки** (24,3%) и признак, отражающий категориальное содержание концепта – **Состояние организма** (25,1%), в приядерной зоне расположен классификатор **ЗОЖ: Забота о здоровье** (11,5%) и классификатор **Состояние здоровья как ценность** (10,5%). В ближней периферии концепта находятся признаки классификатора **ЗОЖ: Здоровое питание** (8,4%). К дальней периферии относятся когнитивные классификационные признаки: *Душевное / Духовное состояние здоровья* (4,6%), *Физическое состояние здоровья* (3,7%), *Социальная составляющая здоровья* (3,7%) и др.

Подведем промежуточные итоги. Полученная когнитивная модель концепта *здоровье* интегрирует онтологические, аксиологические, образные характеристики денотата. В сознании молодых носителей языка *здоровье* как нормативный идеал состояния осознается как безусловная ценность. Анализ позволил установить существование активной взаимосвязи *здоровья* и *здорового образа жизни*. В когнитивной базе молодых *здоровье* запрограммировано в виде набора общих дидактических рекомендаций

здорового образа жизни. Молодые реципиенты отмечают корреляцию здоровья с материальной составляющей жизни – деньгами.

1.4.2. Структура концепта *здоровье* по данным анкет группы зрелого возраста

Образное поле концепта *здоровье* в ответах данной группы представлено перцептивными признаками, разделенными на зрительные: *румянец*; слуховые: *общение*; *смех*; *хочется петь*; тактильные: *тепло одеваться*; вкусовые: *молоко пить – здоровым быть*; *если в день съесть по яблоку, то можно забыть про докторов*; *чеснок да лук – здоровью друг*; *пейте, дети, молоко, будете здоровы*; *чеснок да лук от семи недугов*; ольфакторные: *свежий воздух*. Отметим, что в молодежной группе был более актуализирован тактильный образ восприятия концепта *здоровье*.

Признаки, формирующие когнитивный (метафорический) образ, немногочисленны, например: *как вода для рыбки, как небо для птицы*; *дар Божий*; *шкатулка с драгоценностями*; *мотор, который должен хорошо работать*.

В **информационном содержании** концепта фиксируются родовые признаки: *состояние (организма)*; *благополучие*; *отсутствие болезни*; *самочувствие*.

Состояние здоровья как ценность: *счастье*; *жизнь*; *богатство*; *ценность*. **Здоровье как условие для благополучной жизни человека**: *все добудешь*.

Велика доля концепта **ЗОЖ** с классификаторами **здоровые привычки** (двигательная активность, гигиена, отсутствие вредных привычек): *кататься на велосипеде*; *бегать*, *прыгать*; *делать зарядку*; *занятие спортом, физкультурой*; *танцы*; *прогулки*; *фитнес клуб*; *активный образ жизни*; *гигиена*; *мыть руки перед едой*; *чистить зубы*; *не пить (алкоголь)*; *не курить*, *не принимать наркотики*; *отказ от вредных привычек*; **здоровое питание**: *правильное питание*; *Молоко пить – здоровым быть*; *забота о*

*здоровье: профилактика; Если хочешь быть здоров – закаляйся; **правильный режим дня (здоровый сон): режим дня; сон.***

Душевное состояние здоровья выделяем на основании признаков: *положительные мысли; тяга к новому; веселость; улыбка; смех; желание творить; хочется петь, чтение книг.* В рамках *физического состояния здоровья* частотны признаки *сила, румянец.* Только в анкетах данной группы выделяется когнитивный признак *интимная жизнь (сексуальное здоровье).* *Гармоничный идеал* представлен признаками *бодрость, энергия, красота.*

Респонденты зрелой возрастной группы выделяют признаки, которые мы отнесли к смешанной группе *социально-экономической составляющей здоровья: Здоровье – дорогое удовольствие; Бабки (деньги) плати и будешь здоров; Здоровье в нашей стране есть лишь у тех, кто готов платить; В нашей стране здоровым быть дешевле; здоровье в России для простого гражданина – это вкалывать от зари до зари за мизерную зарплату, получить в итоге нищенскую пенсию и жить до смерти (плата за медицину огромная), см. также подобные реакции в эксперименте [Мустайоки 2003: 56].*

Интерпретационное поле представлено признаками иронической тональности: *Здоровье как объект иронии: Дороже здоровья – только лечение; Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет.*

Обратимся к характеристике полевой структуры концепта *здоровье.* В исследовании данной возрастной группы ядро составили классификаторы *Состояние организма* (26,6%) и *ЗОЖ: Здоровые привычки* (15,3%). В приядерной зоне расположен классификатор *ЗОЖ: Забота о здоровье* (12,3%), а также когнитивный классификатор *Состояние здоровья как ценность* (13,9%). Ближнюю периферию составили классификаторы *Социально-экономическая составляющая* (7,0%), *Душевное состояние здоровья* (6,5%), а также *ЗОЖ: Здоровое питание* (6,8%). Признаком дальней периферии фиксируется *Физическое состояние здоровья* (4,5%) и др.

Таким образом, анализ позволил установить существование стойкой взаимосвязи здоровья и здорового образа жизни: все классификаторы ЗОЖ остались востребованными в данной возрастной группе. Появляется индивидуальный когнитивный признак *интимной жизни (сексуального здоровья)*.

1.4.3. Структура концепта *здоровье* по данным анкет старшей возрастной группы

В группе лиц старшего поколения *образ* по перцептивному основанию образы разделились на зрительные: *улыбка; улыбка мамы; румянец; здоров как бык*; слуховые: *смех; не плакать без причины; хочется петь*; вкусовые: *кушаешь конфеты; пейте, дети, молоко – будете здоровы; чеснок да лук от семи недуг*; ольфакторные: *свежий воздух*. Тактильных образов нами зафиксировано не было. Когнитивный образ также дополняется частотными признаками *счастье, богатство* и др.

Информационное содержание остается неизменным и отражает родовые признаки: *состояние (организма), благополучие, самочувствие*. Респонденты всех возрастных групп нашего эксперимента нередко фиксировали по памяти дефиниции лексемы *здоровье*, которые дословно можно найти в авторитетных толковых словарях, например: *правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие*, ср. [ТСРЯ 2011: 275]; *нормальное (или хорошее) состояние организма, при котором правильно функционируют все его органы*, ср. [БАСРЯ 2006, Т.6: 696–697].

Концепт **ЗОЖ** с классификаторами *здоровые привычки* (двигательная активность, гигиена, отсутствие вредных привычек) представлен в данной группе респондентов наибольшим количеством признаков. Приведем в качестве иллюстрации стихотворную реакцию: *Крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха: «Быть здоровым хорошо? Да, сынок, не плохо. Если ты встаешь с утра, делаешь зарядку. Песни весело поешь, прыгаешь вприсядку. Радость всем вокруг несешь. В день любой гуляешь, молоко*

парное пьешь, тело закаляешь. Другие признаки: гулять; танцы; пробежка; делать зарядку; мыть руки (перед едой); ухаживать за кожей; играть в хоккей, футбол; кататься на коньках, санках, лыжах; походы с рюкзаком, прогулки; содержать (работать на) садовый участок, см. подтверждение этого наблюдения также в [Жданова 2011: 202–204].

***Душевное состояние здоровья:** душа поет, счастье, театр и кино; не плакать без причины; хочется петь; интерес к работе и всему окружающему; общение.*

***Физическое состояние здоровья:** здоров как бык.*

***Гармоничный идеал:** физическая и духовная бодрость; энергия, красота.*

Отметим особенность анализируемой группы – при интервьюировании старшей возрастной группы заполнение анкет сопровождалось негативной речевой реакцией, которая чаще всего была направлена на **социальную составляющую здоровья**: *О профилактике и здоровом образе жизни можно услышать только от рвущихся во власть кандидатов в чиновники или депутаты; У нас под словом «здоровье» понимается забота граждан о самих себе; Здоровье – или тебя будут лечить по-советски или кое-как и т.д.* **Экономическая составляющая здоровья:** *возможность зарабатывать; хорошо развитая экономика; дорогая медицина (лекарства); это много денег; материальное благополучие; здоровье - дорогое удовольствие; С другой стороны, зафиксирована одна реакция: здоровье – самое дешевое и бесплатное, что есть в России.*

Обратимся к характеристике полевой структуры концепта **здоровье**.

В исследовании старшей возрастной группы в ядре фиксируется когнитивный классификатор **ЗОЖ: Здоровые привычки** (17,7%); **Состояние организма** (21,5%). В приядерной зоне расположены четыре когнитивных классификатора: **ЗОЖ: Забота о здоровье** (11,2%); **Состояние здоровья как ценность** (11,9%). Ближайшую периферию составили классификаторы **Душевное состояние здоровья** (9,9%), **Социальная составляющая здоровья**

(9,6%), **ЗОЖ: Здоровое питание** (6,5%). К дальней периферии относятся классификаторы **Физическое состояние здоровья** (4,1%), **ЗОЖ: Правильный режим дня (здоровый сон)** (2,3%) и др.

Таким образом, признаки, выделенные нами на основе данных словарей, актуализированы в сознании современных носителей русского языка. Между тем, изменение соотношения компонентов в составе концептуального поля в языковом сознании напрямую коррелирует с возрастной составляющей реципиентов.

Во всех трех возрастных группах классификатор **ЗОЖ: Здоровые привычки; Состояние организма** находится в ядре, **ЗОЖ: Забота о здоровье, Состояние здоровья как ценность** – в приядерной зоне, **ЗОЖ: Здоровое питание** в границах ближней периферии концепта.

Душевное состояние здоровья и социальная составляющая здоровья формируют зону ближней периферии зрелой и старшей возрастной группы, в то время как в молодежной группе, они располагаются в границах дальней периферии.

Экспликативный эксперимент позволил выделить индивидуальные когнитивные признаки, которые не удалось определить в коллективном знании, отраженном в словарях: *слушаться родителей, интимная жизнь, здоровье у тех, кто платит.*

Выводы

Анализ лексикографических источников, паремиологического фонда и проведение психолингвистических экспериментов позволили определить структуру концепта **здоровье**. Структурная организация концепта показала, что **здоровье** – это сложный многомерный феномен, сочетающий в себе качественно различные компоненты и отражающий фундаментальные аспекты человеческого бытия.

Структура концепта **здоровье** представлена в графическом рисунке 2.

Рисунок 2. Структура концепта *здоровье* по данным словарей и психолингвистических экспериментов

1. Здоровье в языке и языковом сознании представляется ценностным концептом, занимающим в иерархии ценностей самый высокий уровень, выше ценностей материального характера. Здоровье как ценностный феномен осознается носителем языка, а также ярко представлен чувственно – перцептивным образом концепта. Ценность здоровья осознается в виде необходимого условия для работы и жизнедеятельности человека.

2. Категориальным родовым признаком концепта является абстрактный признак *состояние организма*, который неразрывно связан с признаком *бытийное состояние* органов тела человека. Состояние здоровья, характеризующееся пациентной природой, находится в причинно-следственной связи с поведенческим аспектом деятельности человека – здоровым образом жизни. Включенный концепт *ЗОЖ* включается в качестве важного аспекта в структуру концепта *здоровье* и в языковом сознании носителей языка всех возрастных групп занимает ядерное положение, что

свидетельствует о том, что высшие ценности требуют от человека, кроме субъективных переживаний, и определенных поведенческих реакций.

3. Здоровье может оцениваться с точки зрения внешнего наблюдателя и внутреннего самоощущения субъекта. Показателем здоровья может являться внешний вид субъекта со стереотипными специфическими маркерами, к которым относятся *румянец, крепкое телосложение, улыбка* и др. Внутреннее состояние здоровья субъекта является трудно определяемым, но целостным ощущением телесного и душевного состояния. Согласованность, гармония физического и психического здоровья – тот образец, к которому в идеале стремится любой человек.

4. Состояние здоровья может быть представлено в виде трехчастной градуальной аксиологической шкалы, на которой *здоровье* и *болезнь* – оппозитивная пара концептов, срединный член шкалы – *нездоровье*, которое фиксирует ухудшение здоровья здорового человека, чаще всего не связываемое носителем языка с болезнью.

5. Набор когнитивных признаков концепта *здоровье* остается неизменным, хотя, как показал анализ паремиологического корпуса, содержание их может видоизменяться под влиянием культурно-исторического контекста. Концепт *здоровье* имеет национально-специфический характер: ироническое отношение к своему здоровью – это черта русской ментальности.

6. Здоровье может зависеть от внешних факторов, поэтому в структуру концепта мы включили когнитивные признаки *социальная составляющая здоровья, экономическая составляющая здоровья, экология*. Психолингвистический эксперимент показал, что старшая группа носителей языка ощущает дефицитарность здоровья, обусловленного тем, что при недостатке внутренних ресурсов она испытывает дефицит заботы со стороны государства.

Глава 2. Актуализация признаков концепта *здоровье* в советских и постсоветских текстах СМИ и рекламе

Теоретические посылки исследования

Цель второй главы – выявление и сопоставление актуализированных когнитивных признаков концепта *здоровье* в разные периоды российской истории. Данная цель реализуется через ряд конкретных задач, соответствующих этапам исследования.

1. Проследить особенности актуализации когнитивных признаков концепта *здоровье* в разные общественно-политические периоды истории России на основе данных советской и постсоветской периодической печати.

2. Охарактеризовать специфику модификации концепта *здоровье* на основе актуализации когнитивных классификационных признаков концепта *здоровье* в рекламных текстах социального и коммерческого содержания советского и постсоветского периода российской истории.

В данной главе анализируется языковой материал советского и постсоветского периодов. Выборка советских контекстов проходила пунктирно (тексты СМИ 1978 и 1980 гг., разные временные отрезки в рекламных текстах), что обусловлено исследовательскими задачами работы. Материал постсоветского периода выбирался с помощью базы данных Интегрум (www.integrum.ru), включающей большинство выходящих в настоящее время публицистических текстов (тексты СМИ и рекламы 1993–2014 гг.).

Для анализа и последующей интерпретации было отобрано в совокупности свыше 4000 контекстов, манифестирующих концепт *здоровье*. Единицей анализа является высказывание с любым лексическим репрезентантом концепта *здоровье*.

Анализ ценностных концептов нацелен на объяснение их природы и мотивации, «на освещение специфической комбинаторики» [Карасик 2013: 6], на выявление их динамики и способов выражения. СМИ являются тем объектом исследования, который, с одной стороны, отражает взгляды и

настроения общества, а, с другой стороны, участвует в моделировании языковой картины мира человека: одна из главных задач СМИ – «управлять сознанием и поведением людей» [Дзялошинский 2002: 33]. В мировом информационном пространстве значимыми являются и рекламные тексты. Любая реклама представляет собой слепок современности, в нем отражаются базовые ценностные ориентиры нации, ср. высказывание культуролога Г. Маркузе о важности рекламы: полное отсутствие ее «погрузило бы человека в болезненный вакуум, лишаящий его возможности удивляться и думать, узнавать себя (или скорее отрицательное в себе) и свое общество» [Маркузе 1994: электронный ресурс].

Новые социально-экономические условия стимулируют наполнение ценностных концептов новым содержанием: приращением новых смыслов или актуализацией постоянных. Даже небольшая историческая дистанция может открыть исследовательскому взгляду то, что раньше «не было видно с близкого расстояния» [Воробьева 2008: 3]. Исследование концепта в сопоставительном аспекте позволит очертить «ценностные ориентиры и концептуальное видение носителей языка» [Чернова 2004: 52] в современных условиях.

В когнитивной парадигме современных исследований является значимым анализ дискурсивных практик, которые представляют собой производство и потребление текста в совокупности [Йоргенсен 2008: 120–122, также Иссерс 2013: 250–261]. Для нее важна детерминированность «социальными условиями, в том числе и структурами бессознательного» [Чепкина 2011: 77], также см.: [Витгенштейн 1994; Гоффман 2004; Fairclough 1992 и др.], поскольку устойчивые типы интерпретаций здоровья порождаются различными дискурсивными практиками.

В СССР тексты СМИ при опоре на социально значимые события формировали определенные идеологемы («вербально выраженные политические или политизированные идеи» [Купина 2006: 518]), которые в сознании советских людей становились стереотипами и образцами, см. об

этом: [Земская 1996: 23–31; Каблуков 2012: 84–88; Клушина 2014: 54–59; Купина 1995; Кутенева 2008; Майданова 2011; Романенко 2008; Серю 2009: 118–123; Чудинов 2006; Шейгал 2004; Epstein 1991; VanDijk 1995; 2008]. Дискурсивная практика задает «условия осмысления повседневного языка» [Иссерс 2011: 229], правильного прочтения его смыслов.

Основной метод исследования в данной главе – контекстологический анализ, объединяющий «экстра- и интралингвистические контекстные факторы, постоянно сопровождающие языковую коммуникацию» [Колшанский 2010: 134]. В структуре высказывания исследуются синтагматические отношения его элементов, которые проявляются в правилах сочетаемости слов и в их связях с партнерами по контексту. Правила опираются на закон семантического согласования слов: «для того, чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь помимо специфических, различающих их сем одну общую сему» [Гак 1971: 368]. При анализе идет поиск на синтагматической оси слова или словосочетания, которое повторяет или уточняет, конкретизирует значение семантически реализуемого слова.

Теоретические постулаты семасиологического и когнитивного анализов лексики с коммуникативной точки зрения изложены в работах лингвистов, представляющих *Московскую семантическую школу* и научные направления, сформировавшиеся в разных регионах России, см.: [Апресян 1995; Васильев 1981; Гайсина 1981; Ибрагимова 1992; Кобозева 2012; Копыленко 1973; Кузнецова 1982; Мельчук 1999; Падучева 2010; Стернин 1985; Урысон 2003; Уфимцева 1968; Шмелев 1964 и др.]. Особое место в рамках направления занимают работы зарубежных исследователей, см.: [Evans 2006; Geerarts 2006; 2010; Kövecses 1988; Talmy 2000; Tissari 2006 и др.].

В синтагматике принцип локализации соотносимых слов обуславливается контактной и разъединенной, дистантной, сочетаемостью [Влавацкая 2009: 33]. Кроме выраженной части смысла, высказывания

содержат и скрытые, неявные компоненты, к которым можно отнести, в частности, импликацию, ситуативно выводимый смысл из высказывания [Грайс 1985], а также подтекст, то скрытое содержание, которое осознается благодаря ассоциативным и коннотативным значениям языковых единиц.

К анализу текстов СМИ, особенно советского периода, будут привлекаться фоновые знания о действительности, представляющие собой пресуппозицию высказывания, поскольку феномен тоталитарного языка «не может рассматриваться в отрыве от истории и культуры определенного народа» [Купина 1995: 3].

Анализ текста будет опираться на когнитивные признаки концепта *здоровье*, которые выделены нами в предыдущей главе. Реализация их в типовых контекстных условиях ляжет в основу модификационных вариантов концепта.

2.1. Актуальные когнитивные признаки концепта *здоровье* в советских текстах СМИ

При постоянном интересе к анализу концепта *здоровье* в постсоветский период, см.: [Бухтоярова 2010; Тванба 2013; Яроцкая 2012 и др.] отсутствуют специальные исследования, посвященные вербализации концепта *здоровье* в советских СМИ. Между тем, «осмысление опыта советской культуры способно дать ключи к интерпретации современной российской культуры» [Воробьева 2008: 3], также см.: [Купина 2000: 183], что позволит рассмотреть ценностное содержание концепта с новой точки зрения.

Внутри советского периода принято выделять четыре этапа русской общественно-политической жизни: сталинский режим (тоталитарно-административная эпоха), хрущевская оттепель (время некоторой демократизации в рамках коммунистической идеологии), брежневский застой (стагнация общественно-политической жизни), перестройка (начало становления демократического общества), см.: [Будаев 2007; Ворожбитова

2000; Ширяев 1997]. Каждый период имеет свои языковые характеристики. Однако можно проследить и общие изменения в языке советского времени.

Для исследования нами был выбран период стагнации – 1978 и 1980 гг. Брежневский период характеризуется попыткой вытеснения демократической доминанты хрущевского периода, попыткой возрождения, «пусть и в ослабленных, а иногда и пародийных формах тоталитарного мышления, которому столь исправно служит новояз» [Ширяев 1997: 21]. Выбранные даты связаны с ярким, социально обусловленным событием советской эпохи: подготовкой и проведением летних *Олимпийских игр* (Игры XXII Олимпиады), которые состоялись в Москве с 19.07.1980 г. по 03.08.1980 г. Кроме того, летние месяцы традиционно связаны с важными для нашего исследования профессиональными праздниками: *Днем медицинского работника* (третье воскресенье июня), *Днем здоровья* (11 июля – в этот день был подписан декрет о создании Народного комиссариата здравоохранения РСФСР В.И. Лениным; сейчас в России этот праздник носит международный характер и проводится 7 апреля в день создания Всемирной Организации здравоохранения (1948 г.)), *Днем физкультурника* (вторая суббота августа).

Нами были отобраны материалы газеты органа Центрального Комитета КПСС – «Комсомольской правды» (далее КП), а также региональной газеты Свердловского горкома КПСС и городского совета народных депутатов – «Вечернего Свердловска» (далее ВС). Данные издания представляют собой неспециализированные общественно-политические издания, рассчитанные на широкую аудиторию. Привлечение регионального материала позволило учесть тенденции советских СМИ в целом, а не только центральной прессы (о других причинах важности привлечения регионального материала в исследованиях такого типа, см.: [Чудинов 2011б: 40]). В совокупности было обработано 318 выпусков печатных изданий, свыше 6200 текстов разных жанров. В фокусе исследовательского внимания оказалось в совокупности 1330 контекстов с концептом *здоровье*.

Моделирование базового концепта *здоровье* в СМИ проходило в рамках советской системы ценностей средствами тоталитарного языка, «подъязыка, рожденного в недрах партийной номенклатуры», который «вторгался, а точнее, внедрялся во все области коммуникативной деятельности» [Седов 1993: 30]. Системно структурированный тоталитарный язык включал блоки идеологем, «связанных между собой жесткими структурными отношениями» [Купина 1995: 138]. Безусловно, значимая в любой системе ценностей концептуальная единица *здоровье* включалась в качестве элемента в пропагандистско-идеологический аппарат, представляя собой одну из идеологем советского времени.

Представим анализ особенностей актуализации когнитивных признаков концепта *здоровье* в советских СМИ.

1. *Субъект состояния.* Характеристику субъекта, здорового советского человека, представим, прежде всего, через анализ контактной сочетаемости, а точнее, левой и правой валентности ключевой лексемы-репрезентанта *здоровье* и других репрезентантов идеографического поля концепта. Левая валентность позволяет сделать первые важные наблюдения о субъекте: *О наших богатырях в эти дни было сказано много добрых слов* (КП, 20 июня 1978); *...забег старейших спортсменов один из звездных номеров программы нашего праздника здоровья* (ВС, 6 июня 1980); *как крупного организатора в области нашего здравоохранения* (КП, 7 июля 1978); *«У нас самые здоровые дети в мире»* (надпись на почтовой марке, выпущенной в 1963 г.); *наши здравницы, наше здоровье, наше национальное богатство* (о здоровье) и др.

Общим местом в работах о специфике советской эпохи является мысль о безличности субъекта, советского человека, который был «растворен в коллективе» [Гер-Минасова 2000: 214]. В одной из современных лингвофилософских моделей подобная модальность самоидентификации субъекта названа как «роевой Мы–менталитет, субъект как представитель общности» [Тюпа 2010: 22]. Отнесенность советского человека к

социоцентрическому типу культуры, в центре которой находится «некая человеческая общность» [Дзялошинский 2002: 21] (именно к ней причисляет себя личность), в официальной печати подавалась как «миф о единстве, монолитности советского народа и партии, народа и власти» [Ермакова 1997: 145].

В советском языке структура коллективной интеграции представлена высокой частотностью употребления местоимения *мы*, «почти поглотившее я» [там же] и местоимения *наш*. Особой значимостью обладает притяжательное местоимение *наш*, хотя с чисто грамматической точки зрения притяжательные прилагательные – это «трансформы личных местоимений» [Норман 2009: 65]. Но именно притяжательные местоимения выражают прагматический оттенок идеи собственности «в смысле обозначения границ личной сферы человека», они «помогают человеку очертить территорию его интересов, круга его родных и знакомых» [там же]. Класс местоимений оказался инструментом идеологизации здоровья не как состояния конкретной личности, а как состояния, принадлежащего всему обществу. «Прагматическая аура *наш* – это результат развития, движения от оттенков ‘родной, идейно близкий’ через ‘принадлежащий к тому же обществу (кругу)’ к оттенкам ‘отечественный’, ‘справедливый’, ‘настоящий’, ‘хороший’» [там же].

Левая валентность также эксплицирует государственную принадлежность субъекта: *...завоевали огромную популярность у советских физкультурников* (КП, 19 июля 1978); *Золотой счет советских богатырей* (КП, 14 июня 1978); *...советского здравоохранения и одного из виднейших его деятелей* (КП, 7 июля 1978). Отличительной чертой советского здорового человека прежде всего является его принадлежность социальной системе. При анализе были зафиксированы регионально окрашенные коллокации, свидетельствующие о стереотипных представлениях территориальной локализованности здоровья в конкретных районах страны: *...уральский богатырь открыл счет золотым медалям* (ВС, 19 июля 1980),

кавказское долголетие; сибирское здоровье; чувашские долгожители. Принято считать, что богатыри живут на Урале, долгожители на Кавказе, а люди крепкого телосложения в Сибири.

Анализ правой валентности позволил подтвердить сделанные выше выводы о здоровом человеке советского времени как массовидном человеке: контексты фиксируют предельно собирательный образ носителя состояния: *здоровье детей; здоровье людей; здоровье людей труда; здоровье народа; здоровье окружающих; здоровье тружеников; оздоровление трудящихся, маленьких граждан.* Обобщенность субъекта подчеркивается и в газетных заголовках, которые представляют собой «максимально сжатую содержательно–концептуальную информацию текста» [Гальперин 2009: 134]: *Здоровье рабочих* (ВС, 3 июня 1980); *Дружина богатырей* (КП, 15 июля 1978); *В бригаде только силачи* (КП, 23 августа 1978).

Кроме обобщенного субъекта, в текстах СМИ носителем здоровья может быть конкретный человек, который обязательно получает содержательную конкретизацию в виде указания на значимость его социальной роли: *здоровье человека, сделавшего революцию* (ВС, 11 июля 1978); ... *ударник коммунистического труда Г.И. Яблонская* <...> *ведет профилактическую работу* (ВС, 11 июля 1980); ...*чтобы каждый* («всякий, любой из себе подобных» [СРЯ 1978: 239]) *уралмашевец* *имел возможность отдохнуть в заводских здравницах* (ВС, 14 июля 1978); ...*каждый третий рабочий и служащий* *побывал в профилактории* (ВС, 26 июля 1978); *танкист-уралец Вася Прохоров стосковался по парной бане* (ироническая тональность обусловлена жанром фельетона, ВС, июнь 1980).

2. *Социально-экономическая составляющая здоровья.* Актуализация данного признака свидетельствует о тотальной опеке государства по отношению к здоровью граждан: *Нет и не может быть у Советской власти большей тревоги, чем это: здоровье человека, сделавшего революцию. Отныне и навсегда охрана этого самого ценного капитала в руках государства* (ВС, 11 июля 1978); *Советское государство проявляет*

постоянную заботу о спортивном движении в нашей стране, об укреплении здоровья человека (КП, 15 июля 1980); *Ни в какой другой стране<...>нет такой заботы о гармоничном развитии человека* (КП, 26 июля 1980); *Здоровье, физическое благополучие человека – наше национальное богатство, общественное достояние* (КП, 16 июня 1978). Представим другие значимые коллокации: *в борьбе за здоровье народа; забота о здоровье трудящихся; здравоохранительные учреждения; массово-оздоровительная работа; на страже здоровья тружеников; народное здравоохранение; организация здравоохранения; охрана здоровья; охрана народного здоровья; право на здоровье*. Как видно из контекстов, здоровье по-прежнему наделяется коллективистскими чертами, его понятие обобщается, например: *здоровье – общественное достояние* – «то, что безраздельно принадлежит кому-н» [СРЯ 1978: 163], *здоровье в руках* – «в полном распоряжении» [там же: 632] – *государства, оно борется за здоровье народа*. Глагольный предикат *бороться* акцентирует черту политики советского времени – идею борьбы, заданную как обязательную: в социалистическом обществе всегда имеется враг, которого надо побеждать, см.: [Купина 1995: 18]. Для того чтобы утвердить право государства владеть здоровьем, происходит «ссылка на авторитет», на успешный опыт других: *Благодаря последовательным мероприятиям, направленным на укрепление здоровья трудящихся, средняя продолжительность жизни населения Монголии увеличилась за годы народной власти более чем в 2 раза* (КП, 15 августа 1978); *Декларация прав ребенка, принятая много лет назад Организацией Объединенных Наций, утверждает главные права детства <...>: право на здоровье, на образование, на мирный отдых – на все то, что зовется счастьем* (ВС, 1 июня 1978); *О состоянии здоровья кубинцев до победы революции можно судить по материалам выборочного обследования* (КП, 19 июня 1980).

В текстах СМИ формируется и внедряется в массовое сознание мысль о зависимости человека от государства, который не может себе представить

как возможную альтернативу негосударственную медицину. «Массовые представления о роли государства и соответствующие ожидания сводятся к тому, что власти должны заботиться о населении, обеспечивая его основные потребности – работы, жилья, прожиточного минимума, социального обеспечения, образования и т.п. Население же обязано поддерживать власть, работать, защищать «интересы государства», «сознательно» принимая все, что от него требует власть, как «исполнение своего патриотического долга» или гражданских повинностей» [Гудков 2007: 26].

В советское время формируется социальная инфантильность, государственный патернализм советского человека, выраженный в формуле: государство – отец, народ – его дети. Государство (как родитель) прививает данные патерналистские установки, в том числе и через лексику долженствования: охрана здоровья для государства – это его долг перед обществом: *Охрана здоровья, здоровья детей – это не только личное дело, это наш долг перед обществом* (ВС, 14 августа 1978); *«среди социальных задач нет более важной, чем забота о здоровье советских людей»* (Л.И. Брежнев, ВС, 25 августа 1978), где под заботой понимается «внимание, попечение, уход» [СРЯ 1978: 182].

В новоязе складываются характерные для советской эпохи устойчивые словосочетания названий государственных оздоровительно-профилактических учреждений, например: *городок здоровья; городская служба здоровья; дом здоровья; профилактические учреждения; санаторий-профилакторий; санаторный лагерь; школа закалки; школа здоровья; школа физической культуры*. Наиболее частотной единицей является *Всесоюзная здравница*: «О каком-л. курортном городе, местности с большим количеством лечебно-оздоровительных заведений» [ТСЯС 1998: 214]. Данный советизм стилистически окрашен, имеет помету *высок.*: *На строительство новых здравниц и реконструкцию действующих в десятой пятилетке ассигновано более 110 миллионов рублей* (ВС, 10 июня 1978); *Зал лечебной физкультуры, специализированные ванны и душевые, комната*

*отдыха и читальный зал – таков «арсенал» студенческой здравницы (КП, 6 июня 1980); Здесь гостеприимно **распахнулись двери здравниц** (ВС, 8 июля 1978). Такой же устойчивой единицей является *Служба здоровья* – «учреждения, организации, ведающие какой-л. специальной областью работы» [ТСЯС 1998: 550]: *В городской службе здоровья около 18 тысяч ударников коммунистического труда, около 30 тысяч борются за это почетное звание* (ВС, 17 июня 1978); *Крупные специалисты признаются, что такой системой службы здоровья, какая существует в Советском союзе, могла бы гордиться любая страна* (ВС, 11 июля 1978) (ср. такой – «употр. для усиления степени качества» [СРЯ 1978: 724]).*

Экономическая составляющая здоровья в советское время фиксируется в виде атрибутива *бесплатный* («такой, за который не взимают платы» [там же: 44]): *Право человека на бесплатную медицинскую помощь закреплено Конституцией СССР* (ВС, 11 июля 1980) ...*чрезвычайно важно, здоровым детям, получающим бесплатное медицинское обслуживание* (КП, 16 июня 1978). До революции медицина была только лечебная, при советской власти большое внимание было уделено медицине предупредительной, профилактической, что мотивировано и прагматическими причинами: *«По расчетам ученых, на 100 рублей, затраченных на здравоохранение, создается 220 рублей национального дохода. Снижение заболеваемости с временной утратой трудоспособности в городе только на один процент позволит выпустить продукции на 330 тысяч рублей»* (ВС, 26 июля 1978).

Анализ материала требует обращения к еще одной характеристике тоталитарного языка, ярко проявляющейся в дискурсивной практике того времени. Советская публицистика наполнена патетизмами – возвышенными единицами, «отрывающими эмоционально от будничной повседневности» [Червиньски 2012: 66]: ...*что касается высокой награды, которой Родина удостоила одного из виднейших деятелей советского здравоохранения, нашего доброго друга Евгения Ивановича Чазова, то это признание его бесспорных огромных заслуг в самой гуманной сфере человеческой*

деятельности в охране народного здоровья (КП, 7 июля 1978); *Тому, как претворяются в жизнь ленинские заветы в борьбе за здоровье народа – величайшее общественное богатство, посвятил доклад министр здравоохранения СССР академик Б.В. Петровский* (КП, 13 июня 1980); *Вся прогрессивная общественность отмечает 1 июня День защиты маленьких граждан планеты, ибо их здоровье, их счастье – это будущее человечества* (ВС, 1 июня 1978); *...его профессиональной и человеческой ответственности святая святых – здоровье экипажа* (КП, 9 июля 1980) и др. В этих контекстах сакрализация, повышение «градуса» ценностной значимости концепта *здоровье* дается, во-первых, через форму превосходных степеней прилагательных, например: *видный (виднейший)* – «значительный, известный» [СРЯ 1978: 76], *великий (величайшее)* – «выдающийся» [там же: 68], *гуманный (самый гуманный)* – «человечный, отзывчивый, культурный» [там же: 137]. Во-вторых, модуляция возвышения передается абстрактными предложениями, соединенными на синтагматической оси на субъективном основании, требующем дальнейшей интерпретации, которая дается читателю в готовом виде, см.: *здоровье народа – общественное богатство, право на здоровье – то, что зовется счастьем*. Происходит инструментализация слушающего (М.М. Бахтин) в виде насаждения однонаправленных идеологических конструкций. Высокая стилистическая окрашенность типична и для класса фразеологизмов, см.: *«святая святых (высок.) – нечто самое дорогое, заветное»* [СРЯ 1978: 650]. Пафос тоталитарного языка сравним, по мнению В. Клемперера, с мизерными дозами яда: «их незаметно для себя проглатывают, они вроде бы не оказывают никакого действия, но через некоторое время отравление налицо» [Клемперер 1998: 362]. От этого отравления постсоветский человек не может оправиться до сих пор. Современное языковое существование характеризуется вымыванием слов высокого стиля, которое отчасти можно объяснить как реакцию отторжения пафосного языка советской эпохи. Подобные слова в современном русском языке употребляются либо с иронической тональностью, либо с

метаязыковым комментарием, ср. одно из недавних высказываний директора библиотеки ИНИОН РАН Юрия Пивоварова о пожаре, случившемся 30 января 2015 г.: *Слава богу, наши героические пожарные (я говорю без иронии) спасли лучшую в Европе библиотеку по общественным наукам* [<http://www.ntv.ru/novosti/1297416/video/>].

3. *Гармоничный идеал*. В 1.3. первой главы отмечалось, что признак *гармоничный идеал* начинает формироваться в структуре концепта в советское время, когда в первые послереволюционные годы возникает идея создания нового советского человека, и для этих целей афоризм *В здоровом теле – здоровый дух* был как нельзя кстати. Анализ советских паремий показал, что у здорового духа была идейно-нравственная партийная основа.

Идеологема «советский человек» – это объект серьезных социологических исследований, сошлемся, в частности, на многолетний проект Левада-центра [www.levada.ru; а также Левада 2001; 2011 и др.]. Целью строительства социалистического общества был не только новый человек особого склада. Идея нормативного образца артикулировалась во многих сферах государственного устройства. Так, можно вспомнить статью Л.В. Щербы «О нормах образцового русского произношения» как фундамент московской орфоэпической нормативности. Ученый, в частности, писал: «Новая, социалистическая Москва, а вместе с нею весь Советский Союз, строят новую жизнь и выковывают новое образцовое произношение» [Щерба 1957: 110]. Ниже мы покажем, как пресса формировала образ гармоничного идеального человека, обладающего здоровьем как физическим, так и духовным, но прежде необходимо заметить, что, безусловно, навязываемый пропагандой образец осознавался обществом как нереальный. Но в то же время он формировал ценностные ориентации человека, осознавался как искомый идеал.

Гармоничный идеал был идейно-политическим приоритетом: *«Воспитание, начиная с самого раннего детского возраста, физически крепкого молодого поколения с гармоническим развитием физических и*

духовных сил» – задача, записанная в программе КПСС (КП, 15 июня 1980); Ложась спать, я вспомнил Генриха Гейне: «Единственная красота, которую я знаю, – здоровье» (ВС, август 1978). См. также: бодрый душой и телом; быть здоровым и веселым; закаленный духом и телом; закаляется характер, душа и тело; идейное, культурное и физическое развитие; крепких телом и духом; сильный духом и телом; сплав силы и гармонии; укрепляет тело и дух; физическая и эмоциональная нагрузка; физическое и духовное воспитание и др.

Тексты СМИ конкретизируют составляющие гармонично развитого человека: *...ставим перед собой высокую и благородную цель: вырастить и воспитать современного человека гармонично развитым – духовно богатым, нравственно чистым, физически совершенным* (ВС, 25 августа 1978); *В человеке будущего, безусловно, будет гармонично сочетаться нравственная чистота, энциклопедическая образованность и физическое совершенство* (КП, 8 июля 1980); *И если мы чистим платье и моем тело – о гигиене мыслей, души, дел своих не нужно ли заботиться?* (КП, 3 июня 1978); *Богатырь, весельчак, рассудительный хозяин, трудолюбивый работник!* (КП, 27 августа 1978). Коллокации *здоровое тело, физически совершенное тело* эксплицируют физическое здоровье; коллокации *духовное богатство, нравственная чистота, гигиена мыслей* эксплицируют духовное здоровье в текстах СМИ.

Метафорическая характеристика духовной стороны человека *нравственная чистота и гигиена мыслей* требует комментария. В составе словосочетания *нравственная чистота* лексема *чистота* как производное от *чистый* выступает в значении «нравственная безупречность, честность, правдивость, беспорочность» [СРЯ 1978: 813]. Идея чистоты помыслов подчеркивается и в сочетании *гигиена мыслей*, поскольку *гигиена* – система действий, мероприятий, направленных на поддержание чистоты, здоровья [там же: 336]. В.И. Вернадский дал емкую дефиницию последней

коллокации: «не надо позволять себе думать о всем дурном» [Вернадский 1989: 318].

Прототипом гармоничного идеала чаще всего выступает *олимпийский чемпион*: ... *Московская Олимпиада, став светлым гимном гуманизму, красоте человеческого духа и тела, заронила в каждом из нас искру стремления стать похожим на замечательных олимпийцев* (ВС, 9 августа 1980); *Ведь настоящий олимпиец должен быть всестороннее и гармонично развитым человеком. Олимпиец должен быть безукоризненным примером даже в мелочах* (КП, 15 июля 1980). Основной задачей СМИ, поставленной властью, являлось раскрытие личности человека с учетом существующих идеологических установок: *Олимпиец должен быть* (снова отмечаем лексику долженствования) *безукоризненным примером* («без недостатков, безупречным» [СРЯ 1978: 42]) *даже в мелочах*. Образ героев материалов идеализируется, см. об этом подробнее в [Стровский 2001].

3. *Физическое состояние здоровья*. Акцент на физической стороне здоровья субъекта объясняется тем, что только крепкий здоровый человек мог полноценно участвовать в строительстве социалистического общества. Подчеркивалось, что советский человек должен иметь *атлетический склад, бронзу мускулов; завидный цвет лица; крепкий организм; крепкие руки; румянец; стальные мускулы; шея литую*. Со страниц газет о таких людях говорили: *былинный богатырь; крепкий как дубок; крепко сбитый; полнокровный, активный, наполненный движением; полный сил, энергии; физически в полной форме; физически здоровый; физически крепкий; физически совершенный*.

Экстралингвистические факторы обусловили появление новой атрибутивной характеристики лексемы *здоровье*, не зафиксированной лексикографическими источниками (см. часть 1.1.3.1.): *космическое здоровье: Мы желаем Вам космического здоровья, мужества и удачи!* (КП, 20 июля 1980); *...помогает мне постоянно поддерживать себя в «космической» форме* (КП, 8 июля 1980). В основе образной характеристики

крепкого человека лежит метонимия: *космическое здоровье – крепкое, как у космонавтов*.

С семантикой лексемы *крепкий* коррелируют и другие единицы, частотные в текстах СМИ, например: *советский богатырь* – «человек безмерной силы, стойкости, отваги» [СРЯ 1978: 51]: *Золотой счет советских богатырей на чемпионате Европы по тяжелой атлетике продолжил Николай Колесников* (14 июня 1978); *Дружина богатырей* (КП, 15 июля 1978); *Богатыри, как на подбор!* (КП, 29 августа 1978); *Желаю всем свердловчанам богатырского здоровья* (ВС, 19 июля 1978). *Подвижная шалунья* – «быстрая в движениях» [там же: 489]: *Растет крепкая, подвижная шалунья – дочь* (КП, 23 июля 1980). Прекрасный внешний вид может становиться объектом здоровой зависти: *Посмотрел я на него и по доброму позавидовал: шея литая, бицепсы, как говорится, играют, а цвет лица такой, что любая девица позавидует* (КП, 11 июня 1980).

Артефактная метафора крепости представлена в группе единиц, характеризующих физическое здоровье: *стальные мышцы / мускулы, сталь мускулов, сталь мышц*. Уподобление элементам неживой природы, таким твердым и крепким, как *сталь* и *железо*, типично для советской метафорики в целом и относится не только к сфере физического здоровья, но и шире – к духовной стороне социалистического общества, к характеристике его воли, единства и дисциплины. Развернутый метафорический образ кузницы, места, где происходит процесс создания нового человека, лексика кузнечного дела проходит сквозной линией через всю концептуальную семантику здоровья, см. об этом также [Душечкина 2001: 399–410]. Дадим характеристику метафоры в этой части работы, имея в виду ее распространенность и на другие аспекты.

Сакральная роль кузнеца хорошо рассмотрена в культурах разных народов, поскольку древняя профессия уходит корнями в открытие и освоение людьми металла и его обработки, ср. название одной из монографий об этом «Металл – человек – время» [Черных 1972].

Рассматривая культурный аспект феномена кузнецов, ученые пришли к выводу об эзотеричности кузнечного дела. В русской литературе фигура кузнеца тоже связана с духами. Вспомним, например, гоголевского кузнеца Вакулу. Советская метафора опирается, скорее, на технологическую сторону кузнечного дела. Процесс обработки металла метафорически отражает шаги в «изготовлении» нового человека (наиболее ярко эта сторона метафоры представлена в названии романа Н.А. Островского «Как закалялась сталь»). Суть переделки человека в нормативный образец связана с этапамиковки и закалки как элементами технологической схемы кузнечного процесса: ковать – это тренировать человека, закалять – это укреплять внутренний духовный стержень и внешне – физическое тело. Сталь становится только тогда крепкой, когда проходит все этапы трансформационных процессов. Магия огня как одной из природных стихий, связанной с этой работой, подчеркивает сакральную сторону этой деятельности: с помощью огня в социалистической кузнице коуют и закаляют не только стальные мускулы, но и железный характер.

4. *Душевное / Духовное состояние здоровья.* Представим реализацию этого аспекта концептуальной семантики: *бодрость духа; духовно богатый; духовные силы; здоровая психологическая атмосфера; крепость духа; лучшие развиваются умственно; моральные силы; нравственно здоровый; психические силы; психическое состояние; сила характера; чувствует себя уютно и спокойно; эмоциональное здоровье; эмоциональное состояние.*

Собранный нами материал показывает те качества, которые возводились в ранг образца со страниц газет и, тем самым, цементировали систему ценностных ориентаций: *веселость, душевное равновесие, оптимизм, энергия.* Почти все контексты представляют собой имплицитные прескрипции поведения в коллективе, указывают факторы, которые способствуют укреплению душевного здоровья: *Порой казалось удивительным, как удается ей сохранять душевное равновесие в этом живом конвейере, среди людей самых разных по опыту и темпераменту*

(ВС, 8 августа 1980); *Т.Ф. Казышова – человек очень энергичный. Оптимизм и настойчивость помогли ей в организации интересной жизни детского коллектива* (ВС, 4 августа 1980); *Веселая, энергичная, искренняя, она – инициатор многих добрых дел в коллективе* (ВС, 21 июля 1980); *Когда воздух пронзительно чист, когда мускулы с каждым днем наливаются силой, ты и твоя работа очень нужны городу, когда все это есть, оптимизма не занимать* (ВС, 10 августа 1978); *Эмоциональное здоровье – вот где таится энергия* (КП, 26 июля 1980). А.С. Макаренко так писал о здоровом морально-психологическом климате, который должен был быть в коллективе: «постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию» [Макаренко 1958, Т.5: 213]. В текстах встречаются пояснения причин такого поведения: *Там, где в коллективе здоровый морально-психологический климат, где отношения между покупателями и продавцами основаны на доверии, там камня на камне не остается от мифа о «всеобщей нечестности»* (КП, 24 июня 1978); *У бригадира Коткова цель одна – нравственное здоровье его рабочей семьи, осмысленная жизнь каждого. Тогда придут и производственные успехи, и авторитет коллектива, которым каждый будет дорожить* (ВС, 15 августа 1980). Контексты фиксируют и обобщенные формулировки: *В коллективе создана и поддерживается* (в знач. «не дать прекратиться, нарушиться чему-н.» [СРЯ 1978: 490]) *здоровая психологическая атмосфера* (ВС, 28 августа 1980).

Не зафиксировано ни одного контекста, отражающего корреляцию здоровья с традиционными религиозными принципами духовной жизни, верой в Бога, поскольку это связано с идеологизацией сферы религиозного, с формированием в мировоззрении советского человека примитивного взгляда на Бога «как на нарочито выдуманное классовыми врагами мистическое существо, несущее угнетение и дурман» [Купина 1995: 28]. Содержательное наполнение духовной жизни советского человека целенаправленно формировалось через «практическую работу по управлению творческим

процессом носителей фольклора» [Блажес 2009: 220], через идеологическое руководство фольклорным процессом, см. анализ советских паремий в 1.3. нашей работы.

4. **ЗОЖ: Забота о здоровье.** В текстах СМИ здоровье человека интерпретируется не как дар, данный свыше, а как ценность, конструируемая своими руками, с помощью соблюдения постулатов правильного образа жизни. Фиксируются единицы абстрактной семантики: *заботиться о своем здоровье; заниматься своим здоровьем; наскоком здоровья не приобретешь; поддержание здоровья; подумаем о здоровье; поправлять здоровье; пренебрежение к здоровью; приумножить здоровье.*

Контексты показывают, что признак может быть выражен как эксплицитно, так и имплицитно. Приведем примеры его эксплицитного выражения: *От себя добавлю, что болезнь – это своего рода признак бескультурья. Заболевший человек раньше или вообще не заботился о своем здоровье, или заботился о нем кое-как* (КП, 8 июня 1980); *Наскоком здоровье не приобретешь, оно **требует ежедневного внимания*** (КП, 15 июня 1980) Читатель сразу же видит императивное указание: *здоровье требует ежедневного внимания – «заботливого отношения»* [СРЯ 1978: 81]. В первом контексте присутствует эмоциональная оценка процесса: *вообще не заботился, заботился кое-как, признак бескультурья.* Проанализируем контексты, в которых признак выявляется путем выведения имплицатуры: *Обычно рассуждают так: наступит завтра, тогда и **подумаем о своем здоровье**, но вы никогда не заметите, когда придет завтра* (КП, 27 июня 1978); *Вот, мол, я сильный, бодрый – таким и буду всегда. **В том-то и дело, что не всегда*** (КП, 27 июня 1978). В первом примере очерчена ситуация и ее возможная перспектива: когда *подумаем* – «проявим заботу, беспокойство» [там же: 167] о своем здоровье, то будет уже поздно, необходимо позаботиться о нем уже сейчас. Схожая манифестация признака во втором примере: *сильным и бодрым человек будет не всегда*, то есть не «постоянно» [там же: 96], поэтому нужно уже сейчас задуматься о здоровье.

5. **ЗОЖ: Здоровые привычки.** В текстах СМИ в перечень здоровых привычек включают выполнение физических упражнений, отсутствие вредных привычек, соблюдение гигиенических правил, постоянную закаливание организма. Проиллюстрируем выбранными словосочетаниями: *активный образ жизни; следить за гигиеной; делать физзарядку; ежедневная закалка; закаливающие водные процедуры; закалить здоровье; закалка здоровья; занятие на тренажере; занятие физкультурой; зарядка; километры здоровья; личная гигиена; мир физической культуры; оздоровительный бег; оздоровительный спорт; орбита закаливания; постоянная закалка; приобщение к физкультуре; путь к закалке; разбег к здоровью; спортивная закалка; стать закаленным; уроки физкультуры; физическая закалка; физическая культура (физкультура); физическая подготовка; физические упражнения; физкультурные высоты; хорошая физическая закалка* и др. Фиксируются также единицы, выражающие признак через отрицание: *антисанитария; нарушение санитарных норм* и др.

В материалах советских газет звучал голос не только журналистов, приглашенных экспертов, но и рядовых горожан, что показывало «единство лингвоидеологической позиции автора и читателя» [Вепова 2009: 15]. Манифестация признака происходит зачастую через небольшие зарисовки, например, описания обычного утра советского гражданина, см. сочетаемость: *утренние пробежки; утренняя гимнастика; утренняя зарядка; утренняя физзарядка; утро физкультурника*. Приведем ряд контекстов: *Сейчас никто не удивится, увидев рано утром на улице человека **в тренировочном костюме**. Это – норма. Мне искренне жаль тех, кто неуважительно относится к собственному здоровью* (КП, 9 августа 1980); *Этот парк расположен на Таганке, за кинотеатром «Зенит». Я прихожу сюда, вернее прибегаю в седьмом часу утра. На бегу приветствую знакомых. <...>Передаем друг другу статьи **об оздоровительном беге, о популярных физкультурных территориях*** (в рубрике «Записки физкультурника», КП, 15 июня 1980); *А как закаляют волю, характер **напряженные тренировки!***

Домой идешь после них усталый, вымотанный, а душа поет, зовет делать людям только добро (КП, 2 июля 1980); *Сегодня газета начинает важный разговор – об утренней физзарядке, о необходимости систематических занятий физкультурой. Этот разговор мы открываем выступлением инженера* (ВС, 25 августа 1978).

Пропаганда нормативности телесной чистоты становится значимой в советское время, поскольку чистота рассматривается как «залог здоровья, соответственно, успешного труда на производстве» [Иманкулова 2012: 17]: *...ходим по домам, следим за гигиеной, санитарией* (КП, 16 июля 1978); *...и, наконец, личная гигиена: элементарное умывание, чистка зубов, аккуратная прическа* (КП, 15 июня 1980); *...были отведены экипажу для проведения санитарно-гигиенических мероприятий* (КП, 27 июня 1978); *Санитарные нормы здесь явно не соблюдаются* (ВС, 7 июля 1978). В последнем высказывании фиксируется факт несоблюдения *санитарных норм*, под которыми понимают меры «поддержания общественной чистоты и здоровья населения» [СРЯ 1978: 96]. Перед нами импликатура: если человек хочет быть здоровым, то ему следует соблюдать санитарные нормы.

Нами уже отмечалось ранее, что одна из примет советского времени – формирование порицательного отношения к людям, имеющим пристрастие к алкоголю и лени. Наиболее ярко это проявлялось в фельетонах, которые строились на основе сатирических приемов изложения [там же: 781], и в легкой, но не легкомысленной форме содействовали «коммунистическому воспитанию народа» [Заславский 1952: 20]: *Давно замечено, что самое простое дело – это ничего не делать. Труднее, правда, нигде не работая, пьянствовать изо дня в день и с утра до вечера <...> Обратите внимание на возраст. Это не немощные инвалиды и не больные. Это физически здоровые трутни, упорно не желающие трудиться* (ВС, 26 августа 1978). В данном фельетоне обличается *физически здоровый трутень* – «человек, живущий за счет чужого труда» [СРЯ 1978: 747]. Негативная семантика выражена понятийным ядром слова *трутень*.

По мнению В.З. Демьянкова, «чем выше доля событийности у сообщения, тем эффективнее текст в целом и тем лучше этот текст выполняет свою роль в нашей жизни – роль «информатора», а не поучателя» [Демьянков 2004: 68]. Олимпийские игры явились мощным информационным поводом обращения журналистов к теме здоровья. Л.И. Брежнев в своем приветственном обращении к участникам и гостям Олимпийских игр 1980 года в Москве отметил: ***Физическая культура и спорт** в нашей стране всегда были предметом постоянного внимания и заботы со стороны Коммунистической партии, Советского государства, всего нашего народа* (КП, 19 июля 1980). Анализ материала показывает, что сочетание *физкультура и спорт* носит устойчивый характер, лексемы, входящие в сочетание, воспринимаются массовым сознанием как синонимичные. Представим ряд примеров: ***Спорт и здоровье** – это понятия синонимы* (КП, 27 июля 1980); *Если нет такой возможности – **отдавать спорту целый день**, то подарите себе хотя бы утро, утро физкультурника* (КП, 13 августа 1978); *Лето – пора **массовых спортивных стартов**. Сотни людей спешат в выходные дни – а то и в будни, после работы – на стадионы, чтобы помериться силой и ловкостью, сдать **нормы ГТО, набраться бодрости и здоровья*** (КП, 20 июня 1978); *...демонстрацию, свидетельствующую о **массовости физкультуры и спорта*** (КП, 26 июля 1980); *В этом репортаже об открытии летнего **спортивного сезона** на турбомоторном заводе не названы победители. Думается, в этом нет необходимости. Ведь критерий в цехе здоровья один – **массовость*** (ВС, 6 июня 1980). Очень часто массовый спорт и спорт высоких достижений не дифференцировались.

Хотя интерпретация материала показывает, что в текстах СМИ эти явления и не отождествлялись, например: *Не знаю, станет ли мой сын **большим спортсменом**, но убеждена: **физкультурником** обязательно будет* (ВС, 6 июня 1980). Дадим дефиниции данных единиц. *Физическая культура* – «всестороннее совершенствование и укрепление человеческого

тела путем физических упражнений» [СРЯ 1978: 782], *спорт* – «физические упражнения для развития и укрепления организма» [там же: 697]. *Спорт* и *физкультура*, по данным словарных определений и в текстах СМИ, носят массовый характер и служат для укрепления физического здоровья. В настоящее время понятие *спорт* получает свою дальнейшую дифференциацию. В Федеральном Законе РФ от 4 декабря 2007 года указано, что «*массовый спорт – часть спорта, направленная на физическое воспитание и физическое развитие граждан посредством проведения организованных и (или) самостоятельных занятий, а также участия в физкультурных мероприятиях и массовых спортивных мероприятиях*» [<http://www.rg.ru/2007/12/08/sport-doc.html>]. Спорт, в котором «в качестве своей основной деятельности спортсмены получают вознаграждение от организаторов» [там же] соревнований называется *профессиональным*. В нашей выборке не зафиксирован ни один контекст со словосочетанием *профессиональный спорт*.

Оборотная сторона медали профессионального спорта, негласно существовавшего в СССР, умалчивалась: *Вспоминаются и слова олимпийской клятвы, которые от имени сборной с волнением произнесла комсорг команды Ирина Макогонова: «Клянусь, что не опозорю высокое звание советского спортсмена, отдам все силы в борьбе за олимпийское золото...»* (ВС, 30 июля 1980). Коллокация *все силы* указывает на предельность чрезмерных физических нагрузок, последствия которых отрицательно сказывались на здоровье спортсменов.

В массовое сознание внедрялась мысль о положительном характере профессионального спорта: *Как-то прочитал статью о кандидате в мастера спорта по штанге Анатолии Алексеевцеве. В детстве он не мог ходить из-за травмы позвоночника. Десять лет лечился, вышел из больницы на костылях инвалидом второй группы. По совету своего друга Анатолий начал заниматься с гантелями, потом ходить на стадион. И вот результат – Алексеевцев не только излечился от тяжелого недуга, но и*

добился спортивных успехов (КП, 9 августа 1980). Советские люди ассоциировали себя с чемпионами и знали, что при большом желании они смогут добиться таких же высот.

В 1980 году на страницах газеты «Комсомольская правда» появляются новые рубрики: «Школа здоровья», в которую приглашали, в том числе и героев Игр XXII Олимпиады; «Библиотека школы», в которой читателям рекомендовалась литература по физическому совершенствованию; «Спорт в нашей жизни», в которой читатели отвечали на десять вопросов Клуба знатокам спорта, а также делились своими историями о том, что спорт (физкультура) значит в их жизни. Приведем несколько примеров: *На спорт я смотрю <...> как на идеальнейшее средство укрепления здоровья, выявления возможностей человеческого организма и продления жизни* (письмо научного сотрудника, КП, 2 июля 1980); *Стараюсь приобщиться к спорту: уже бросил курить и начал заниматься утренней зарядкой* (письмо электромонтера, там же). В первом контексте мы понимаем, что речь идет о массовом спорте, поскольку профессиональный спорт априори не может быть *идеальнейшим* средством укрепления здоровья, так же как и труд, см. об этом подробнее [Чернова 2004: 107]. Во втором примере также происходит отождествление массового спорта и физкультуры, см. маркеры *зарядка* – «совокупность гимнастических упражнений, выполняемых с гигиеническими целями» [СРЯ 1978: 202]. Глагол *приобщиться* – «включиться в какую-н. деятельность, стать участником чего-н» [там же: 548] показывает, что герой только начинается интересоваться этой областью.

Следует отметить частотность употребления лексемы *массовость*, указывающей на включаемость большого количества людей в тот или иной вид деятельности: ... *форм организации массовой физкультурно-оздоровительной работы среди сельского населения* (КП, 22 августа 1978), ср.: *Трудно представить себе, чем занимался бы я, если б у нас в стране не был так свободен доступ к спорту* (КП, 2 июля 1980).

6. **ЗОЖ: Здоровое питание.** В текстах СМИ *правильное питание* позиционируется как необходимый элемент здорового образа жизни, важный для работы, общего самочувствия. Обозначим ряд словосочетаний: *правильное питание; полноценное горячее питание; целебные плантации; целебные свойства; целебные травы; целебный мед; целебный напиток*, см. примеры: *...полноценное горячее питание* нужно и в ночное время. Тогда каждый механизатор сможет в полную силу работать до утренней росы. Разве это мелочь? (КП, 10 августа 1978). *Полноценное* («полностью соответствующее требованиям» [СРЯ 1978: 509]) питание становится источником *бодрости* – «сил, деятельности, энергии» [там же: 52]: *С древних времен люди поняли огромное значение пищи. В правильном питании* видели они *источник здоровья, силы, бодрости* (ВС, 20 июня 1978). *Сема деятельность* актуализируется и в первом примере: *сможет в полную силу работать.*

В набор продуктов правильного питания входят *овощи, кумыс², капуста, каши, мед: Овощи дарят здоровье* (ВС, 29 июня 1978); *Удивительные целебные* («полезные, способствующие укреплению, сохранению здоровья [там же: 801]) *свойства капусты* (ВС, 29 июня 1978); *Целебен и аралиевый мед, получаемый в Приморье* (ВС, 14 июня 1980); *Мед, собранный с цветущей белой акации, – целебный, прозрачный, как березовый сок* (ВС, 20 июля 1978); *... чрезвычайно полезные* малышам *мясоовощные смеси, печеночный фарш, каши* (ВС, 27 июля 1978); *На прилавках магазинов появились бутылочки с кумысом. Обычно этот целебный напиток готовится в знойные месяцы* (КП, 17 июня 1980). Контекстологическое окружение лексем реализует идею о том, что потребление полезных продуктов *дарит* – «дает в качестве подарка» [СРЯ 1978: 139] – *здоровье.*

² Как видно из примеров, в советское время здоровое питание по-прежнему формировалось традиционными продуктами. Например, о полезности кумыса писал еще в 1888 г. Д.Н. Мамин-Сибиряк: «Какая другая цивилизация изобрела что-нибудь хотя приблизительно похожее на кумыз (кумыс), этот символ равновесия телесных и душевных сил? Ни одна!» [Мамин-Сибиряк 1990, Т. 2: 199].

7. **ЗОЖ: Правильный режим дня (здоровый сон).** Со страниц газет постулировалось, что режим дня также важен для здоровья, он должен быть четким – «с ясно выделяющимися отдельными элементами» [СРЯ 1978: 811], тогда он будет здоровым, физиологическим: *В период экзаменов у абитуриента должен быть, как никогда, здоровый, четкий режим дня* (КП, 19 июня 1980); *Режим дня у меня довольно жесткий. Встаю рано. И уже в 10 часов вечера ложусь спать* (ответ олимпийского чемпиона в рубрике «Школа здоровья», КП, 9 августа 1980); ... компонентом правильного образа жизни очень важным является создание условий для **нормального физиологического сна** (КП, 15 июня 1980). Признак также представляют коллокации *здоровый отдых; здоровый (нормальный) физиологический сон* и др.

8. **Градуальность состояния: Здоровье / Нездоровье.** Постулаты о здоровом образе жизни актуализируют противопоставленную понятийную сферу нездоровья. Советские журналисты так описывали нездорового человека: *малорослый; с хилым телом; цыплячьей шеей; имеющий изможденный вид; нарушения в самочувствии; жалующийся на ухудшение здоровья.* Признак в основном манифестирован качественными прилагательными: *вялый* – «лишенный бодрости, энергии» [СРЯ 1978: 115], *разбитый* – «утративший бодрость, утомленный, обессиленный» [там же: 589], *тощий* – «исхудалый, худощавый» [там же: 740], *хилый* – «слабый, болезненный» [там же: 791], который, в свою очередь, толкуется как «нездоровый» [там же: 53]: *Сын рос хилый* (КП, 8 июня 1980); ...не только потому, что *тощий, облупленный от загара и синий от плавания* (КП, 6 июня 1980); *Он – вялый, разбитый* (КП, 26 июля 1980); «*Вот мой крепыш*» – это про маленького мальчишку с *цыплячьей шеей* (КП, 29 августа 1978).

Контекстное окружение лексемы *хилый* показывает, что нездоровье может быть длительным по времени явлением: *рос хилый*. Во втором примере в одном перечислительном ряду с лексемой *тощий* находится *синий от плавания*, то есть «сильно побледневший, приобретший оттенок этого

цвета» [там же: 660]. Выводится импликатура: состояние нездоровья создает условия для развития простудных заболеваний вследствие переохлаждения организма. В последнем примере под *цыплячьей шеей* следует понимать «худую, жалкую» [там же: 805]. В контексте *маленький мальчишка* с такой шеей иронически противопоставляется *крепышу*, «тому, кто имеет крепкое телосложение (обычно о ребенке)» [там же: 280]. В материале идет речь о том, что отец привел своего еще не совсем развитого физически сына в спортивную секцию. Ясна интенция отца сделать сына *физически здоровым*, то есть вывести его из состояния нездоровья.

Нездоровье может вербализироваться словосочетанием *неприятные ощущения* – такие, которые вызывают «неудовольствие, волнение, нарушающее чье-н. спокойствие» [там же: 374]: ***Среди полного здоровья появляются неприятные ощущения, а потом и боли в подложечной области*** (ВС, 24 августа 1978). Контекст эксплицирует крайние точки шкалы состояния организма: *среди полного здоровья – боли в подложечной области*. Признак *недомогание* – «болезненное состояние» [там же: 368] на синтагматической оси связан с поддерживающими элементами здорового образа жизни: *Здесь учтут твоё недомогание, приготовят необходимое и вкусное диетическое блюдо* (КП, 6 июня 1980). В данном высказывании делается акцент на важности «определенного режима питания» [там же: 151] – *диеты*.

9. ***Здоровье как условие благополучной жизни человека.*** Представим ряд контекстов: *прекрасное самочувствие; счастливая жизнь – здоровье; хорошо, когда здоровый*. В представленной ниже выборке описывается, что может сделать человек, будучи здоровым (раскрывается утилитарный компонент концепта): *Но здесь возникает другой вопрос: позволяет ли нашему пациенту физиологические и психологические данные в полной мере осуществить свою мечту?* (ВС, 7 июля 1978); *...во всех этих семьях, приглашенных на заседание комиссии, было все для счастливой, достойной, трудовой жизни: здоровье, работа, дом, семья* (ВС, 4 августа 1978); *Вроде*

все у человека ладно сложилось: работал много, детей вырастил, на здоровье грех жаловаться (КП, 25 июня 1978). В первом контексте имплицитно выражена мысль: если будешь здоров (*физиологически и психологически*), то сможешь *осуществить свою мечту* – «предмет желаний, стремлений» [там же: 321]. В последнем контексте прагматический компонент здоровья возведен на уровень абстракции: если будут *здоровье, работа, дети*, то *все будет ладно* («хорошо» [там же: 290]).

10. **Экология.** В текстах СМИ постулировалась мысль о невозможности быть здоровым (физически и психически), если рядом «не здорова» окружающая среда: *В ряде постановлений партии и правительства в последние годы подчеркивается, что бережное отношение к природе – составная часть программы строительства коммунизма <...>. Усиление борьбы за охрану окружающей среды – это первостепенная забота всех партийных, советских организаций, <...>забота самих свердловчан* (ВС, июль 1980).

Окружающая среда (с которой человек неразделимо связан) влияет на здоровье совокупностью факторов. Обозначим ряд контекстов: *здоровый воздух; чистый воздух; чистота водоемов; оздоровление окружающей среды; оздоровление воздушного бассейна; охрана внешней среды, охрана окружающей среды*, см. примеры: *И еще – чудесный лес, здоровый воздух, белые грибы* (КП, 27 июня 1980); *Не только удивительный здешний микроклимат, но и целительные термальные воды, выходящие из недр, благотворно действуют на приезжающих сюда* (ВС, 8 июля 1978); *Это вопрос охраны внешней среды. Прежде чем планировать крупные промышленные стройки, надо крепко подумать: как они отразятся на здоровье* (ВС, 11 июля 1980). Коллокация *чистый воздух* («газообразное вещество, составляющее атмосферу Земли» [там же: 85]) фиксируется частотной в СМИ: *Забота о чистоте водоемов, о чистоте воздуха связана самым непосредственным образом с заботой о здоровье людей* (ВС, 10 июня 1980); *Чистый воздух, быстрые воды реки, солнце помогли окрепнуть,*

набраться новых сил (ВС, 7 августа 1978). Воздух является тем пространством, в котором всегда находится человек, см. об этом подробнее [Добрушина 2000: 217–227], поэтому он *благоотворно* воздействует на организм субъекта состояния.

Подведем итоги.

Концепт *здоровье* в рамках советского пропагандистского дискурса подвергался процессу целенаправленного социального конструирования. Концепт *здоровье*, являясь универсальной базовой ценностью, оказался необходимым элементом мировоззренческой системы тоталитарного общества. Причина эффективной вписываемости концепта в советскую идеологическую систему лежит в содержательных особенностях концепта *здоровье*. Ядерная семантика концепта включает понятие нормы (здоровое состояние человека оценивается как нормальное и правильное). Норма – это субъективный показатель, обусловленный экстралингвистическими факторами, поэтому актуальные признаки концепта *здоровье* ориентированы на отражение социокультурных нормативов своей эпохи.

Модификация концепта *здоровье* в советское время имеет социально-ориентированный характер. Идея исключительности условий и целей строительства социалистического общества параллельно сосуществовала с идеей формирования нового типа национальной идентичности – советского человека. Поскольку в советское время ценность любой личности определяется ценностью ее для общества в целом, здоровье человека наделяется коллективистскими чертами. Проблематика здоровья сужается до соответствия поведенческих навыков члена коллектива требованиям социального общежития. Здоровым признается тот человек, который гармонично включен в свое социальное окружение, адекватно действует и полноценно реализуется в нем. Чувство слитности с обществом явилось принципиальным показателем здорового советского человека.

Идея идеала человека как гармонической совокупности телесных и душевных признаков в советском дискурсе обеспечивается внешними

социальными факторами, государственной заботой о человеке. Отношение государства к здоровью проявляется в его законотворческой деятельности, финансовых затратах на систему здравоохранения. Здоровье в советской модели зависит от внешних условий – экологии, экономических факторов, медицинского обслуживания. Ответственность за свое здоровье советский человек перекладывает на государство, проявляя экономически-гражданскую слабость.

СМИ выполняют воспитательную и просветительскую функции, порученные им государством: создать у граждан потребность относиться к здоровью как к ценности, сохранять его как основу реализации своего главного предназначения – быть членом трудового коллектива. Целенаправленно формируется культура здоровья – воспитание правильного (с точки зрения государства) здорового образа жизни. При этом набор социально регулируемых постулатов здорового образа жизни носит характер аксиом, не подлежащих обсуждению. Это свод четких единых правил для всех, зачастую упрощенных и примитивных образцов, часто провозглашенных декларативно.

Идеологизация концепта на текстовом уровне связана с заполнением валентных позиций в высказываниях с лексемами *здоровье*, *здоровый* и другими лексическими репрезентантами концепта. Реализация с лексемами-«фаворитами» формирует устойчивые сочетания, закрепление их в роли советизмов в современном русском языке.

2.2. Актуальные когнитивные признаки концепта *здоровье* в современных текстах СМИ

Для получения высказываний, включающих лексические репрезентанты концепта *здоровье* в постсоветский период, мы обратились к возможностям системы базы данных «Интегрум», которая признана специалистами корпусной лингвистики, см.: [Мустайоки 2005; Плунгян 2006 и др.]. За период с 01.01.1993 по 01.01.2015 гг. на запрос «здоровье»

корпусный ресурс показал 2 894 659 контекстов (3423 источника). Мы сузили круг газетных и журнальных источников, ограничившись текстами таких общественно-политических изданий, как «АиФ», «Огонек», «Эксперт», «Урал», «Уральский рабочий», «Эксперт–Урал», «АиФ–Урал». Данный корпус изданий содержит 18 472 контекста с лексемой *здоровье*. Около 1800 контекстов стали предметом нашего детального рассмотрения. Отчасти мы использовали также для анализа тексты СМИ 1990–1992 гг., когда хотели показать начало демократических преобразований в стране до распада СССР.

Для анализа содержания концепта *здоровье* в текстах СМИ, посвященных Олимпийским играм 2014 года, дополнительно к уже указанным контекстам были добавлены тексты, созданные в период проведения Игр XXII зимней Олимпиады в Сочи. Нами отбирались материалы, соответствующие периоду с 01.01.2014 по 31.03.2014. Данный этап исследования проводился на материале текстов «Комсомольская правда» и «Вечерний Екатеринбург» – современных правопреемников советских газет, взятых для анализа в предыдущем параграфе. В фокусе исследовательского внимания оказалось в совокупности 1200 контекстов, репрезентирующих концепт *здоровье*.

Обращение к корпусным ресурсам дает возможность постановки специальных исследовательских задач, помогающих анализу материала. В частности, в качестве запроса в систему поиска вводилось словосочетание *здоровье это* с целью получения списка толкований лексемы *здоровье*, которые в текстах реализуют коммуникативную цель говорящего – «указать на самое важное, существенное для данной коммуникативной ситуации» [Ведрева 2004: 63]. Следовательно, данный исследовательский прием позволяет нам определить актуализированные признаки концепта в конкретных речевых условиях. Итоговый корпус постсоветского печатного материала для последующей интерпретации составил около 3000 контекстов.

Кардинальный переход от советской к постсоветской России привел к существенным преобразованиям как в экономической сфере, так и в

политическом устройстве страны. Быстро меняющаяся действительность характеризуется «половинчатой и непоследовательной реставрацией части социалистических традиций и норм жизни, сочетающейся с модификацией, но не отказом от принципов рыночного либерализма» [Тощенко 2015: 50]. С одной стороны, советские люди, ставшие российскими гражданами, не хотели отказываться от социальных благ советского прошлого, с другой стороны, новое государство взяло курс на прививание обществу ценностей западного либерализма и капитализма. Журналисты, работающие в рамках современных вызовов, фиксируют происходящие изменения в своих текстах: «не измененный в своих фундаментальных структурах русский язык употребляется иначе, темы и их обсуждения другие» [Ратмайр 2013: 18], также см.: [Березович 2014; Гусейнов 2004; Костомаров 1999; Скляревская 2001; Стернин 2004; Шапошников 2010]. Амбивалентность мнений распространяется и на ценности, которые «входят в ядро любой культуры, являются ее стержневым элементом» [Шалина 2009: 55], но которые «чувствительны» к смене общественно-политического устройства, что привносит новые оттенки в смысловое наполнение ценностного конструкта.

Представим анализ значимых когнитивных признаков концепта *здоровье*.

1. **Субъект состояния.** Для дискурса постсоветской эпохи характерной является тенденция к индивидуализации субъекта. В позиции левой валентности лексемы *здоровье* закрепляется местоимение *ваш*, которое обозначает «принадлежащий вам, имеющий отношение к вам» [ТСРЯ 2011: 74] и местоимения *свой* в значении «собственный» [там же: 865]: *Не стесняйтесь и не ленитесь – это вопрос вашего здоровья* (Уральский рабочий; 14. 10.1997); *Ваше здоровье – в Ваших руках* (АиФ; 01.12.1999); *Самое дорогое – это ваше здоровье* (Уральский рабочий; 29.08.1998);... *так как это может быть небезопасно для вашего здоровья* (АиФ; 26.07.2000); *Поскольку что-то делают для своего здоровья только процентов 30 населения* (АиФ; 21.11.2007);...*нужно подойти к окрашиванию с умом и*

учесть все нюансы: от **своего здоровья** до состояния волос (АиФ; 18.07.2006).

Кроме того, в позиции левой валентности фиксируются атрибутивы *индивидуальный*, то есть «личный, свойственный данному индивидууму» [ТСРЯ 2011: 299], и *собственный* – «свой, личный» [там же: 910]: *Общество признает ценность и необходимость общественных вложений в индивидуальное здоровье* (Эксперт; 07.06.2010); *Люди сумеют потратить сэкономленные деньги на образование детей и поддержание **собственного здоровья** лучше, чем это сделает государство* (Огонек; 10.10.2011); ...но не это меня смущает, а **собственное здоровье** (Огонек; 04.03.1993).

Здоровье также может конкретизироваться профессиональным атрибутивом, указывающим часто на конкретное лицо: *Неделя, проведенная Б.Ельциным в ЦКБ, поделила сотрудников <...> на тех, кто реально знает о состоянии **президентского здоровья**<...> и тех, кто может лишь предполагать* (АиФ; 02.12.1998); ... дозвониться до официальных представителей патриархии, чтобы выяснить правду о **патриаршем здоровье** (Огонек; 14.05.2007); ...на Высших режиссерских курсах учил, что мат – это не ругательство. А «предмет первой необходимости для сохранения **режиссерского здоровья**» (Огонек; 17.02.2000).

Правая валентность анализируемой единицы регистрирует отход от коллективного «мы» и возвращение к ценности «я». С одной стороны, в прессе присутствует обобщенный образ субъекта: **здоровье граждан, нации, народа, населения, молодежи, подростков, ребят, москвичей, матерей, людей, детей, потребителей, пациентов, подростков, воспитуемых**, с другой стороны, конкретный образ носителя состояния, который становится релевантным: **здоровье человека, девушки, малыша, ребенка, мамы**: ...а ведь жизнь и **здоровье человека** для любого нормального государства – это основной капитал (Уральский рабочий; 01.08.1998); ...даже если не принимать во внимание **здоровье человека, который употребит эту продукцию** (Эксперт; 04.10.2004); А как отражается на самочувствии и

психическом здоровье человека его постоянное пребывание на колесах (АиФ; 26.01.2005).

Таким образом, важный для когнитивной структуры признак субъекта, носителя состояния, в условиях новой России трансформируется: здоровье осознается как ценность индивидуального характера, притяжательные местоимения *ваши* и *свой* формируют личную сферу человека, в текстах указания на социальные функции человека сосуществуют с конкретными номинациями человека, указывающими на половые или возрастные характеристики. Частотность сочетания *здоровье человека* деидеологизирует его социальную сущность, позволяет рассматривать человека как биосоциальный организм.

2. *Здоровье как объект иронии.* В 1990 году был принят закон «О печати и других средствах массовой информации», согласно которому тексты СМИ освобождались от партийной цензуры. Свобода слова – это главное достижение демократических преобразований в России. Возможность избавиться от официального советского языка, лживо декларирующего прописные истины, уходящего от сложностей реальной жизни, позволила журналисту раскрепоститься. Дискурсивная практика постсоветского периода (особенно периода перестройки) характеризуется победой экспрессивного над стандартным, ироническим высмеиванием того, что в официальных текстах советских СМИ подавалось как высокое, например: *...Попытки оправдать это <...>напоминают разговоры о том, что мясо, масло, сахар, табак и другие дефицитные продукты вредят здоровью* (Огонек; 28.04.1990); *... чему учит отечественная история? В XX веке только 3 высших руководителя нашей страны покинули свой пост не вперед ногами<...>А Никита Хрущев, хотя и слетел с формулировкой «по состоянию здоровья», сделал это вовсе не «по собственному желанию»* (АиФ, 25.11.1998); *Сейчас немодно цитировать Ленина, но я напомню его афоризм: «Здоровье – это казенное имущество!»* (Огонек; 03.12.2007); *...гордый народ, большие надежды, индустриальную мощь, сильную*

культуру и науку, **национальное здоровье**, – все это *истлело, расплзлось по пограничным швам* (АиФ; 04.05.2005). Контексты характеризуют черты здоровья по-советски, которые *истлели и расплзлись*. В высказываниях мы видим «ироническое переосмысление советских идеологических клише» [Клушина 2010: 62]: **Вождь и отец мирового пролетариата** *знал, где прятаться с пользой для здоровья* (Эксперт; 02.09.2002). Лексема *отец* в переносном значении («тот, кто является родоначальником, основоположником» [ТСРЯ 2011: 587]) маркируется в словаре пометой *высок.*, семантическая несовместимость с глаголом *прятаться* создает ироническую тональность высказывания.

Частотные для советского времени «передовицы, подборки информации о «трудовых достижениях» и прочая «обязаловка» уступили место острым по содержанию репортажам, авторским комментариям» [Стровский 1998: 240]: **Достаточно посмотреть, как бравироват своим богатырским здоровьем Ю. Лужков** (АиФ Москва; 25.11.1998); **...Бритая Голова** *обычно ложился в больницу на профилактику своего бесценного здоровья* (Огонек; 10.11.1990); **...если настоящее вино действительно целебно, а мы так печемся о здоровье** *нации, то почему на него не снизить цену* (Эксперт; 17.11.1997); **Я сохранил остатки здоровья** (Огонек, Москва; 05.02.1996); **Режиссер** *глядит на этот яркий, пышущий красотой и здоровьем мир* (Огонек; 08.04.2013); **Мне нравится, что все вокруг так носят с моим здоровьем** (АиФ; 12.09. 2012). Ирония создается с помощью «оценочной перверсии» [Слышкин 2005: 13]: когда позитивное трансформируется в негативное: *бесценное, богатырское здоровье*. Контекстуальные партнеры глаголы *носиться* («быть увлеченным, привлекать усиленное внимание к кому-чему-н. (разг.)» [там же: 528]), *печься* («то же, что заботиться» [там же: 642]) эксплицируют переосмысление витальной категории, возведенной советскими патетизмами в ранг сверхценности, сейчас здоровьем не принято *бравировать* («хвастливо рисоваться чем-н» [там же: 58]).

«Горькая» ирония некоторых сентенций построена на включении в контекст усилительной частицы *же / ж*, транслирующей оттенок «раздражения, недовольства» [там же: 230]: *Это ж какое психическое здоровье надо иметь!* (АиФ; 29.02.1996); *Если же вдруг решили позаботиться о нашем здоровье* (Уральский рабочий; 16.06.1998).

Наш материал фиксирует антипословицы (см. параграф 1.3.): *Крепкое здоровье – это когда забываешь, что в аптеке еще и лекарства продаются* (КП, 15 марта 2012); *Не бывает здоровых людей, бывают недообследованные* (КП, 8 февраля 2014); *Наша медицина так быстро шагает вперед, что здоровье за ней просто не поспевает* (КП, 16 марта 2012). Современные СМИ становятся экспериментальной площадкой для реализации инноваций в виде различных переделок, экспериментов со словом, см. об этом [Ведрева 2012: 368–376].

Прием иронии нацелен на акцентуацию социальных проблем: *Сегодня же для большинства населения «российское счастье» – это ежедневная борьба за то, чтобы сохранить хотя бы элементарный уровень здоровья и быта* (АиФ; 26.07.2006);...*это, возможно, самый короткий путь за нашим здоровьем, и, вероятно, к реформированию здравоохранения, за которым просто по недоразумению мы видим лишь сокращение больничных коек и льготных пилюль* (Уральский рабочий; 09.12.1998). «Насмешливая сила иронии распространяется и на метафору» [Ермакова 2005: 39]: *«российское счастье»*, попадая в иронический контекст, преобразуется в «обратную метафору». Кавычки графически указывают на семантический перевертыш.

В современных текстах изменяются и стилистические нормы построения газетных текстов. Массовое привлечение в современный газетный узус маргинальной лексики – социальных и профессиональных жаргонов – типично и для дискурса о здоровье: *А рассказывать на всю страну, что все мужики хотят тебя трахать, или, наоборот, ты сам мечтаешь перетрахать всех баб, – это что, признак здоровья?* (Огонек, 01.12.2000); *На этот раз лоха раскручивают по очень крупному счету и*

подходить с предостерегающими репликами небезопасно для собственного здоровья (Огонёк; 17.03.1997); *И это приличной врачихе с замашками шлюхи, при тщательных обследованиях на японской аппаратуре в специальном отделении монастырской поликлиники, куда допускались лишь апостолы, чье драгоценное здоровье играло особую роль* (Огонек, Москва; 29.09.1990). Частотность использования сниженной лексики в литературном языке иллюстрирует тенденцию современного общества к агрессивности общения, поскольку «какова жизнь, таков и язык этой жизни» [Крысин 2008: 18], см. также [Вепрева 2002; Шалина 2009].

Общая тенденция иронического переосмысления советского прошлого обусловила ироническую тональность и текстов о здоровье, составляющих одну из тематических сфер медийного пространства. Отторжение ложного советского пафоса спровоцировало стёб, ёрничество в области обсуждения ценностных категорий.

3. *Состояние здоровья как ценность.* Актуализация данного когнитивного признака в большей степени реализуется в высказываниях, представляющих собой контекстно ситуативные дефиниции лексемы *здоровье*: *Здоровье и благополучие близких мне людей – это ценность номер один* (Огонек; 26.02.2007); *Я осознала, что самое главное это здоровье и желания моих детей* (АиФ; 06.11.2013); *Правильно говорят, что самое главное в жизни – это здоровье?* (АиФ; 08.05.2011); *Ведь самое важное – это здоровье* (АиФ; 11.08.1999); *Самый лучший подарок для меня – это здоровье* (АиФ; 09.06.2004); *Здоровье – это свобода на разных уровнях.* (АиФ Москва; 29.12.1998); *Здоровье – это счастье* (АиФ; 12.10.2005); *Здоровье – это то, что волнует всех и каждого* (АиФ; 26.04.2006); *Здоровье – это пригласительный билет в хорошую жизнь.* (АиФ; 13.06.2007), *здоровье стало важнее карьеры* (Огонек; 12.11.2001); *любых миллионов* (АиФ; 03.10.2001); *правил приличия* (АиФ; 28.09.2011).

Как видно из представленных определений, толкование здоровья чаще всего дается через перечислительный ряд абстрактных понятий, ср.: *главное,*

ценность, важное, счастье, свобода, пригласительный билет в хорошую жизнь. Обобщенность определения ценностного содержания концепта, прямое возведение здоровья в ранг самой главной в иерархии ценностей свидетельствует о вневременном характере данного концепта, осознании его ценностного начала вне всякого иронического подтекста.

4. ***ЗОЖ: Забота о здоровье.*** В условиях новой рыночной экономики понимание заботы о здоровье трансформируется.

Продолжает актуализироваться важность внимания к здоровью, его защите. Фиксируются словосочетания как абстрактной направленности: *внимание к собственному здоровью; думать о здоровье; забота о здоровье; задумываться о здоровье; равнодушен к своему здоровью;* так и конкретной направленности: *заниматься своим здоровьем; оценить состояние здоровья; первый шаг в борьбе за здоровье; подход к здоровью; поддержать свое здоровье; поправить свое здоровье; проверить ваше здоровье; профилактика; путешествие за здоровьем; путь к здоровью; способ улучшения здоровья; способствует здоровью и долголетию; способы для поддержки здоровья; укрепление здоровья.*

В текстах СМИ понятие *культура здоровья* обозначает своевременную заботу о своем здоровье: *Это работает, если население обладает определенной культурой – заботится о собственном здоровье, а не тянет до последнего* (Эксперт–Урал; 30.09.2013); *В Институте образования НИУ ВШЭ подчеркивают: западный опыт основан прежде всего на культуре здоровья, когда делать зарядку считается нормальным, но как научить этому нацию, вопрос открытый* (Огонек; 08.04.2013). Контексты сигнализируют о том, что забота о здоровье – это дело самого человека. Для внедрения важности осознания этой составляющей в текст начинает включаться прямая апелляция к читателю: *Ну просто не жилец ты на этом свете, если вовремя не начнешь за здоровье бороться* (Огонёк; 20.05.2003); *Ведь больной пенсионер – это тот, кто мало внимания уделял своему здоровью во время работы* (Эксперт–Урал; 15.09.2003). В последнем

примере признак выявляется путем выведения имплицатуры: заботиться о здоровье с молодого возраста, причем не импульсивно, а постоянно.

Нередко анализируемый признак манифестирован имплицитно посредством отрицания признака: *Откуда в нас это **наплевательское отношение к своему здоровью, к собственной жизни?*** (Уральский рабочий; 10.07.1996); ***Беспечность** как была, так и остается, особенно когда это касается жизни, здоровья* (Уральский рабочий); ***Хотя это и очень вредно, отражается на здоровье, но мы все равно идем на это*** (Огонек, Москва); ***Это связано с общим пренебрежением россиян к своему здоровью*** (Огонек; 14.02.2011). Контексты фиксируют национально ориентированное отношение к здоровью: для русского человека типично *наплевательское* («презрительное безразличие (прост.)» [ТСРЯ 2011: 650]) отношение, *беспечность* («беззаботный, легкомысленный» [там же: 41]), *пренебрежение* («высокомерное, лишенное уважения отношение» [там же: 722]). И.В. Журавлева отмечает, что в социологических опросах молодые люди о здоровье часто высказываются следующим образом: «Здоровье – это, конечно, важно, но иногда можно и забыть об этом ради дополнительного заработка, развлечений и т.п.» [Журавлева 2006: 51].

В текстах формируется тенденция прагматического подхода к здоровью, которого не было в советское время: ***В России на здоровый образ жизни ориентирован только узкий круг людей, для которых баланс «здоровье – деньги» актуален – это средний класс*** (Огонек; 07.05.2001). Контекстуальным партнером ключевой лексемы концепта *здоровье* становится существительное *деньги*, обозначающие «капитал, средства» [там же: 191]. В современном понимании забота о здоровье стала включать в себя не только «простые» вещи, доступные каждому в силу возможности и бесплатности их выполнения, но и те элементы заботы, за которые нужно платить: *...отдохнуть и **поправить свое здоровье, причем за очень небольшие деньги*** (Огонек; 07.02.2010). В новой России формируется

общество потребления, а здоровье становится востребованным «товаром», см. об этом: [Иссерс 2015: 130–133].

Научно-технический прогресс, результаты научно-технических разработок начинают внедряться в сферу здоровья. Новыми для дискурса о здоровье являются следующие словосочетания: *компьютерная диагностика состояния здоровья, технологии для поддержания здоровья, сеть контроля состояния здоровья*. Представим их в контекстах: *...интерес Microsoft к таким, казалось бы, непрофильным для нее областям, как <...>компьютерная диагностика состояния здоровья, образование и проч. Ежегодно корпорация вкладывает около 9 млрд. долларов в исследования и разработки (Эксперт; 11.10.2010); ...в будущем все более востребованными будут становиться технологии для поддержания здоровья. Сейчас Philips готовит к производству специальную капсулу, позволяющую владельцу самостоятельно следить за своим состоянием<...>электроника будет регулярно измерять пульс и кровяное давление и рассчитывать статистику (Эксперт 11.09.2006); ...это когда с помощью сотовых телефонов контролируется давление, пульс, уровень сахара <...>эти данные передаются в единый центр контроля <...>если сам человек не чувствует никаких изменений в своем состоянии, прибор уже фиксирует отклонения. Я думаю, эта технология близка к прорыву, и в ближайшие десять лет появится глобальная сеть контроля состояния здоровья (Эксперт 13.08.2012)*. Технизация современной жизни открывает новые возможности для контроля за состоянием здоровья: *с помощью сотовых телефонов можно контролировать, с помощью электроники измерять пульс, давление человека*. Общей для технической характеристики здоровья можно назвать лексему *технологии* («совокупность производственных методов и процессов в определенной отрасли производства, а также научное описание способов производства» [ТСРЯ 2011: 981–982]) *для поддержания здоровья*. «Забота о здоровье как часть заботы о себе в условиях рейтинговой демократии все больше востребована аудиторией, постсовременными

нарциссами (Ж. Липовецки)» [Савельева 2009: 116], которые мечтают жить «здесь и сейчас, оставаясь молодыми и не желая выковывать из себя нового человека» [Липовецки 2001: 23]. Презентабельный внешний вид, который невозможен без отменного здоровья, необходимая сторона успеха человека в век современных поверхностных коммуникаций. Забота о своем здоровье становится модным трендом: *Забота о здоровье входит в моду. Теперь за своим давлением следят не только те, кому это предписано медиками. Молодые люди тоже обзаводятся тонометрами* (Огонёк; 08.09.2008).

5. *Социальная составляющая здоровья.* Контекстный материал свидетельствует о том, что государственная политика по-прежнему нацелена на сохранение здоровья нации, поскольку «ни одно государство не может быть политически и экономически успешным, если его население нездорово» [Воробьев 2013: 3].

Преимущественно контексты 1990–1999 гг. фиксируют недовольство граждан новой России тем, что государство недостаточно заботится об их здоровье: *Возмутся, наконец, муниципальные чиновники за эту проблему или им совершенно наплевать на здоровье москвичей?* (АиФ; 30.05.1996); *В этих условиях Госстандарт должен был бы грудью встать на защиту нашего здоровья и жизни, раз уж приходится ввозить столько товаров* (АиФ; 21.01.1997). Приведенные контексты показывают, что общество нуждается в «родительской» поддержке государства: фиксируется лексика долженствования (*должен*), приводятся оценочные атрибутивы (*для любого нормального государства*), употребляется высокая лексика – фразеологизм *встать грудью*.

Иллюстрацией повышенных ожиданий общества в отношении государства может являться следующий факт: в рамках Гарвардского проекта по изучению советской системы было проведено интервьюирование эмигрантов из СССР: «Интервьюируемым был задан вопрос: «Что из советской системы вы хотели бы оставить, если бы большевики были отстранены от власти? От половины до двух третей респондентов предлагали

сохранить систему образования, *более половины – систему здравоохранения»* (курсив наш. – А.П.) [Лукин 2008: 82].

На смену 1990 гг. пришла эпоха 2000 гг. с «вертикалью власти», экономической стабильностью и элементами авторитаризма в управлении: «авторитарный режим возник во многом благодаря общественной апатии и разочарованию в политике и политиках ельцинского времени» [там же: 100]. Согласно базе данных ФОМ, в 2008 г. опрос населения «В. Путин: итоги президентства» показал, что респонденты стали говорить о стабильности, которую привнес президент: *«Стабильность появилась»; «появилась уверенность в завтрашнем дне»; «появилась хоть какая-то стабильность»; «люди почувствовали стабильность»; «стабильнее стала обстановка в стране»* [<http://bd.fom.ru/report/map/d081721>].

На современном этапе, по сравнению с периодом 1990–1999 гг., произошло окончательное утверждение тезиса о том, что здоровье, с одной стороны, – дело самого человека, с другой стороны, – государственная ценность. Нередко для формулировки данного тезиса используется модальная лексика: ***Мы должны, наконец, понять, что здоровье – это не Путин, не Фрадков и не Минздрав. За свое здоровье отвечаешь только ты сам*** (Огонёк; 04.04.2005); ***Спасение утопающего — его личное дело, здоровье каждого, в конце концов, его собственная забота<...> но здоровье нации, граждан, их долгая, активная, трудоспособная жизнь — это дело государственной важности. И государство должно решить, какой проект важнее: телевизионный или реальный, настоящий*** (Огонёк; 15.10.2007).

Осенью 2005 года в текстах СМИ появилась новая коллокация *национальный проект*. В нем «в качестве приоритетных направлений «инвестиций в человека» были выделены *здравоохранение, образование, жилье, сельское хозяйство*. Именно *эти сферы затрагивают каждого человека, определяют качество жизни* и формируют «человеческий капитал» – образованную и здоровую нацию» (курсив наш. – А.П.) [БАПЭ 2009: электронный ресурс]. Среди целей и задач национального проекта

«Здоровье» значилось укрепление здоровья населения России, укрепление первичного звена здравоохранения, развитие профилактической направленности здравоохранения и др.[<http://ria.ru/society/20090512/170852739.html>]. Представим контексты, связанные с данной номинацией: *Нацпроект «Здоровье» – это долги, которые накопились давно и которые государство возвращает* (Огонек; 18.02.2008); *...чтобы ситуация изменилась, как раз и придуман нацпроект «Здоровье»* (АиФ; 13.12.2006); *Денежные вливания в рамках нацпроекта «Здоровье» в государственную систему здравоохранения (в 2006 году – 23 млрд. рублей) теоретически могут сделать этот сектор более конкурентоспособным* (Эксперт–Урал; 09.10.2006).

Исследовательский интерес вызывает номинация *национальный проект*. Новым для постсоветской России является опора на использование прилагательного *национальный* в значении ‘общероссийский, относящийся ко всем гражданам российского государства’. Мы видим попытку государственной власти уйти от советской риторики и в то же время остаться на позициях социоцентрического типа русской культуры, опирающейся на идеи общности, единения, кооперации. Существительное *проект*, популярное в современной речевой практике, направлено на передачу идей созидания, переустройства жизни российского общества. «Идейно-политический смысл, выраженный первым атрибутивным компонентом словосочетания, сращивается со смыслом социально-экономическим», выраженным опорным компонентом [Вепрева 2007: 92].

Контексты демонстрируют положительные оценки общества по отношению к новому проекту: *государство возвращает долги, изменяется ситуация*, происходят *денежные вливания* («то же, что инвестиции» [ТСРЯ 2011: 97]) *в систему здравоохранения*, что делает ее *более конкурентоспособной*, подчеркивается успешность проекта: *Успешно развивается национальный проект «Здоровье» в Свердловской области*, внедряется мысль о масштабности проводимой реформы. В речевую

практику входят новые словосочетания: *родовой сертификат* (‘документ, удостоверяющий право беременной женщины на бесплатную медицинскую помощь, право выбора роддома и др.’) и *материнский капитал* (‘денежная выплата в размере 250 000 рублей, поступающая на банковский счет роженицы после появления на свет второго ребенка’).

В то же время в нашей картотеке встретились публикации и другой тональности: *Добавьте к этому признанную всеми нехватку врачей и медсестер, <...> а также почти полную изношенность машин «скорой помощи», парк которых последний раз обновлялся в рамках нацпроекта «Здоровье» 7–8 лет назад (АиФ; 24.07.2013)* – критическое отношение к существующему положению в системе здравоохранения, тревога за состояние дел в стране становятся типичной приметой современной прессы. *...Сегодня много говорят о том, что в процессе реализации нацпроекта «Здоровье» для иностранцев стала весьма привлекательной работа участкового врача, но внятно ответить, хорошо это или плохо, к каким проблемам может привести или какие выигрывают сулит, никто не может (Эксперт; 29.01.2007)*. В последнем контексте фиксируется мнение-размышление, которое, может быть, вызвано «идеологической подозрительностью» [Купина 2012: 35], характерной для постсоветского общества.

Современные СМИ регулярно информируют о проведении различных социально-профилактических мероприятий, нацеленных на массовое участие в них населения: *акция «Волна здоровья»; благотворительный велопробег «Спорт – ради здоровья детей»; государственные программы мониторинга здоровья населения; День здоровья; областная программа «Здоровье»; программа «Здоровье для учителей»; проект «Здоровье города»; шествие «3000 шагов к здоровью».*

Таким образом, государство не снимает свое ответственности за здоровье своих граждан, В то же время плюрализм современных СМИ

позволяет критически оценивать многие недостатки государственной политики в сфере здравоохранения.

б. Экономическая составляющая здоровья. Советская медицина была бесплатна и доступна, в 1990 г. начинается тенденция коммерциализации лечебных услуг. По данным базы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, с 1994 по 2010 гг. «снизилась активность обращения населения за квалифицированной медицинской помощью» [цит. по: Назарова 2014: 140], «большинство решает проблемы со здоровьем самолечением» [Там же]. Представим ряд других контекстов: *культура здоровья и деньги; экономика здоровья; платить за свое здоровье; вкладывать средства в поддержание здоровья работников; помнить о стоимости возвращенного здоровья; тратить на здравоохранение; здоровье стало индустрией; пытаться сэкономить на своем здоровье; системы страхования здоровья; деньги – это здоровье.*

Обстоятельства заставляют приспосабливаться к сложившейся ситуации: во-первых, на смену советским гарантиям приходят страховые компании, которые частично берут на себя функции обеспечения граждан необходимым лечением и профилактикой, во-вторых, на смену профилакториям приходят платные центры здоровья: *Как ни парадоксально это звучит, но сегодня именно страховые медицинские организации объективно заинтересованы в улучшении здоровья населения* (Уральский рабочий; 06.03.1996); *Сегодня это единственный сегмент рынка, услугами которого может воспользоваться большинство россиян, <...> для того чтобы это не повредило здоровью клиента, специалист составит по результатам тестирования и собеседования индивидуальную программу занятий <...> это некие центры здоровья на базе спорткомплексов или саун, стремящиеся предоставить набор услуг* (Эксперт; 12.05.1997). Словосочетание *страховые медицинские организации* появляется только в постсоветское время, в отличие от словосочетания *центр здоровья*. Данное учреждение в советское время было бесплатным, в современное время

коллокация получает смысловое приращение – данные учреждения чаще всего предлагают платные услуги.

Помимо опоры на государство, трудоспособные граждане также могут рассчитывать на помощь работодателей в сохранении их здоровья: *...работодатели все больше осознают необходимость вкладывать средства в поддержание здоровья работников – это и прямая покупка медицинских услуг для персонала, и приобретение полисов добровольного медицинского страхования (Эксперт; 11.04.2011); Уже есть промышленные предприятия-новаторы, где профилактика развития так называемых профзаболеваний – это не просто прием молока, а, скорее, социально и экономически обоснованные меры комплексной защиты здоровья работников, и витаминные препараты занимают здесь одно из важных мест (Эксперт 19.03.2007).* В текстах 2000–2014 гг. акцентируется мысль о том, что трудоустроенный гражданин может рассчитывать на бесплатные профилактические мероприятия по укреплению своего здоровья.

Следует обозначить тенденцию к постепенному возвращению некоторых норм по сохранению здоровья, принятых в СССР, опирающихся не на материальную основу. Владимир Путин после проведения зимней Олимпиады в Сочи отметил: *В федеральном бюджете на 2014 год остались средства, заложенные на Игры в Сочи. Предлагаю использовать данные средства на развитие массового спорта, включая, например, реализацию в субъектах федерации комплекса ГТО* [<http://izvestia.ru/news/568042>].

Частная, коммерческая, негосударственная, альтернативная медицина – это реалии современной жизни, которая прокладывает себе дорогу, начиная вписываться в качестве компонента экономической составляющей концепта *здоровье: оборот сектора коммерческой медицины, по данным исследования РБК «Российский рынок частной медицины – 2014», составил в прошлом году примерно 250 млрд рублей; за минувшие годы отечественная частная медицина окрепла, на рынке появились компании, теоретически вполне способные поднять такой крупный инвестиционный*

проект; **Частная медицина** – самый динамичный сектор российского здравоохранения, услугами частной медицины пользуются те, кто не удовлетворен услугами бесплатной; Однако с недавнего времени представители **негосударственной медицины** также включены в реестр ФОМС и могут оказывать услуги в рамках обязательного медицинского страхования; Широкие перспективы, которые ЭКО и ведение беременности открывали для **негосударственной медицины**, были заметны не только владельцам «Авиценны»; К помощи представителей **альтернативной медицины** – целителей, экстрасенсов и травников -прибегали 9% жителей, однако лишь 7% остались довольны результатом.

7. **Физическое состояние здоровья.** В проанализированных нами текстах фиксируются как устоявшиеся, так и новые словосочетания, объективирующий данный когнитивный признак.

Словесное образное описание здорового человека не изменилось: это тот, кто имеет **богатырское здоровье**; является **физически крепким**; **энергичным человеком**.

Картотека постсоветского периода позволила обнаружить приращение нового смыслового аспекта физического состояния здоровья – **признака сексуального здоровья** (который выделялся нами в 1.4.2. при проведении психолингвистического эксперимента), манифестирующегося в словосочетаниях типа **благополучие в этой деликатной области**; **заниматься сексом и при этом не навредить своему здоровью**; **сексуальное здоровье** и др. Представим контексты: *Это не просто слова, а вполне реальные данные глобального исследования «Сексуальное здоровье и общее самочувствие», итоги которого были обнародованы на днях (АиФ; 30.03.2011); Вот и получается – просвещенной, раскрепощенной, лишенной комплексов женщине гораздо легче получить эти самые **нужные для здоровья оргазмы** без посторонней помощи (Огонёк; 09.11.1998); «Секс **необходим для здоровья**» (Эксперт; 21.12.2009); Род Стюарт, пока он есть и, слава богу,*

здоровствует, – выдающийся в своем роде ориентир сексуального здоровья человечества и эталон тактики в этом замечательном деле, на который следует равняться всем нам без исключения (Огонек; 16.07.2001).

Одним из культурных результатов христианства является жесткое нравственно-эстетическое осуждение и ограничение телесных эротических проявлений. Конфликт духовного и плотского, физиологического породил социальные запреты публичного обсуждения тем, связанных с сексуальной жизнью. Приведенные выше контексты свидетельствуют о расширении сферы табуированных не только в дореволюционное, но и в советское время тем для обсуждения. Открытый прямой разговор о сексуальной жизни человека, в том числе о сексуальном здоровье – это примета демократических преобразований в России, одним из достижений которых является снятие запрета на ряд не принятых для публичного обсуждения тем. Обратной стороной этого процесса является нарушение этических норм, проявляющееся в излишней *экстимности*, т.е. потребности современной личности выставлять для общественного разбора и оценки свою интимную жизнь.

8. ***Наследственность.*** Приращение новых актуальных смыслов в дискурсивной практике постсоветского периода проявляется в появлении новых словосочетаний, в частности коллокации *генетическое здоровье*: *Этот рейтинг действительно отражает картину генетического здоровья (Огонек; 13.02.2006); Вся эта информация впечатывается в ДНК, и от ее содержания во многом зависит здоровье наших потомков (АиФ; 07.10.1998); Гены, которые стоят на страже нашего здоровья и реагируют на малейшие отклонения в организме, запускают производство этих белков (АиФ; 18.10.2006).* Существительное *ген* обозначает «материальный носитель наследственности, единица наследственного материала, определяющая формирование элементарного признака в живом организме (спец.)» [ТСРЯ 2011: 147]. Широкий круг отечественных и зарубежных исследований в области генетики, считавшейся в советское

время буржуазной наукой, позволил расширить диапазон научных знаний современного человека, вывести здравоохранение на новый уровень развития.

9. *Душевная / Духовная составляющая здоровья.* Как отмечалось выше в нашей работе, в СССР религиозная сфера общественного сознания становилась объектом обличения атеистической пропаганды. Между тем, русская культура немыслима без православных традиций, см.: [Лихачев 2006], эта же мысль подчеркивается и в текстах современных СМИ: *Миссия Россия – 2013 Анна Городжая: Всем хочу сказать – ныряйте, закаляйтесь, верьте в Бога и, самое главное, живите так, чтобы ваша совесть была чиста* (КП, 20 января 2014); *...свобода от страстей, состояние невозмутимости и безмятежности <...>свобода от эгоизма, единение с Истиной и познание Бога.* (АиФ Москва; 29.12.1998); *...если уж Бог до сих пор дает мне жизнь и здоровье, значит, у него все-таки есть свой расчет на меня* (Огонек; 23.04.2001); *...святитель Феофан Затворник прямо об этом говорит: «Здоровье – дар Божий»* (АиФ; 18.11.2009); *Не следует тут же набрасываться на мясное и сладкое, это не только вредно для здоровья, но и не приветствуется церковными традициями* (АиФ; 01.05.2002). «Русская православная культура бережно сохранила национально ориентированные ценности, а носители русской культуры тянутся к их переосмыслению» [Михайлова 2004: 4].

Хотя последствия целенаправленного обличения религиозного привели к определенному синкретизму в современных умах на постсоветском пространстве – «это не когда верят во что-то, а когда верят сразу во все, причем в такое все, части которого взаимопротиворечат» [Эко 2007: 454 – 455]: *...видела йога, он босиком ходил по раскалённым углям. Говорят, это полезно для здоровья* (АиФ Урал; 22.05.2013). Современное увлечение йогой, «религиозно-философским учением, разработавшим особую систему приемов и методов самопознания, позволяющему человеку управлять психическими и физиологическими функциями своего организма» [ТСРЯ

2011: 313], далеким от православной религии, – одна из иллюстраций проявления не критического отношения к различным системам религиозно-философских учений, получающих широкое и беспрепятственное распространение на территории современной России. Открытость российского общества проявляется и в увлечении новыми, не типичными для русских традиций праздниками (*Хэллоуин, день святого Валентина* и др.). Светскость и праздничная ритуальность новых праздников нивелирует их первоначальную религиозную основу, о которой современные СМИ часто напоминают: *В этом году в образовательных учреждениях Москвы не будет проводиться полюбившийся многим «Хэллоуин». В Департаменте образования объяснили это тем, что данное мероприятия содержит элементы религиозного содержания (культ смерти или глумление над смертью), <...> что противоречит светскому характеру образования и разрушительно влияет на психическое и духовно-нравственное здоровье учащихся* (АиФ; 29.10.2003). Под *Хэллоуином* понимают праздник, который восходит к религиозным традициям древних кельтов.

Современные контексты так же, как и советские СМИ, фиксируют важность для душевного здоровья наличия эмоциональных концептов в структуре личности: *Если дать волю злости, например, или обиде, то хоть ты на диете сиди, хоть в спортзале крути педали велосипеда, здоровья и красоты от этого не прибавится и вес никак не нормализуется* (АиФ; 27.09.2006); *...но мат — не просто неприлично, эти слова негативно влияют на здоровье* (АиФ; 21.04.2010).

Душевное (психическое) здоровье – одна из самых актуализированных тем современного общества. При этом понятие связывается не только с отдельным человеком, но и с психическим здоровьем общества в целом. В СМИ активно обсуждается сложившаяся ситуация в российском социуме, в котором вектор ценностного развития меняет прежние ориентиры: *старые ценности мертвы, а новые еще не созданы. В России нет национальной идеи, модели будущего, – считает Сергей Карноушенко, заведующий МЦ*

*«Гиппократ». Надо объединиться все позитивные общественные силы – духовенство, государство, образование. Ведь все мы – чиновники и милиционеры, медики и журналисты – хотим жить в **психически здоровом обществе** (АИФ; 20.06.2001).*

Психическое здоровье на уровне отдельного человека может быть обеспечено ощущением безопасности, выражающей идею обеспечения благоприятных условий жизни человека: *Какой совет может дать психолог людям, которые почти потеряли ощущение безопасности в этом мире, где все то и дело взрывается?– Беречь силы – их не безумное количество. Не в смысле – экономить, не сопереживать, а в смысле – **любить себя, беречь, заботиться о себе** (Известия; 23.10.2003). Ощущение самодостаточности личности определяется как залог психического здоровья человека: *Мария Арбатова, писательница: Последний раз я взвешивалась лет 25 назад. Думаю, это признак моего **психологического здоровья**. Я всегда довольна своим весом!* (КП; 17.07.2007).*

10. **Градуальность состояния: Здоровье / Нездоровье.** В текстах постсоветских СМИ когнитивный признак *Градуальность состояния здоровья* получает особую актуализацию. Тревога за слабое здоровье как подрастающего поколения, так и взрослого населения современной России находит выражение в следующих характеристиках здоровья *далеко не идеального; оставляющего желать лучшего; становящегося все слабее; неважного, неокрепшего, плохого, подорванного.* В текстах СМИ фиксируется переход от одного состояния к другому: *что-то подтачивает здоровье; покачнувшееся в этот момент здоровье; растерявшие здоровье; резкое ухудшение здоровья.*

Здоровье с отрицательным вектором шкалы чаще всего номинируется атрибутивом *слабое*: *За последние годы россияне стали реже жаловаться на **слабое здоровье** – об этом свидетельствуют данные последнего опроса (Огонек; 05.08.2013);... Одни винили в этом **слабое здоровье** призывников (АиФ; 16.02.2011); Не все юбиляры отмечают этот день торжественно и с*

размахом, сказываются и возраст, и слабое здоровье, да мало ли причин (АиФ; 21.02.2001).

Также здоровье может характеризоваться как *подорванное* – «поврежденное, ослабленное, расшатанное» [там же: 671]: *Большинство из них – из слоев, как называют это сегодня, ниже среднего уровня достатка, с подорванным здоровьем (Уральский рабочий; 15.06.1998); Все, что у нее есть, Света заработала сама, заплатив за это коротким детством и подорванным здоровьем (АиФ; 24.07.2002).*

Частные проблемы слабого здоровья в современных СМИ сводятся к проблеме *ухудшения здоровья нации*, причины которого видятся в нескольких факторах: *экологические беды; процесс разрушения службы здравоохранения; появление трансгенных культур, результатов достижений генной инженерии; социальные причины: большая часть населения не может ни воспользоваться услугами платного здравоохранения ввиду его дороговизны, ни получить квалифицированную медицинскую помощь в системе государственного здравоохранения.*

11. **ЗОЖ: Здоровые привычки.** Материал показывает сохранение всех составляющих здоровых привычек, которые мы выделяли ранее. Представим контекстную выборку: *аэробика, делать зарядку, закаливание, заниматься физкультурой, уроки физкультурой; стадион, спортивный комплекс; фитнес-клуб; спорт; отсутствие вредных привычек; гигиена полости рта.* Лексема *закалка* в постсоветском списке лексем не фиксируется, в современных текстах СМИ данный советизм используется преимущественно в публикациях о советском периоде.

Представим три значимых отличия в презентации здоровых привычек в постсоветское время. Первое отличие связано со снисходительным отношением: в современном цивилизованном мире к принятию спиртных напитков в разумных пределах. Об этом писал еще Авиценна: «Вино – враг пьяницы, оно же друг умеренного. Чуть-чуть его – противоядие, в большом количестве – яд» (курсив наш. – А.П.), цит. по: [Психология здоровья 2006:

269]. Современные тексты СМИ стали транслировать эту идею: *...выпивать по 50 граммов обычного хорошего коньяка — для здоровья это очень полезно* (Огонек; 05.12.2005); *Если бы россияне с крепкого алкоголя переключились на вино, это наверняка способствовало бы укреплению здоровья нации* (АиФ; 08.09.2010); *Надо отказаться от курения и алкоголя, правда, есть и исключения из этого правила — полстакана красного вина в день здоровью только помогут* (АиФ; 29.03.2000) Между тем, в современных анекдотах осмеивается чрезмерная увлеченность данной привычкой: *Для улучшения пищеварения я пью пиво, при отсутствии аппетита я пью белое вино, при низком давлении — красное, при повышенном — коньяк, при ангине — водку / А воду? / Такой болезни у меня еще не было, см. также подробнее о вакхических особенностях русской культуры в [Глушкова 2009].*

Представим второе отличие. В современных текстах СМИ обсуждается круг новых вредных привычек. Перед нами текстовая импликатура: если человек хочет быть здоров, то ему следует отказаться от вредной привычки, которая может привести впоследствии к болезни.

Проблема борьбы с употреблением *наркотиков* — сильнодействующих веществ, «преимущ. растительного происхождения, вызывающие возбужденное состояние и парализующие центральную нервную систему» [ТСРЯ 2011: 492], становится первоочередной социальной задачей в постсоветское время. Представим контексты: *...наркотиками и другими увлечениями, вредными для душевного и телесного здоровья индивидов и общества.* (Эксперт; 06.07.1998); *...употреблять наркотики нехорошо: это вредит и здоровью человека* (Огонёк; 31.08.1998); *Почти все уже пытались излечиться какими-то иными способами, но неминуемо снова «садились на иглу». Всех наркотик привел к плохим отношениям с близкими, к потере друзей, любимых, работы, образования, здоровья.* (АиФ; 08.06.1999). Контекстуальные партнеры лексемы *наркотик* указывают на фатальность приобщения (*неминуемо*) к этой привычке; на внедрение

лексики наркоманов в общеупотребительный лексикон (фразеологизм *сесть на иглу*), на всеобщность проблемы (*почти все пытались излечиться, но из этого ничего не вышло*). Все тексты, связанные с наркоманией, «призывают критически взглянуть на проблему, изменить точку зрения, соотнести возможные риски для здоровья» [Тванба 2011: 6], приводящие к потере ценностных ориентиров человека. Тексты СМИ отражают градационную сущность явления: *...разница в ущербе, наносимом здоровью от употребления «тяжелых» наркотиков (героин, кокаин, ЛСД, экстази и т. п.) и «легких» наркотических средств (марихуана, гашиш), очень существенна* (АиФ; 01.10.1997). Иллюзорность относительной безвредности «легких наркотиков» находит отражение и в анекдотах, встречающихся на страницах современной прессы: *Врач – больному / За алкоголь, курение и наркотики вы расплачиваетесь собственным здоровьем! / Если бы одним здоровьем, доктор... Вы себе даже не представляете, каких денег всё это стоит!* (АиФ; 07.02.2007). В данном контексте в одном ряду находятся разные по степени нанесения вреда здоровью привычки: принятие *алкоголя, наркотиков, курение* сигарет.

Вредная привычка *употребление наркотиков* может интерпретироваться и в переносном смысле: «уже первые компьютеры обнаружили тот тип эмоциональной привлекательности, за которым следует физическая зависимость, поэтому ассоциация «компьютер – наркотик» появилась довольно рано» [Браславский 2004: 157]. Тексты фиксируют «наркотическую» зависимость от интернет-пространства, которая может перерасти в болезнь: *В последнее время стало «модным» новое заболевание – Интернет-зависимость. Под ним подразумевается патологическое влечение к пребыванию в Сети. Основные критерии данного расстройства – стрессовое состояние при путешествиях по «Всемирной паутине», а вследствие этого – причинение ущерба как физическому, так и психическому здоровью* (АиФ; 04.10.2000). Контексты фиксируют границы этой привычки: *Человек со здоровой психикой отлично проведет время*

*в кафе или за компьютером, и не надо будет его оттуда выволакивать, звоня по «03». Но таких, видимо, становится все меньше. На днях фирма Kelton Research из Лос-Анджелеса опубликовала данные исследования с участием 1001 взрослого. Результаты оказались шокирующими: **65 процентов опрошенных** заявили, что проводят больше времени с компьютерами, чем с супругами или партнерами. (Огонёк; 05.02.2007). С помощью имплицатуры можно вывести следующий смысл: правильная (здоровая) привычка заключается в чувстве меры при обращении к Интернету. Новая вредная привычка породила в языке целый ряд новых метафорических словосочетаний: *цифровая гигиена, цифровая детоксикация, гаджет-фри, информационная диета.**

Другая проблема, которая также метафорически связана с наркотической зависимостью, – чрезмерное увлечение играми. Данная вредная привычка также может перерасти в болезнь: *Причиной этих расстройств <...> могут быть многочисленные стрессы и переживания, которые испытывают геймеры в ходе игр: «Постепенно эти переживания заменяют им реальную жизнь, и геймеры отказываются от социальных потребностей в реальной жизни, в том числе и от собственного здоровья, предпочитая большую часть времени проводить в виртуальном пространстве» (Огонёк; 24.08.2009); Внешне вы никогда не отличите игромана от обычного человека <...> При алкогольной и наркотической зависимостях человек разрушает свое здоровье, и это очень заметно. <...> За несколько месяцев из полноценной личности человек превращается в маргинала, который любым путем, зачастую и криминальным, пытается достать деньги для игры. Для России, как и для любой страны, где долгое время не было казино и игровых автоматов, игромания может стать страшной проблемой. У нас просто нет психологического иммунитета к игре (Огонёк; 04.09.2006). Международная классификация заболеваний Десятого пересмотра (МКБ–10) определяет это расстройство личности и поведения «как расстройство привычек и влечений»*

[Ойхер 2007: 386]. Материал показывает, что для того, чтобы привычка не переросла в болезнь, у человека должен быть *психологический иммунитет к игре*.

Вследствие многих технологических «соблазнов» XXI века, необходимостью вписывания человека в рыночно-прагматический контекст современности формируется такая вредная привычка, как *малоподвижный образ жизни: Малоподвижный образ жизни – злейший враг здоровья. Но на физкультуру, как всегда, нет времени (АиФ; 28.06.2006); Все сейчас гонятся за деньгами, а здоровью уделяют мало времени, ведут малоподвижный образ жизни (АиФ; 22.02.2006)*. Правильная привычка *вести активный образ жизни* служит превентивной мерой практически для любой вредной.

Представим третье отличие. Приметой современности является иное (по сравнению с советским) отношение к Олимпийским играм, которые сегодня представляют собой, прежде всего, торжество профессионального спорта и красочного шоу: *Спортсмены – люди честолюбивые, для них собственное здоровье по сравнению с золотом – пыль под ногами. Может быть, есть что-то ущербное в том, что большой спорт стал не синонимом здорового образа жизни, а его антонимом? Спорт сегодня – не здоровье, а зрелище (КП, 15 февраля 2014)*. Лексическим маркером отличия является существительное *зрелище*, которое в постсоветском словаре обозначает «театральное или театрализованное, цирковое представление, **спортивные выступления**» (шрифтовое выделение наше. – А.П.) [ТСРЯ 2011: 378], в советском словаре только «театральное или театрализованное представление» [СРЯ 1978: 217]). Так, Олимпийские игры в 2014 году были связаны не только со здоровьем и физической культурой, как это было на Олимпийских играх–80. В постсоветское время олимпиада вернула свою первоначальную функцию, заложенную со времен античности, – представлять собой массовое зрелищное мероприятие.

Материал постсоветского времени фиксирует неоднозначное отношение к профессиональному спорту в аспекте здоровья: *Но здоровья-то*

большой спорт не добавляет... Конечно, каждая новая ступень в спорте – это чуть-чуть меньше здоровья (КП, 5 февраля 2014); *Трудно сказать, это спорт для здоровья или для того, чтобы его загубить...*(Огонёк; 29.06.1998); *Изнурительные занятия спортом хоть и приведут к улучшению спортивных показателей, но при этом ухудшат состояние здоровья* (Огонек; 02.04.2012); *...сам спорт здоровья не прибавляет. К концу карьеры многие атлеты становятся чуть ли не инвалидами* (АиФ; 13.06.2001). Лексема *спорт* в постсоветском словаре обозначает составную часть «физической культуры – комплекса физических упражнений для развития и укрепления организма, соревнования по таким упражнениям и комплексам, а также система организации и проведения этих соревнований» (шрифтовое выделение наше. – А.П.) [ТСРЯ 2011: 930], в советском словаре зафиксировано только следующее: «физические упражнения для развития и укрепления организма» [СРЯ 1978: 697]). В современных тестах СМИ фиксируется коллокация *профессиональный спорт: профессиональный спорт – это постоянные сверхнагрузки, от которых только вред здоровью* (АиФ; 24.11.2004).

В постсоветское время физическая сила профессиональных спортсменов стала меньше отождествляться с крепким здоровьем. Более того, появилась открытая информация о специальных средствах повышения физической силы. Лексемы *допинг, допинг-контроль, допинг-проба* не были нами зафиксированы в текстах, репрезентирующих советскую Олимпиаду. Между тем, в современных материалах 2014 года данные лексемы превалировали: *Куда мы пришли в своей гонке за результатами, если сообщение о допинге больше не удивляет, а удивляет, когда спортсмен добился всего без химии. Спорт сегодня – не здоровье, а зрелище* (КП, 15 февраля 2014).

12. **ЗОЖ: Здоровое питание.** Представим контексты, которые схожи с правильной «продуктовой корзиной» советского времени, в нее входят базовые продукты: *Капуста, горох, морковь, свекла – все это друзья вашего*

здоровья (АиФ; 01.06.1999); *На столе у людей всегда должны быть мед и пчелопродукты, это необходимо для здоровья* (Эксперт–Урал; 27.10.2008); а также другие единицы: *молочный белок, молочный сахар, молочный жир; полезные для здоровья ингредиенты; своё молоко и своё мясо; чистая вода*, кроме того, должен быть *рациональный состав пищи*. Как видно из контекстов, ядро набора продуктов сохраняется, «но на смену одной идеологии, политической, приходит другая, идеология потребления, что и определяет сочетаемость» [Кронгауз 2009: 354]. Так, например, меняется рамка презентации такого продукта как *овощи*. Вегетарианство («питание только растительной или растительной и молочной пищей» [ТСРЯ 2011: 77]) становится актуальным словом в постсоветское время: *...вегетарианство – весьма полезная для здоровья диета, если она подходит конкретно этому человеку* (АиФ; 27.08.1996); *Пассар готовит из овощей, но кухня у него не вегетарианская, он это делает не из соображений «витамины–калории–польза–здоровье» <...> овощ в тарелке солирует, все остальное аккомпанирует, а не наоборот <...> «Я с мясом работаю как со скульптурой, там фактура, материя. А с овощами – это живопись. Или акварель»* (Огонек; 29.10.2012). Контекстуальное окружение возвышает базовый продукт питания с помощью метафор: овощ *солирует*, сравнивается с живописью, акварелью. Важной становится эстетика потребления пищи. В контексте употребляется имя *Пассар*, которое принадлежит знаменитому шеф-повару, отмеченному почетной наградой в мире кулинарного искусства: тремя звездами Michelin.

Сети кафе и ресторанов быстрого обслуживания³ стали приметой начала перестройки: в них предлагались нестандартные блюда и привлекательный сервис, что «способствовало изменению многих

³ Ср. с понятием *ресторан* в СССР: такие заведения «расценивались не как столовые или пункты питания, а скорее, места праздного и праздничного времяпрепровождения, как увеселительные, развлекательные учреждения, где играла музыка, где пели и танцевали» [Похлебкин 2000: 150].

гастрономических привычек россиян» [Еда по-русски в зеркале языка 2013: 553], от которых на сегодняшний день многие уже чувствуют усталость: *...почему в нашей стране фаст-фуды, а в частности «McDonalds», пользуются такой популярностью, а также насколько это самое быстрое питание вредит здоровью людей* (Эксперт; 20.08.2003); *Я не люблю Кока-колу и Макдональдс — это невкусно и вредно для здоровья* (Эксперт–Урал; 19.06.2006). Из последнего оценочного суждения путем имплицатуры не трудно вывести скрытый смысл: в здоровое питание не входят указанные продукты, поскольку они вредны для здоровья.

С развитием науки и открытием границ стали появляться генетически модифицированные продукты: *...влияние на здоровье генетически модифицированных продуктов еще очень плохо изучено, и хотя некоторые западные торговые компании начали активно внедрять их в свой ассортимент, поскольку они дешевле, мы приняли твердое решение этого не делать* (АиФ; 26.02.2003), ср. с контекстами, манифестирующими генетически модифицированный продукт – сою: *...при этом соевую колбасу могут есть и люди, заботящиеся о своем здоровье, и вегетарианцы* (АиФ; 05.03.2003); *Соя! Она же вредна! – это уже слова обывателя, – даже на упаковках пишут: «Не содержит сои».* Такие реплики весьма точно характеризуют *отношение к соевой продукции в нашей стране – зачастую соя воспринимается как дешевый заменитель или нечто небезопасное для здоровья* (Эксперт; 24.09.2012); *...соевые «шницели», к которым вы, возможно, приучали себя долгие годы, вместо искомого здоровья вполне могут привести вас на больничную койку* (АиФ; 14.03.2001). Тексты СМИ фиксируют амбивалентные реакции по отношению к одному и тому же продукту. Атрибутив *соевый* находится в рамках одного высказывания с коллокацией *больничная койка*, что обуславливает отрицательное влияние пропагандируемого продукта на здоровье человека.

Подведем итоги.

Корпусный анализ текстов постсоветских СМИ, отражающих особенности модификации концепта *здоровье*, позволяет сформулировать выводы о смысловой динамике концепта в постсоветское время.

Любой медийный дискурс – это дискурс мировоззренческих ориентаций. Постсоветский дискурс потерял монолитность единого идеологического подхода. Его плюрализм не разрушает концептуальной структуры концепта *здоровье*, лишь модифицирует когнитивные признаки. Постсоветской эпохе присущ свой социокультурный эталон здоровья. Изменился характер субъекта, здорового человека: современный человек осознает ответственность за свое здоровье. Забота о своем здоровье направлена прежде всего на внешнюю сторону его проявления, которая может преобладать над внутренней. Демонстративность своего телесного Я – необходимая сторона успеха человека в век современных поверхностных коммуникаций, когда личность идентифицируют через внешний облик. В то же время усиливается ощущение собственного тела как телесной основы самопознания. Человек становится активным, творческим существом, свободным от внешнего воздействия, усиливается фактор самореализации личности.

Слом советского жизнеустройства, деформация его институтов, в том числе культуры, нанесли населению тяжёлую «культурную травму» (термин польского социолога П.Штомпки). Травма общественного сознания создает ощущение небезопасности, общего недоверия к государству: исчезает «традиция эгалитарного патернализма» и не сбываются «ожидания социальной защиты» [Штомпка 2001: 7], проявляются признаки ухудшения психического здоровья нации.

Происходит смещение нормативных установок, здоровье попадает в ряд инструментальных ценностей. Здоровье становится одним из компонентов нового современного понятия «качество жизни». Государство перекладывает расходы на здоровье на плечи населения, рыночные отношения в сфере здоровья делают здоровье своеобразным товаром.

Технизация современной жизни порождает новые вредные привычки: зависимость от компьютеров и других технических изобретений. Острыми проблемами современности становятся малоподвижный образ жизни и употребление наркотиков. Борьба за здоровый образ жизни становится напряженнее. Новые научные направления открывают новые возможности в укреплении здоровья, формируют новые представления о здоровье.

2.3. Актуальные признаки в советской и постсоветской социальной рекламе

В России расцвет социальной рекламы, обращенной к теме здоровья, приходится на советскую эпоху, когда руководство страны провозгласило одним из важных постулатов внутренней политики необходимость ведения здорового образа жизни и сохранения здоровья как общественно-значимой ценности. Советский плакат, отражая государственную идеологию, по сути, являлся аналогом современной социальной рекламы, поскольку, во-первых, представлял государственные и общественные интересы, во-вторых, «ядерным» для него видом являлся «речевой жанр призыва» к определенной поведенческой модели адресата, см.: [Рюмин 2012: 11–14]. На постсоветском пространстве социальная реклама получает новый виток своего развития, который связан, на наш взгляд, с несколькими моментами. Во-первых, на сегодняшний день активное распространение получила коммерческая реклама, которая нередко использует в своей основе социальную направленность: к примеру, известный слоган компании Dove гласил: *За истинную красоту!*, а невербальный ряд пропагандировал не анорексичную, а полноценную физическую красоту. Во-вторых, в современной России появились новые подходы к самой социальной рекламе: копирайтеры стали обращаться к зарубежному опыту, некоммерческая реклама стала оцениваться на специализированных фестивалях (например, французские *Каннские львы*), обсуждаться на авторитетных научных симпозиумах. Все это позволило социальной рекламе оттолкнуться от советских реалий, давших ей

жизнь, и показать новые подходы для привлечения внимания к актуальным проблемам в обществе, в том числе и к теме здоровья.

Исследователями предпринимались попытки изучения репрезентации концепта *здоровье* в дискурсе социальной рекламы в сравнительном аспекте с европейскими языками, см.: [Киреев 2008: 68–80; Тванба 2011: электронный ресурс], но при постоянном интересе к исследованию вербализации концепта *здоровье* в сравнительном языковом аспекте отсутствуют исследования, посвященные анализу концепта *здоровье* в разные периоды российской истории.

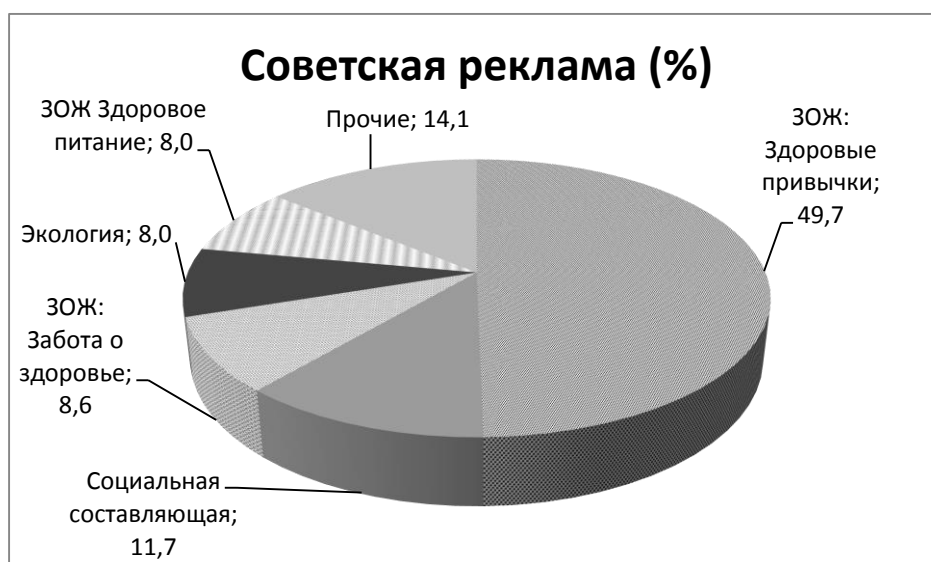
Для следующего этапа исследования источником языкового материала выступили слоганы советских и постсоветских плакатов социально-рекламной направленности с сопутствующими рисунками, дополняющими анализируемый текст. Нами было просмотрено свыше 2000 социальных реклам, из них было отобрано 479 единиц для анализа, содержащих обращение к концепту *здоровье*: 164 советских плаката, 100 российских современных социальных реклам. Для выявления общих современных тенденций развития рекламного дела нами также были взяты 215 текстов социальной рекламы стран Западной Европы и США в качестве сравнительного материала. Значительную часть картотеки занимают фотографии, сделанные на выставках, посвященных элементам советской жизни, проходивших в Екатеринбурге (2012–2014 гг.), а также на ежегодном региональном конкурсе социальной рекламы «Новый взгляд!» и на V Уральском конгрессе по здоровому образу жизни (2013 г.). Также привлекались архивные материалы Областного музея истории медицины Екатеринбурга. Кроме того, отбор материала проходил на основе данных 10 печатных альбомов, посвященных социальной рекламе в виде лозунговых плакатов советского периода всех указанных выше 4-х этапов, и интернет-источников, см.: [Выборов 2005; Демосфенова 1962; Денисовский 1970; Маяковский 1963; Морозов 2007; А. Снопков 2000; 2004; 2006; Толстой 2002;

Шлитков 1977; www. plakat.ru; www.gallerix.ru; www.sovietposters.ru; www.my-ussr.ru; www. retropost.ru; vse-ravno.net и др.].

Первые образцы социальной рекламы отличает яркость, наглядность, лаконичность изложения основной идеи. К ее созданию привлекались как маститые художники (В.Ф. Голованов; В.И. Говорков; А.Н. Комаров и др.), так и известные литераторы, которые часто придумывали конструкции слогана (В.В. Маяковский). Специфика советского плакатного слогана видится в его языковой лапидарности: советские идеологи ставили задачу при минимуме слов в простой форме отразить главную идею.

Представим полученные результаты в виде графического рисунка 3 и дальнейшей текстовой интерпретации. Сразу же оговоримся, что признак *Субъект состояния* не будет получать в данном и последующих параграфах процентного выражения, поскольку он встречается практически во всех взятых нами для анализа единицах и вследствие этого нередко выступает фоном для других признаков.

Рисунок 3. Актуализированные когнитивные признаки концепта *здоровье*, эксплицитированные в социальной рекламе советского времени.

1. *Субъект состояния*. Как и в текстах СМИ, нами отмечается обобщенность субъекта и наделение человека ролью «винтика» государственной машины» [Купина 1995: 5]: *Наши силы неисчислимы;*

Трудящимся – здоровый отдых; Зеленые насаждения – здоровье нашего и будущих поколений!; Вырастим здоровый молодежь; Улучшим охрану здоровья трудящихся; Оздоровление масс есть верный источник к истинной и прекрасной жизни; Здоровое физически и духовно молодое поколение – вечный проводник идей коммунизма.

Кроме того, фиксируется признак носителя языка с указанием его социальной функции: *Колхозник – будь физкультурником!* (слоган поддерживается соответствующим невербальным рядом); *Пионер закаляет себя, каждый день делает физкультурную зарядку; Каждый школьник знает четко эту фразу наизусть: «Утром встал – зубная щетка, а за ней порошок»; Работница, борись за чистую столовую, за здоровую пищу; Советские физкультурники – гордость нашей страны; Здоровые родители – здоровое потомство; Митинг детей. Мы требуем здоровых родителей, чистого воздуха и света.*

Несмотря на то, что в советских слоганах встречаются глагольные формы 2 лица единственного числа, повелительные формы единственного числа, имплицитно включающие указание на личное местоимение *ты*, дружеского обращения лично к каждому, но включенные в контекст директивного авторитетного предписания они теряют свою функцию интимизации общения: *Будь физкультурницей!* (спортсменка несет на плече маленькую девочку), *Хочешь быть таким – тренируйся* (спортсмен, показывая свои мускулы, говорит эту фразу малышу); *Если хочешь быть здоров – закаляйся* (мужчина и мальчик растирают спины полотенцем), см. также об этом в [Numminen 2008].

2. **ЗОЖ: Здоровые привычки (49,7%).** В постановлении ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» говорится о том, что СМИ должны «воспитывать людей в духе трезвости» [<http://sovietwine.com/history/ukaz1.html>], поэтому здоровые привычки формируются на фоне призыва к отказу от привычек вредного свойства – *не употреблять алкоголь и не курить*. Советские слоганы представляют собой выводные суждения,

опирающиеся на идею возможных последствий: *Алкоголь – враг разума; Алкоголь губит жизнь; Алкоголь предрасполагает к болезням – не употребляйте спиртных напитков; Яд самогона отравляет здоровье трудящихся; Никотин – яд! Человек от папиросы не умирает, в виду небольших количеств никотина, вдыхаемого за раз. Но капля по капле долбит камень и потому здоровье курильщика, в конце концов, расстраивается* (становится «ненормальным, неисправным» [СРЯ 1978: 612]).

Частотным контекстуальным партнером в текстах подобного содержания становится лексема *вредный*, синонимом которой является прилагательное *нездоровый* [Евгеньева 2003, Т.1: 174]. Такие тексты могут содержать импликацию: если будешь и дальше придерживаться привычки, которая приносит вред, то будешь нездоровым, ср.: *Во вред здоровью, семьи, потомству* (об алкоголе); некоторые слоганы напрямую эксплицируют выводное суждение: *Курение табака – дорогое и вредное дело для здоровья и хозяйства*.

Вредным привычкам предлагается альтернатива: *Эта обнова мне к лицу* (в центре плаката бутылка белого вина, которая «меняет на себе» этикетку на сок), *Пейте на здоровье* (на бутылке из-под алкоголя наклеена этикетка «Виноградный сок»); *За здоровье!* (с одной стороны на картинке нарисована рюмка, с другой стороны – гантели); *Спирт с буквой «о» – сила, с буквой «и» – могила* (ребенок пишет на доске). В массовое сознание внедряется идея о том, что мало принять решение об отказе от всего, что подрывает здоровье, необходимо вредную привычку поменять на правильную. Представленные советские плакаты, несмотря на императивность слогана, не запугивают советских людей: невербальная часть текста чаще всего представлена в «доброй», карикатурной форме, см. рисунок 4.

Рисунок 4. Примеры советских социальных плакатов, эксплицирующих признак ЗОЖ: Здоровые привычки.

Государство использует социальные плакаты как «социомоделирующий инструмент, актуализируя темы и поведенческие коллизии» [Рюмин 2012: 16]. Труд провозглашался элементом здорового образа жизни, советский человек, не занимающийся трудовой деятельностью, сразу же получал ярлык «лоботряса» и «тунеядца», такой человек не мог априори признаваться здоровым членом общества. Только для трудящегося мог быть отдых после трудового дня, при этом акцент делался не на пассивном, а на активном отдыхе: *Трудящимся – здоровый отдых; Спорт – верный помощник в труде; Туризм – путь к здоровью*. Пропаганда важности двигательной активности для сохранения здоровья опирается на образное восприятие адресата: *Затевай с волнами спор, друг здоровья – водный спорт; Занимайтесь гребным и парусным спортом* (на картинке молодой человек атлетического телосложения гребет на лодке); *Солнце, воздух и вода множат силы для труда* (молодые люди спортивного телосложения с улыбкой держат шар); *Лыжные прогулки – это отдых, бодрость и здоровье* (карикатурно нарисован человек, катающийся на лыжах); *На зарядку встанешь, в труде не отстанешь; Утренняя гимнастика полезна в любом возрасте; На зарядку становись! Активный отдых – залог здоровья! Сдача норм ГТО – сила, ловкость, здоровье*. Ср. с отношением к физическим нагрузкам в дореволюционное время: интеллигентному человеку с положением в обществе заниматься гимнастикой было несолидно [Игнатенко 2013: 21].

К правильным привычкам также относится чистоплотность, ее важность формулировалась как в абстрактных сентенциях: *Чистота – основа здоровья; Личная гигиена – залог здоровья*, так и в дидактических. Во-первых, советские слоганы представляют собой инструкции, как следует вести себя в общественном месте: *Не бери в рот чужих стаканов, ложек, вилок, окурков и пр.; Не вытирайся полотенцем чужим, могли и больные пользоваться им; Кто свое здоровье любит, грязь кому нелегко – наблюдайте, чтобы в клубе соблюдали чистоту; Долой рукопожатия! Без рукопожатий встречайте друг друга и проводите; Здорово! А здоров ли ты?* (на картинке изображена рука человека, которая тянется к рукопожатия, но она вся покрыта микробами). Во-вторых, регламентировалось и поведение советского человека в собственном доме: *Убирайте помещение влажным способом; Убирайте комнату, чтоб она блестела. В чистой комнате – чистое тело; С одежды грязь доставляется на дом. Одежду лежать на кровати не надо; В грязном жилище легко возникают болезни – соблюдайте чистоту в жилище; Вытрите ноги!!! Забыли разве, – несете с улицы разную грязь вы; Ежедневно пол мы будем мокрой тряпкой протирать, стыдно нам, свободным людям, пыль заразную глотать!; Запомните – надо спать в проветренной комнате; Нельзя человека закупорить в ящик, жилище проветривай лучше и чаще.*

Излишнюю директивность сентенций смягчали слоганы стихотворной формы, которые легко запоминались: *Эй, болезни, надоели, вызываем вас на бой – пол мы будем раз в неделю мыть горячей водой*. В шутовском слогане встречается типичная для советской дискурсивной практики военная метафора *вызывать на бой*. Использование типовых лексем милитаристской семантики, характерных для русского языка советской эпохи, способствовало внедрению в сознание советского человека установок, направленных на классовую борьбу с врагом. В то же время необходимо указать, что активное использование военной метафоры носит вневременной характер, поскольку «отражает традиционную для русской ментальности предрасположенность к

сильным чувствам и решительным действиям», подчеркивая, что подобная метафора «часто обладает положительной эмоциональной окраской». [Чудинов 2001: 112].

В-третьих, часть советских плакатов апеллирует к целевой аудитории молодых матерей, обучая необходимым навыкам, направленных на укрепление здоровья их малышей: *Кормите ребенка грудью: молоко матери – лучшая пища для грудного ребенка; Чистота – главное в уходе за новорожденным.*

Наш материал показывает, что слоганы советской социальной рекламы преимущественно опираются на глагольные формы повелительного наклонения, на побудительные конструкции с модальностью должествования, ср. в архивном документе доклада В.В. Маяковского о художественной пропаганде на Первом Всероссийском съезде работников РОСТА отмечается: важно, чтобы ударность идей не ослаблялась бы туманностью и запутанностью формы [Маяковский 1959, Т. 12: 240–241]: *Зубы чисть* дважды в день. Каждое утро и каждый вечер!; *Берегите зубы!*; *Ребятам обязательно чистить зубы тщательно; Ежедневно обувь и платье чисть и очищай от грязи пятен; Грязные руки грозят бедой. Чтоб хворь тебя не сломила – будь культурен: перед едой мой руки мылом; Грязные руки – источник заразы. Мой руки после работы и перед едой; Товарищи, мылом и водой мойте руки перед едой; Содержите руки в чистоте; Воды – не бойся, ежедневно мойся; Культурная привычка, приобрети ее – ходи еженедельно в баню и меняй белье; Иди в баню после работы.* «Даваемый сегодня совсем по другому поводу совет «Иди в баню» воспринимался тогда без задних мыслей, а как полезное руководство к действию» [Савельева 2006: электронный ресурс].

На советских плакатах можно было встретить информацию не только о том, что следует считать здоровой пищей, но и как ее следует потреблять: *Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу* – данный плакат можно было встретить в советских столовых, см. об этом в [Николайшвили

2008: 34]. Лексический сигнал *общество* указывает на импликатуру: ты член советского сообщества, и вся твоя поведенческая программа, включающая повседневные здоровые привычки, идет на пользу этого общества. Прочитывается и другой скрытый смысл *долга перед обществом*: ты во всем должен соответствовать нормам социалистического общежития, только тогда ты полезен.

3. **Социальная составляющая здоровья (11,7%).** Стержнем всех советских плакатов, манифестирующих концепт *здоровье*, был образ крепкого труженика, способного выполнять и перевыполнять установленный план: ***Здоровый рабочий – лучшая опора диктатуры пролетариата***; нового советского человека, воплощающего гармоничный идеал: ***Здоровое физически и духовно молодое поколение – вечный проводник идей коммунизма***.

Советские плакаты призывали: важно быть сознательным членом общества: ***Быть донором – великая честь для патриота*** («человек, преданный интересам какого-н. дела, горячо любящий что-то» [СРЯ 1978: 453]); ***Спасибо донору! Вступайте в ряды доноров! Кровь донора спасает жизнь!***; ***Донор! Твоя кровь – всем смертям бой!*** Лексема *донор* контекстно связана с лексемами ценностной семантики *патриот, честь, спасает жизнь*: именно такого человека будут уважать, который не жалеет самого ценного в своем организме – крови – для спасения других людей. На высокую степень эмоциональной окрашенности лозунгов указывает частотность восклицательных предложений.

Наш материал также показывает значимость профилактических мероприятий, которые обеспечивались государством: ***Улучшим охрану здоровья трудящихся***; ***Граждане СССР имеют право на охрану здоровья***; ***Своевременная вакцинация предотвращает вирусные заболевания***; ***Диспансеризация – метод контроля за вашим здоровьем***. Уточним семантику контекстных партнеров репрезентантов здоровья, подчеркивающих важность профилактики: глаголы *предотвратить* –

«заранее отворотить, устранить» [там же: 533], *иметь* – «обладать, располагать» [там же: 227], глагол *улучшить* мотивирован оценочным прилагательным *лучший*.

4. **ЗОЖ: Забота о здоровье (8,6%)**. Советские идеологи, призывая граждан уделять повышенное внимание профилактике, с помощью социальных плакатов конкретизировали основные элементы данного понятия. Во-первых, нужно было принимать витамины: ***Витамины – источник здоровья; Витамины помогают стать здоровым, сильным, выносливым.*** Во-вторых, в неявном виде транслировалась идея чистоты с позиции профилактики: ***Вошь разносит сыпной тиф: береги себя, береги коллектив.*** Последнее высказывание содержит импликацию, основанную на причинно-следственных связях: нужно беречь себя (соблюдать гигиену), чтобы не заразиться педикулезом, чтобы не потерять здоровье. Обращает на себя внимание повтор словосочетания, включающего форму повелительного наклонения глагола *береги*. Зависимый компонент словосочетания варьируется, подчеркивая ответственность не только за свое здоровье, но и за коллективную общность, членом которого является индивид.

Плакаты того времени указывают на важность моногамных отношений, ведется просветительская работа среди молодежи о возможных последствиях сексуальных отношений: ***Лучше предупредить беременность, чем искусственно ее прерывать. Аборт вреден для здоровья! Случайные половые сношения – главный источник распространения венерических заболеваний; Случайная связь промелькнет как зарница, а после, быть может, болезнь и больница.*** Последний слоган носит явно морализаторский характер. С одной стороны, *случайная связь* как недостойное для советского человека отступление от норм морали и этики смягчается поэтическим сравнением *промелькнет как зарница* («отдаленная мгновенная вспышка на небосклоне» [там же: 202]), указывающим на кратковременный взрыв положительных эмоций, делающих жизнь ярче. С другой стороны, показана неотвратимость наказания за это нарушение и возможный результат *болезнь*

и больница. В просветительской работе, особенно с молодежью, действует принцип: предупрежден – значит вооружен.

5. *Экология (8,0%)*. Наш материал показывает, что в советское время дом и улица воспринималось как единое целое: *Улица и двор – часть вашего жилища: содержите в чистоте, озеленяйте их; Чистота на улице – здоровье в доме; Долг всех трудящихся – привести каждый дом, каждую улицу в образцовое санитарное состояние. Наша задача – создать зеленый здоровый город.* Значимое место по охране окружающей среды отдается населению страны – это *долг трудящихся* привести окружающее их пространство в *образцовое* состояние. Тексты следующих слоганов предлагают мотивировочные основания для этого: *Зеленые насаждения – здоровье нашего и будущих поколений! Берегите природу – источник жизни, бодрости, здоровья! Берегите птиц – они санитары леса! Зеленый друг сохраняет здоровье. За социалистическую кузницу здоровья. За пролетарский парк культуры и отдыха; За оздоровление окружающей среды!* В последних трех контекстах выявляется одна из типичных формул иллюкативной силы призыва. Формальным показателем призыва является форма существительного винительного падежа с предлогом *за*, значение которого «ради, во имя, в пользу кого-чего-н» [там же: 181]. А.Н. Баранов считает, что существенным грамматическим признаком таких призывов является использование номинализаций. Так, в призыве-лозунге *За оздоровление окружающей среды!* отглагольное существительное *оздоровление* – это «смысловая свертка ситуации» [Баранов 2007: 437], в которой кто-то оздоравливает окружающую среду. При этом опущение актантов ситуации совершенно естественно, так как адресант и адресат «деперсонифицированы, обобщены и аморфны» [там же]. Свойство номинализаций придается и тем именам, которые ими не были. *За социалистическую кузницу здоровья* – слово *кузница* – «место, где создается, формируется, подготавливается что-то важное, ценное» [СРЯ 1978: 285] – в контексте призыва получает характеристики номинализации: имеется в виду

призыв создавать места, где укрепляется здоровье. Такую же импликацию можно выявить и в следующем лозунге: *За пролетарский парк культуры и отдыха*, где парк – то место, в котором человек сможет культурно отдохнуть, поправить здоровье.

С опорой на «Синтаксический словарь» Г.А. Золотовой эти лозунги могут получить и другую интерпретацию: их можно представить как усеченную форму глагольных предложений, «выражающих идею борьбы» [Золотова 1988: 184] (надо **бороться**) *за оздоровление окружающей среды, за социалистическую кузницу здоровья, за пролетарский парк культуры и отдыха*. Последний взгляд на формулы-призывы хорошо укладывается в общую характеристику тоталитарного языка как системы, включающей активное использование военной метафоры.

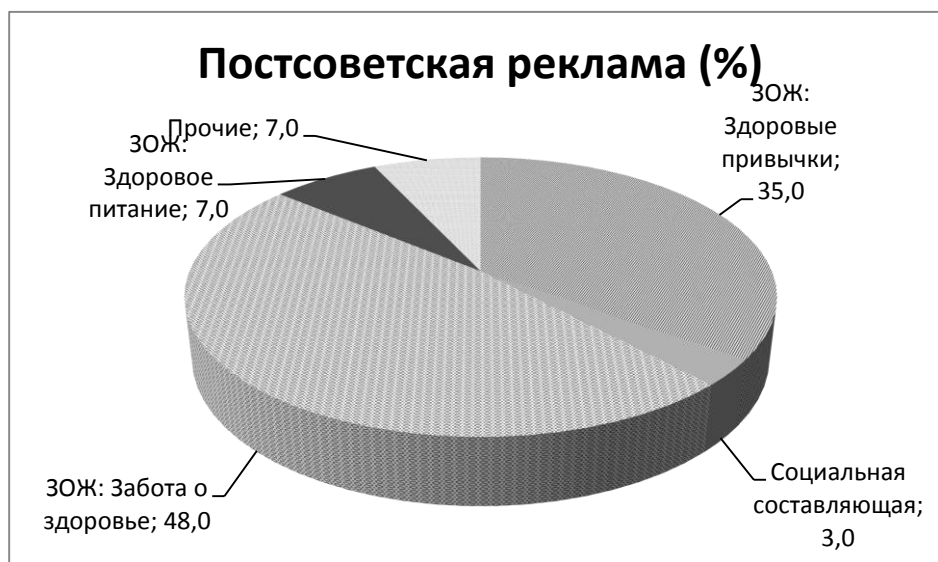
6. **ЗОЖ: Здоровое питание (8,0%)**. Домашняя кухня на протяжении всей советской эпохи считалась необходимостью, см.: [Вайс 2003: 137], наибольшую актуализацию в советских слоганах получили такие продукты, как мед, овощи, фрукты, рыбий жир, чай: *Мед – диетический продукт; Во фруктах и овощах питательности масса. Ешьте больше зелени и меньше мяса; Мед полезен спортсменам: Пейте чай! Это очень полезный продукт*. Встречаются также стихотворные сентенции: *Морковку зайчики едят, стать сильными они хотят./ Они, наверное, и ребят морковкой сладкой угостят. / В уютном гнездышке птенцы пью рыбий жир – вот молодцы! / Раскрыли клювики и ждут. / Захочешь – и тебе дадут*. Общий контекстуальный смысл *полезность* олицетворяет «новый критерий пролетарского вкуса по отношению к еде в противовес чувственному удовольствию» [Сохань 2010: 66]. Только в слогане, ориентированном на детскую аудиторию, можно встретить отсылку к *сладкому вкусу: морковкой сладкой угостят*, который нивелируется указанием на следующий полезный продукт *рыбий жир*. Поставленные в один текстовый синтагматический ряд словосочетания *сладкая морковка* и *рыбий жир* должны, по замыслу авторов

слогана, подсластить вкусовые ощущения не любимого детьми рыбьего жира.

Дома, где угощают «правильными блюдами», *прославляют: Я прославляю каждый дом, где угощают молоком.* Молоко становится знаковым продуктом, уменьшающим воздействие вредной привычки: *Бутылка молока нейтрализует яд трех папирос.* Делается акцент и на градации здорового питания: *Толстеть – значит стареть (питайтесь разнообразно, регулярно, умеренно); Из смешанной пищи организм усваивает до 85% питательных веществ (Примерный суточный паек рабочего при средней работе).* «Гражданин, делегировав власти заботу о своем физическом благополучии, знает, что всегда будет накормлен в соответствии с новейшими научными выводами» [Сохань 2010: 65], см. в последнем примере отсылку к точному числу – 85%. Советская социальная реклама, нашедшая свое отражение в социальных плакатах, являлась мощным рупором идеологической пропаганды, реализуемой на разных информационных площадках.

Представим специфику актуализированных когнитивных признаков концепта *здоровье* современного периода, см. графический рисунок 5.

Рисунок 5. Актуализированные когнитивные признаки концепта *здоровье*, эксплицированные в социальной рекламе постсоветского времени.

1. **Субъект состояния.** В современной социальной рекламе упор делается не на обезличенного человека, носителя социальной функции (трудящегося), а на индивидуальность, самость (самодостаточность) конкретной личности. В роли активного субъекта в предикативной основе выступает, во-первых, личное местоимение **я**: **Я здорова** (на плакате улыбающаяся девушка); **Я-ЗА! Здоровый образ жизни**; **Я выбираю лестницу**, во-вторых, частотны местоимения **ты** и **твой**: *Все еще думаешь, что о твоём здоровье должен беспокоиться кто-то другой?; Если ты куришь, то, скорее всего, твои зубы оставляют желать лучшего; Твое здоровье – в твоих руках*; в-третьих, простота, а иногда и фамильярность обращения к адресату советского слогана трансформируется в современных условиях в уважительную по отношению к адресату форму вежливого обращения на **Вы**: *...и убедитесь, что Вы здоровы!; После того, как Вы погасите последнюю сигарету, Вы становитесь здоровее; Регулярное прохождение диспансеризации позволит Вам....*

Произошла трансформация адресата рекламного послания. Современный адресат – конкретный субъект со свободой личного выбора в отличие от советского адресата – члена коллективного сообщества (*народа*) с установками, заданными социально-культурными нормами того времени.

2. **ЗОЖ: Здоровые привычки (35,0%).** Так же, как и в советское время, актуализированными признаками остаются признаки ЗОЖ, выраженные в призывах *не курить* и *не употреблять алкоголь*, но к этому списку добавляется еще одна вредная привычка, с которой нужно бороться: *не употреблять наркотиков*.

В современных рекламных текстах меняется форма манифестации данного признака. Активно внедряется шоковая социальная реклама, которую российские копирайтеры позаимствовали у западных коллег, см., например, иллюстрации: [www.vse-ravno.net]. В настоящее время одним из обсуждаемых вопросов является степень допустимости и границы использования в рекламе подобного направления, вызывающего сильные эмоциональные переживания и потрясения, см. об этом: [Макаров 2013]. В слоганах используются лексемы с отрицательной семантикой, провоцирующие тревожное состояние субъекта, читающего текст. Вербальный ряд поддержан рядом визуальным: *Здоровый образ жизни. Места для него все меньше и меньше* (нарисована тлеющая сигарета, а на ней мальчики играют в футбол); *Здоровье. Наркотики сожгут его. Зажигай по жизни! А не прожигай свои легкие!* В последнем примере слоган строится с опорой на семантическую оппозицию однокоренных слов: *зажигай – прожигай*. *Прожигать* означает «сделать в чем-н. дыру огнем, чем-н. едим» [ТСРЯ 2011: 752], лексема *зажигать* в молодежном жаргоне – «начинать веселиться» [МСТС 2009: 247] Воздействующий эффект рекламного текста – обыгрывание употребления одного корня *жиг-* в составе лексем с антонимичной семантикой, при этом первая часть слогана *Зажигай по жизни!* (девиз молодежных тусовок) определяет предполагаемую целевую аудиторию.

Невербальный ряд современной социальной рекламы, например, о вреде курения чаще всего сопровождается фотографиями черных

изуродованных легких или прижиганием сигаретой частей человека⁴. По мнению специалистов, социальная реклама – это отражение нашей жизни: из 5 новостей, размещенных на скриншоте информационных интернет-порталов, чаще всего только одна будет хорошей, см.: [Стенограмма круглого стола 2013]. Другими словами, человек, ежедневно находясь в телевизионном и интернет-пространстве «в эпицентре страданий», привыкает к этому фону жизни, и социальная реклама, чтобы не уступить по силе воздействия и привлечь внимание адресатов, должна соотноситься с тенденциями остального медиапространства, в рекламные тексты включается тревожная лексика [Ведрева 2006: 141–155] и устрашающий невербальный изобразительный ряд. Например, слоган одной из реклам гласит: *Я умер из-за курения*. Невербальный ряд показывает реципиенту рекламы с правой стороны лицо молодого, здорового человека, с левой стороны – обезображенную часть кожи и череп умершего человека⁵. Кроме вербального сигнала, лексическим маркером имплицатуры рекламного текста выступает предлог *из-за*, обозначающий «по причине чего-н., по вине» [ТСРЯ 2011: 291]: если бы я не курил, то не умер бы в молодом возрасте, поэтому не курите, не следуйте моему примеру.

Отметим другую особенность. Современная реклама, как и в советское время, предлагает альтернативу, но на другой основе: жизнь без сигарет – это не только здоровье, но и обретение других ценностей:

– красоты: *Если ты куришь, то скорее всего твои зубы оставляют желать лучшего; Будьте красивыми и здоровыми! Будьте собой! Будьте уверены в себе* (на плакате нарисована перечеркнутая сигарета). Первый

⁴ Например, широкий резонанс вызвала реклама социального проекта «Всё равно?!», где был изображен лежащий на животике грудной беззащитный ребенок, о спину которого тушится зажженная сигарета, реклама сопровождалась слоганом: *Курить в присутствии ребенка – еще большая пытка* («физическое насилие» [ТСРЯ 2011: 782]) для него.

⁵ Приведем иллюстрацию зарубежного опыта рекламы: «антитабачная реклама Массачусетского департамента здравоохранения в своей социальной рекламе использовала персонажи, взятые именно из коммерческой рекламы табака, только по прошествии многих лет: так, пожилая модель, призывающая в юности начать курить, хриплым голосом призывает прекратить курение сейчас» [Пискунова 2004: электронный ресурс].

контекст представляет собой способ конкретизации по типу «если...то», выражающий «обусловленность чем-н. известным, подразумеваемым» [ТСРЯ 2011: 226]. Второй контекст имплицитно выражает этот же смысл: если человек бросит вредную привычку, то станет красивым и здоровым;

– хорошего самочувствия: *Тот, кто бросил пить вчера, чувствует себя прекра...; Будь выше сигареты! Плюс 10 лет жизни. Так и должно быть. Если ты бросил курить; После того, как Вы погасите последнюю сигарету, вы становитесь здоровее;*

– материальной выгоды: *20 тысяч рублей в год. Выбор за тобой* (на плакате мы видим фотографию здорового мальчика с мячом и рядом мужчину, у которого видны черные легкие); Материальная выгода как весомый аргумент в социальной рекламе начинает отмечаться только в постсоветское время.

В нашем материале фиксируется использование частушек: *Сигаретная забава нынче вовсе не по мне. Я курение оставил – на здоровой я волне. Э-э-э-эх!; Забросали все бычками, задымили все вокруг. Хорошо, я не курильщик, своему здоровью – друг! Эх-ма!*

Нередко современные копирайтеры обращаются к графическим окказионализмам – словам с необычной графикой, «являющимся результатом неканонического использования графо-орфографических средств языка» [Вепова 2011: 243]: *Выделяться из толпы сложно. Но очень здорОво!, ПьяТница погубит субботу* (буква Т заменена картинкой штопора). К тому же последняя анализируемая единица представляет собой лексический окказионализм, образованный на базе формального сходства двух единиц *пятница* и *пьяница*, на созвучии корневой морфемы *пят-* производного слова *пятница* и глагольной основы *пья-* производного *пьяница*.

К правильным привычкам по-прежнему относится физическая активность: *Педали нужно не нажимать, их нужно крутить; Я выбираю лестницу!* *Выбор за тобой* (на плакате нарисован крепкий, накаченный

мужчина и худой мужчина); **Повышение физической активности** позволит Вам **сохранить здоровье на долгие годы**. По сравнению с советским временем зафиксирован всего лишь один контекст с лексемой *спорт*: **Спорт открывает возможности твоего тела. Совершайте новые открытия. И пусть это НЕ будет очередная бутылка водки**. Один из излюбленных приемов современного рекламного текста – использование языковой игры. Так, в последнем тексте обыгрывается лексическая сочетаемость глагола *открыть* и производного *открытие*: парадоксальность текста опирается на разные значения слова при сочетании с абстрактным и конкретным существительными: **открыть возможности** и **открыть бутылку**.

3. **ЗОЖ: Забота о здоровье (48,0%)**. Забота о здоровье по-прежнему связана с пропагандой профилактики: **Все еще думаешь, что о твоём здоровье должен беспокоиться кто-то другой? Позаботиться о себе сам – пройди диспансеризацию!**; **Наши легкие заслуживают внимания! Только флюорография может выявить заболевания легких на ранних стадиях!**; **Какой осмотр важнее? Пройди бесплатную диспансеризацию!** (на плакате нарисованы детали машины и органы человека). Приметой современного текста является подчеркивание бесплатности предлагаемой профилактической услуги (**бесплатная диспансеризация**) и посыл рекламного текста к адресату, напоминающий о том, что гарантией здоровья выступает не государство, а сам человек (**Позаботиться о себе сам; Все еще думаешь, что о твоём здоровье должен беспокоиться кто-то другой?**). В последнем слогане это напоминание о смене идеологической парадигмы присутствует в форме риторического вопроса.

Тем не менее, российское государство по-прежнему одним из приоритетов государственного строительства считает заботу о здоровье нации. Прототипами советских профилакториев на сегодняшний день являются центры здоровья, в которых регулярно проводятся массовые акции профилактической направленности, в рамках которых гражданам предлагают пройти бесплатное комплексное обследование. Подобные мероприятия

анонсируются следующим слоганами на плакатах: *Проверь свои легкие!*; *Узнай свой ВИЧ-статус!* и др.

4. **Социальная составляющая здоровья (3,0%).** Воздействие социума, проводимая государственная политика в отношении здоровья – эти факторы получают меньшее отражение в современном рекламном дискурсе по сравнению с советской рекламой. При экспликации данного признака нами фиксируется усиление интерактивного начала, которое копирует зарубежный опыт⁶. Обратимся к практике специализированного учреждения «Служба крови». Так, в 2010 году одна из рекламных компаний была построена на основе прямой связи с конкретным адресатом: каждому сдавшему кровь, выдавали специальный флаер участника мероприятия «Спасибо, донор!», который служил приглашением на праздничное мероприятие. Можно отметить, что слоган *Спасибо, донор!* является ретроспективной отсылкой к советскому слогану, поменявшему свое внутреннее наполнение. Во-первых, в современном тексте можно встретить обращение к прагматической стороне благотворительного дела: «быть донором – это значит получить регулярный контроль за своим здоровьем, сдавая кровь, вы знаете, что здоровы» (Служба крови). Во-вторых, интерактивная связь с донором делает его активным участником процесса, нейтрализуя пассивную семантику лексемы *донор* – «человек, дающий свою кровь для переливания» [ТСРЯ 2011: 210].

Проблема пристрастия к курению, о которой мы уже говорили, чаще других (употребление алкоголя, наркотиков) эксплицируются через социальную составляющую анализируемого концепта: ***Здоровая молодежь – здоровая Россия! «Личным примером нужно бороться!» И не только членам правительства*** (нарисован знак, в котором сигарета перечеркнута). Как и в советское время, в пространстве рекламного текста присутствует лексика борьбы, но с другим контекстным содержанием: борьба

⁶ Приведем пример рекламы подобного типа: заявленная проблема – в Берлине вымирают деревья (а значит, ухудшается экологическая ситуация, здоровье жителей). Если человек перечислял деньги в пользу охраны зеленых насаждений, то он получал СМС от дерева: «Спасибо вам большое» [Стенограмма круглого стола 2013].

перемещается в сферу личного *личным примером*, т.е. «осуществляемым самим, непосредственно данным лицом, данной личностью» [там же: 412]. Советская обобщенность, деперсонализация адресата рекламного текста создавала имплицитный образ внешнего врага, идентификация адресата с конкретной личностью переносит образ врага во внутренний мир субъекта: он борется сам с собой, со своими вредными привычками.

5. Градуальность состояния: Здоровье / Нездоровье (7,0%).

Современного человека, считающего себя практически здоровым, убедить отказаться от, казалось бы, невинных привычек иногда выпить, покурить в свое удовольствие, достаточно трудно с помощью традиционных приемов воздействия. Перед копирайтерами всех времен и народов всегда стоит трудная задача – привлечь внимание потребителя и удивить его. Наш материал дает возможность обнаружить новый вид рекламного текста, возникший в современных условиях, – социальную антирекламу, пропагандирующую образ жизни с вредными привычками: *Акция «С пивом по жизни», участникам импотенция в подарок; Выиграй путевку в онкологический диспансер: больше сигарет – больше шансов!; Курите больше, освобождайте место для китайцев!; Купите себе бесплодие; Купите себе импотенцию* (тексты написаны на сигарете).

Используемый прием – доказательство от обратного (противного) – один из часто используемых методов в математике и логике. Сочетание в тексте неожиданности и интриги, приправленное юмором, должно приводить к ожидаемой реакции типа «Ух ты, я никогда об этом не думал в таком направлении». Все это делает данную антирекламу эффективной и свежей.

Но творческий опыт подобного воздействия на адресата не нов, в создании антирекламы мы видим тиражирование приема, примененного детскими писателями в «Празднике непослушания» (1971 г.) Сергея Михалкова и «Вредных советах» (1990 г.) Григория Остера. У Г. Остера прослеживается прямая аналогия с антирекламой здорового образа жизни: *Никогда не мойте руки, / Шею, уши и лицо./ Это глупое занятие / Не*

приводит ни к чему./ Вновь испачкаются руки,/ Шея, уши и лицо,/ Так зачем же тратить силы, / Время попусту терять./ Стричься тоже бесполезно,/ Никакого смысла нет. / К старости сама собою / Облысеет голова. Добрый юмор может быть подан автором с элементами детской страшилки: Если всей семьей купаться / Вы отправились к реке, / Не мешайте папе с мамой / Загорать на берегу. / Не устраивайте крика, / Дайте взрослым отдохнуть. / Ни к кому не приставай, / Постарайтесь утонуть. Приемы черного юмора есть и в анализируемой рекламе: Купите себе бесплодие; Освобождайте место для китайцев; Выиграй путевку в онкологический диспансер.

Подведем итоги.

Для советских социальных плакатов характерна лапидарность и элементарная простота предлагаемых предписаний. Обучение идет с помощью прямых форм побудительных конструкций – включением в структуру высказывания императивных глаголов и модальной лексики долженствования. Тексты фиксируют обобщенность, а отсюда – обезличенность субъекта, наделенного, тем не менее, социальной функцией – крепкого труженика, образцового гражданина страны Советов. Основной акцент в пропаганде здорового образа жизни делается на внедрение в сознание советских людей здоровых (правильных) привычек и четком противопоставлении их плохим. Советские плакаты, несмотря на императивность формулировки дидактических предписаний, не запугивают людей, невербальная часть текста чаще всего представлена в карикатурной форме. Актуализированными признаками концепта *здоровье*, транслируемыми в советских рекламных текстах социальной направленности, являются **ЗОЖ: Здоровые привычки; Социальная составляющая, ЗОЖ: Забота о здоровье, ЗОЖ: Здоровое питание, Экология.**

В постсоветских социальных плакатах фиксируется индивидуализация субъекта с помощью местоимений *я, ты, Вы*. Современная русскоязычная социальная реклама активно перенимает зарубежный опыт. Развивается

шоковая реклама, строящаяся на словесном приеме от обратного (противного) и включении устрашающего невербального ряда. Проявляется нацеленность современных российских копирайтеров на поиски интерактивной связи с адресатом, на порождение субъект-субъектных отношений адресанта и адресата рекламной коммуникации. Приемы речевого воздействия усложняются: создатели рекламы уходят от простых императивных форм, «бьющих в лоб», к более сложным элементам творчества – языковой игре, использующей многозначность слова, окказиональные словообразовательные средства, графический облик слова. Актуализированными признаками концепта *здоровье* являются **ЗОЖ: Здоровые привычки; Социальная составляющая, ЗОЖ: Забота о здоровье, Градуальность состояния: Здоровье / Нездоровье.**

2.4. Актуальные признаки в советской и постсоветской коммерческой рекламе

Коммерческая реклама в СССР – составная часть идеологической пропаганды, поскольку представляла собой систему «аргументов, подкрепленных соответствующей символикой, с явной обозначенными социальными и политическими приоритетами» [Иванова 2008: 30]. Во многом коммерческая реклама советского времени стала прототипом современной наружной рекламы: «возрождение рыночной экономики определяло лицо города» [Сазиков 2013: 75], при этом происходило имплицитное внедрение важных идеологических смыслов в сознание людей.

Современная коммерческая реклама вышла из-под тотального идеологического контроля, но все также оказывает «многоаспектное влияние на сознание и поведение человека, его представления и оценки» [Хавторина 2011: 3]. Особенно это заметно в наружной рекламе – в «речевой одежде» [Китайгородская 2010: 30] улиц, которая «приватизирует весь представленный ей урбанистический ландшафт, претендуя на роль главного

события в городской повседневности» [Аллахвердиева 2009: электронный ресурс].

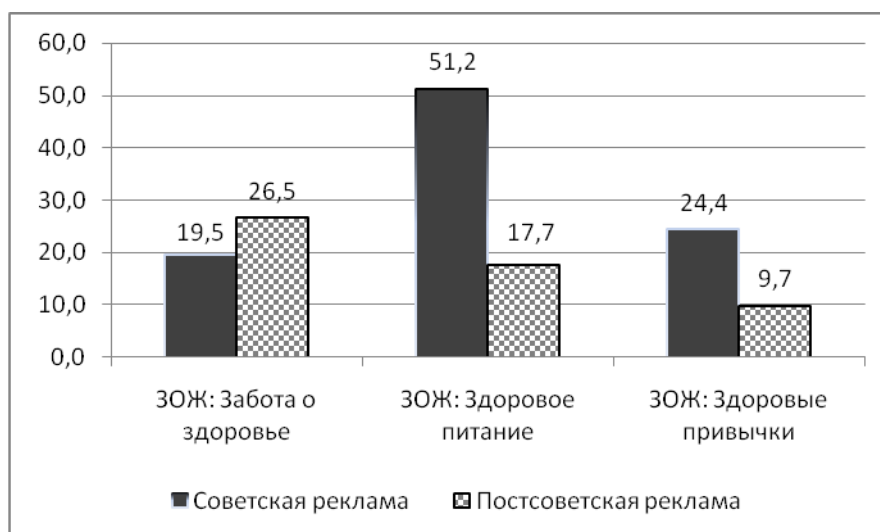
В основе рекламы всегда лежат ценностные ориентиры, поэтому в коммерческой рекламе советского и постсоветского времени происходит частотное обращение к концепту *здоровье* ввиду его витальности и значимости: «здоровье, пожалуй, самый востребованный «товар», если хотите, «капитал» конкретного человека» [Витужникова 2013: 51]. Изучение концепта *здоровье* в коммерческих рекламных текстах частично проводилось исследователями на печатном и телевизионном рекламном материале в синхронном аспекте, см.: [Аниськина 2014: 200–204; Булатова 2011: 14–22; Косова 2013: 261–270 и др.]. В фокусе нашего внимания оказались советские и постсоветские коммерческие рекламные тексты, относящиеся по типу представления к наружной рекламе. Нами было просмотрено свыше 1000 коммерческих реклам в городском пространстве, из них было отобрано 156 единиц для анализа, содержащих обращение к концепту *здоровье*: 41 советский плакат и 115 российских рекламных плакатов. Отбор советских контекстов для анализа проходил на основе данных 5 печатных альбомов и разного типа интернет-источников, посвященных торговой рекламе в виде лозунговых плакатов советского периода, см.: [Бабурина 2001; Глушко 2002; А. Снопков 2013; 2014; 2004; www.photoshare.ru; www.eso-online.ru; www.gallerix.ru; www.retrofonoteka.ru; и др.]. Отметим, что для анализа советской коммерческой рекламы нами выбирались значимые года ее становления: 1920–1930, частично 1950-е годы, поскольку в остальные годы «судьба советской рекламы вырисовывалась довольно туманно» [Вайс 2003: 110]. Современные контексты были отобраны в наружной рекламе г. Екатеринбурга (2009–2014 гг.).

Некоторые исследователи по теории рекламы предлагают различать товары повседневного, импульсивного, предварительного, особого и пассивного спроса, см. например: [Голубков 1998; Имшинецкая 2007: 110]. Дадим краткий комментарий указанным терминам. К товарам *повседневного*

спроса относятся те товары, которые покупатель приобретает без раздумий в виду их необходимости, например: продукты питания, журналы и газеты, средства личной гигиены и т.д. К товарам *импульсивной покупки* относятся чипсы, сухарики, сладости, поскольку покупка «может побуждаться краткосрочной эмоцией («увидел–захотел»)» [Имшинецкая 2007: 10]. Товары *предварительного выбора* в процессе покупки «сравнивают между собой по показателям пригодности, качества, цены и внешнего оформления» [там же], к ним относятся абонементы в фитнес-зал, одежда, мебель и др. К товарам *особого спроса* относятся товары с уникальными характеристиками, например, ювелирные украшения. К товарам *пассивного* спроса относятся медицинские услуги – «потребитель обычно не задумывается о них заранее» [там же].

Оттолкнувшись от представленной типологии рекламируемого товара и представим реализацию значимых когнитивных классификационных признаков в советских и постсоветских коммерческих текстах, см. графический рисунок 6.

Рисунок 6. Актуализированные когнитивные признаки концепта *здоровье*, представленные в коммерческой рекламе советского и постсоветского времени: сравнительный аспект (n=%)

Представим анализ когнитивных признаков, эксплицированных в советских коммерческих текстах.

1. **ЗОЖ: Здоровое питание (51,2%).** Слоганы данной группы относятся к товарам повседневного спроса. В анализируемых текстах, посвященных питанию, чаще всего мы видим презентацию продукции в виде картинки и ее вербальную номинацию (иногда с использованием стихотворной формы), название производителя в виде аббревиатуры (например, *Главконсерв*, *Главмолоко* и др.). Конкуренции в советское время не было и априори быть не могло, поэтому «продвигались не конкретные марки товаров, а их обобщенное наименование» [Романенко 2007: 62]: *Не откажусь я от кефира ни за какие блага мира (Главмолоко); Признаться вам: я глух и нем, когда сырок на завтрак ем (Главмолоко), Мороженое. Полезный и вкусный продукт (Росглавмолоко); Пейте натуральные соки (Главконсерв)* и др. Рекламные тексты советского времени можно представить формулой: «анонимный производитель М предлагает невидимому потребителю У безымянный продукт Z (выделено автором. – А.П.)» [Вайс 2003: 129]. Коммерческая реклама, по сути, выполняет социальную функцию: пропагандирует *натуральность* и *полезность* продукта.

В виде предписаний государство указывало советским людям, какие продукты должны войти в их обиход: *Пейте натуральные соки (Главконсерв); Консервы натуральные (Главконсерв); Цитрусовый сок. Натуральный напиток (Главконсерв); Пейте натуральные минеральные воды (Московская межобластная торговая база по сбыту минеральных вод); Детям всем полезен джем (Главконсерв); Зимой и летом вкусно и полезно мороженое (Главмолоко).* Кроме того, судя по рекламе, на столе должны были быть такие продукты правильного питания, как *геркулесовые каши, картофельные и кукурузные хлопья; какое, сидр, плавленые сырки, икра.* Рекламные тексты способны выступать «свидетельством эпохи – фиксировать отдельные феномены повседневной жизни, их оценку людьми, отражать общественные представления о должном и недолжном» [Воробьева

2008: 8]. Как видно из приведенных номинаций, в советское время правильное питание связывалось с не требующими домашней обработки фабричными пищевыми продуктами, ср. с понятием о должном питании в дореволюционное время, детально описанное в книге Ю.М. Лотмана, Е.А. Погосян «Великосветские обеды: Панорама столичной жизни» [Лотман 1996]. Домашняя еда заменялась принятием пищи в столовых.

2. **ЗОЖ: Здоровые привычки (24,4%).** Как уже отмечалось, цель советской коммерческой рекламы была «не столько продать товар, сколько воспитать грамотного покупателя» [Романенко 2007: 61], в том числе и знающего, как сохранить и приумножить свое здоровье. Так же, как и в социальной рекламе советского времени, фиксируем обилие глагольных конструкций с дидактической тональностью: ***Пользуйтесь зубным порошком. Чистые зубы – залог здоровья (Главпарфюмер); Пользуйтесь зубным порошком. Чистые зубы – залог здоровья (Главпарфюмер); Ребятам обязательно чистить зубы тщательно (Главпрафюмер).*** В последнем тексте контекстным уточнителем при глаголе *чистить* является наречие *обязательно*, обозначающее *предписание* [СРЯ 1978: 402], что усиливает и без того модальность должествования. Соблюдение элементарных правил чистоты пропагандировалось и имплицитно: *Лучших сосок не было и нет. Готов сосать до старых лет.* На первый взгляд, данный слоган не относится к рекламе, манифестирующей концепт *здоровье*, но приведем отрывок из выступления в Доме комсомола Красной Пресни 25 марта 1930 г. В.В. Маяковского, раскрывающего авторскую интенцию: «У меня есть стихотворение про соски – замечательные соски, «готов сосать до старости лет». Против этого были возражения, а я говорю, что если до сих пор в деревне кормят тряпкой ребятишек, то агитация за соски есть агитация за здоровую смену, за культуру» [Маяковский 1957, Т. 5: 461]. Рекламируемые товары относятся к товарам повседневного спроса.

3. **ЗОЖ: Забота о здоровье (19,5%).** В советское время забота о своем здоровье, судя по коммерческой рекламе, заключалась, во-первых, в

принятии витаминов для профилактики, во-вторых, в пребывании в период отпуска на курорте или в санатории. Концепт *здоровье* реализован, с одной стороны, в рекламе товаров пассивного спроса (*витамины*), с другой стороны, в рекламе товаров предварительного спроса (*санаторий*). Представим слоганы, репрезентирующие данный признак: *Поливитамины* (Союзвитаминыпром); *Витамин С. Витамины помогают стать здоровым, сильным, выносливым* (Главвитаминыпром); *Осенне-зимний сезон. На курортах СССР* (Главное курортное управление); *Объединение московских санаториев. Круглый год функционируют квалифицированные санатории* (Правление ОМС) и др. Лексический репрезентант *санаторий* представлен в контекстах с несколькими атрибутами: *квалифицированный* толкуется как «имеющий высокую квалификацию» [СРЯ 1978: 250] – «годность к какому-н. виду труда» [там же], кроме того, фиксируются прилагательные территориального характера: *московский; советский*.

Витамины необходимы всем. В предикативную основу высказывания, помимо лексического репрезентанта *витамин* входит краткая форма прилагательного *необходимы* – такие, без которых «нельзя обойтись» [там же: 371]. Распространяет основу дополнение, выраженное местоимением *всем*, которое демонстрирует мысль о том, что коммерческая реклама остается все той же социальной: словесные формулы становятся «предметом веры, а не рассуждения» (Л. Леви-Брюль), опираются на «сознательность человека, на преданность «великой идее» [Чернова 2013: 162–163]: необходимо оставаться здоровым, чтобы, прежде всего, работать на благо государства.

Проявление других когнитивных классификационных признаков не зафиксированы совсем, либо они не частотны (меньше 1%).

Проанализируем постсоветскую коммерческую рекламу. Концепт *здоровье* «очень показателен для современной материальной культуры, так как отражает один из его модных постулатов: современный человек должен быть здоров» [Реклама: язык, речь, общение 2013: 70]. Прагматическое

отношение людей к здоровью растет вместе с возможностью влиять на него через профилактическую медицину, специальную диету, образ жизни и т.д.

1. **ЗОЖ: Здоровое питание (17,7%).** Если в советское время из еды не делали культа, то в нынешних условиях «кулинария возводится в ранг искусства» [Литовская 2012: 218], которым занимаются и увлекаются почти все. Приходит осознание того, что приготовить вкусный и здоровый ужин в домашних условиях могут не только профессиональные повара в столовых, а, например, *жены, мамы: **Мамы знают, что полезно, а дети просто любят!*** (сыр Arla Natura); ***Приосколье для семьи и здоровья*** (фирма «Приосколье» (куриные окорочка); ***Для здоровья и для силы в мясе есть все витамины*** (фирма «Здоровая ферма» (продукты из курицы). В слоганах появляются лексемы *семья, мама*, коррелирующие с личной сферой субъекта, причем в первом контексте фиксируется ссылка на авторитетное мнение *мам*, которое в контексте выражено предикативной основой *мамы знают*.

Как показывают контексты, атрибутивы *полезный* и *натуральный* частотны, как и в советских слоганах о здоровом питании: ***Быть здоровым с помощью натуральной медовой продукции*** («Тенториум»); ***Сто процентов натуральные ингредиенты*** (томатный соус «Хайнц»); ***Зима будет полезной*** (ресторан «Планета суши»). В постсоветское время трансформируется смысл здорового питания, приобретающий коммерческое наполнение: ***Мы не кормим словами. Кормим здоровой свежей едой*** (кафе Лория); ***Для тех, кто ищет баланс между полезным и вкусным*** (йогурт «Активиа»). В советское время *свежая* пища подразумевалась априори: советская пищевая промышленность была «ориентирована только на заботу о человеке, ее цель – накормить трудящегося качественно и разнообразно» [Сохань 2010: 65], в современных реалиях употребление атрибутива *свежая* служит аргументом в пользу покупки. Выше отмечалось, что в советское время потребление пищи не связывалось с гедонистическим удовольствием, в современных контекстах понятия *вкусной* и *полезной* пищи находятся в *балансе*, «соотношении взаимно связанных показателей» [ТСРЯ 2011: 27], В продуктовых магазинах

следует покупать *мед, куриное мясо, крабовые палочки, йогурт, сыр, томатную пасту* – именно эти продукты позиционируются в рекламе как единицы здорового питания.

Рекламные слоганы также представляют магазины, где можно купить деликатесы и специализированные продукты для здорового питания: *«Диет Веган» – магазин здорового питания* (магазин «Диет Веган»); *Кислородные коктейли и травяные чаи для Вашего здоровья* (Травяная лавка – фитоцентр Гордеева М.В.); *Сто грамм для здоровья* (кисломолочные продукты «Уралбиомед»). Продукты выбираются тщательно и взвешенно, в том числе и в узкоспециализированных магазинах, поэтому мы относим продукты к товарам как повседневного, так и предварительного спроса.

2. **ЗОЖ: Здоровые привычки (9,7%).** В современной коммерческой рекламе приоритеты в области здоровых привычек меняются.

Во-первых, актуализируется важность здорового сна: *Мы знаем секрет здорового сна* (магазин «Ортопедия»), *Подарите своим родными близким крепкий сон, здоровье и комфорт!* (фирма Trelax); *Венетто. Ваш здоровый сон* (фирма «Венетто»). В данных рекламных слоганах словосочетание *крепкий сон*, помещенное в один перечислительный ряд с лексемами *здоровье* и *комфорт* («условия жизни, пребывания, обстановка, обеспечивающее удобство, спокойствие и уют» [там же: 356]), создает ассоциативную связь удовольствия от сна с состоянием здоровья. В постсоветском рекламном пространстве индивида «стремятся сделать заложником удовольствия» [Штайн 2008: 154]. Контекстуальное окружение также актуализирует положительную семантику: с помощью рекламируемого товара *здоровье можно подарить близким*, тому, с кем связан «тесным личным общением, дружбой, любовью» [ТСРЯ 2011: 49].

Во-вторых, с городских плакатов каждый день подчеркивается важность хорошей физической формы для здоровья: *Здоровье, сила, красота – тренажерный зал «Скала»* (тренажерный зал «Скала»); *Регулярно занимайтесь спортом! Победите свою лень и болезни! Ваше тело станет*

сильным, красивым и здоровым! (спортивный центр «Верх-Исетский»). Как видно из примеров, физическое здоровье встает в один ряд с такими абстрактными существительными, транслирующими положительную семантику, как *красота* и *сила*. Контекстуальные партнеры уточняют указанные выше лексемы: тело сможет стать таким, если человек будет тренироваться *регулярно*, сможет *победить лень* и *болезни*. Для достижения поставленных целей предлагается рекламируемый товар.

В качестве невербальной составляющей рекламного текста, посвященного физическому здоровью, можно видеть стройных девушек в обтягивающей одежде и накаченных мужчин, смотрящих на этих девушек, например: ***Будь в форме. Тренируйся у нас*** (фитнес-зал Fresh Fitness). Под существительным *форма* понимается «внешний вид» [там же: 1055], дается отсылка к тому, где у кого можно получить красивую внешность: *у нас*, т.е. в указанном фитнес-зале.

С помощью рекламы формируется образ того, как должен выглядеть успешный человек: быть стройным и подтянутым, красивым и сексуальным, например: ***Здоровая спина*** (реклама программы в фитнес-зале). На картинке изображена девушка, которая выполняет упражнение на укрепление мышц позвоночника, ее спина обнажена, на черно-белой фотографии видны перебивы света, которые можно интерпретировать как пот на ее спине. Постсоветская реклама часто основана на «пробуждении эротических чувств, полового инстинкта» [Штайн 2008: 162]. Важным для современного общества является внешность, соответствующая определенным стандартам. Именно внешние показатели придают человеку уверенность. Порицаемые отклонения от стандартов приносят ущерб самооценке человека, к потере уверенности в себе.

Концепт *здоровье* формирует смыслы в рекламе товаров предварительного спроса, что существенно отличается от текстотипа советского периода.

3. **ЗОЖ: Забота о здоровье (26,5%).** Важность принятия витаминных добавок не актуализировано в современной рекламе о здоровье, в то время как слоганы о важности отдыха на курорте так же, как и в советское время, присутствуют: *Поддержи свое здоровье на курортах Черноморья* (Сеть магазинов горящих путевок «MGP»); *Время укреплять здоровье* (курорт «Самоцветы и Нижние Серьги»); *Приезжай за здоровьем* (курорт «Усть-качка»).

В современном мире здоровье человека находится в его руках: *Ваше здоровье в Ваших руках* (массажно-оздоровительный салон AsiaSpa), но, с точки зрения рекламы, ему требуется помощь: *Ваш помощник в заботе о сердце* (йогурт Данакор).

Слоганы данной группы относятся, в большей степени, к рекламе товаров предварительного спроса (*реклама курортов*), в меньшей степени, – повседневного спроса (*реклама йогурта*), что совпадает с репрезентацией в советское время.

Когнитивные классификационные признаки, указанные выше, были зафиксированы нами и в поле советской коммерческой рекламы. Следующие признаки отмечаются нами только в постсоветской коммерческой рекламе.

4. **Физическое состояние здоровья (7,1%).** В современном мире прослеживается тенденция к формированию идеала человека, причем основной акцент делается на красоте тела, о красоте души в коммерческих текстах умалчивается: *Сила природы для здоровья ваших волос* (шампунь «Shauma»); *Флебология: здоровые вены – красивые ноги* (медицинский центр «Олмед»).

В современных реалиях важно не только быть физически крепким, способным выполнять любую работу, но и иметь привлекательный внешний вид, который невозможен без здоровья, происходит «осознание социальной и экономической ценности здоровья» [Шестак 2011: 73]: лечебные учреждения предлагают не только процедуры для поддержания здоровья, но и для улучшения внешнего вида, например: *Виниры: естественный вид здоровых*

зубов (стоматология «Город»); *Модный и здоровый загар* (реклама салона красоты). Атрибутивы *естественный* и *модный* актуализируют важность красивой внешности.

Стихотворные слоганы данного признака подкрепляются иллюстрациями, зачастую с одухотворенными героями и животными. Например, на городском щите с рекламой можно увидеть нарисованного в доброй, карикатурной манере крупного цыпленка с медалью чемпиона на груди, державшего штангу. Невербальная составляющая рекламного текста поддерживается слоганом: *Стань сильным, ловким, смелым и главное – здоровым* (птицефабрика «Рефтинская»). Лексический маркер *главное* указывает на итоговую значимость здоровья, которое включает в себя, согласно контексту, *силу, ловкость, смелость*. Манифестация признака (стихотворные сентенции, анимационность картинки) позволяет нам говорить о возможной отсылке к «культурной памяти» (в терминологии Ю.М. Лотмана) респондентов. Рекламный текст представляет «результат «свертки» в массовом обыденном сознании представления об определенном культурном феномене» [Пикулева 2008: 3] – советских социальных плакатах, на которых были изображены в анимационной форме герои с физически крепким телом.

Данный признак формирует реклама товаров как повседневного спроса (*реклама шампуня*), так и предварительного спроса (*реклама салона красоты*).

5. *Состояние здоровья как ценность (15,9%)*. Данный признак сформирован во многом благодаря рекламному ходу – выражению пожелания здоровья в виде слогана и сопровождающей его картинки. Использование пожелания здоровья в рекламных текстах аптек и больниц – удачный рекламный прием использования лексемы с положительной семантикой в учреждениях, связанных с болезнью и принимающих обычно больных людей. Приведем слоганы реклам этой направленности: *Мы желаем Вам здоровья!* (вода «Аквита»); *Здоровья Вам и Вашим близким*

(аптека «Живика»); *Жуйдэмэн желает Вам здоровья!* (реклама капсул для похудения «Жуйдэмэн»). Данные рекламные тексты нередко располагаются на движущихся предметах (например, на общественном транспорте – трамвае или автобусе), что усиливает мобильность рекламного текста. Еще один пример рекламного плаката ветеринарной клиники *Зоодоктор*. На белом фоне нарисована собака, на шее у нее висит фониатор, внизу слоган, выделенный красным шрифтом: *Здоровья Вам и Вашим питомцам!* Слоганы данной группы относятся к товарам пассивного спроса (*аптеки*).

Представим другие когнитивные классификаторы концепта *здоровье*, зафиксированные нами, но не являющиеся частотными (больше 1%, но меньше 5%):

Экология: Здоровый климат (климат-маркет «Воздух»); *Окна exprof - здоровье вашего дома!* (окна Exprof); *Все, что даруют травы и цветы, – это источник здоровья, силы и красоты* (Травяная лавка - фитоцентр Гордеева М.В.).

Экономическая составляющая здоровья: Не экономьте на здоровье, экономьте на ценах! (аптека «Живика»); *Красота и здоровье по летним ценам* (аптека «Живика»); *Деньги грязь, но лечебная* (СКБ-банк).

Гармоничный идеал: Первое правило здоровья: Гармония (клиника «Гармония»); *Желаем вам здоровья душевного и телесного* (масло льняное «Горы Алтая»); *Кишечник здоров – вы в отличном настроении* (капсулы Линекс).

Душевная составляющая здоровья: Улыбайтесь на здоровье (питьевая вода «Кристалл»); *Настроение здоровья* (профессиональное массажное оборудование US Medica).

Градуальность состояния: Здоровье / Нездоровье: От «мне плохо» до «мне хорошо» – 10 ступенек. Поднимайся! (центр восстановления здоровья «Аврора»); *Возвращая людям здоровье!* (ортопедические товары).

Представленные тексты показывают многомерность реализации концепта *здоровье* в современной коммерческой рекламе.

Подведем итоги.

Советская коммерческая реклама практически приравнивалась к понятию «социальная реклама», поскольку, во-первых, пропагандировала интересы государства, во-вторых, в стратегической перспективе проектировала поведенческую модель советского человека. Данный вывод доказывают полученные результаты: нами зафиксированы только три значимых признака: ***ЗОЖ: Забота о здоровье; ЗОЖ: Здоровые привычки; ЗОЖ: Здоровое питание.*** В советское время преобладают текстотипы товаров повседневного спроса.

В современных рекламных текстах нет идеологических установок тоталитарного государства, но влияние рекламы на массовое сознание, на поведение людей также велико. Современная реклама моделирует образ жизни, отвечающий современным потребностям прагматической направленности: здоровый человек должен питаться определенным набором продуктов, посещать фитнес-залы, комфортно выспаться, ездить на курорты для сохранения своего здоровья. В сознание людей внедряется мысль о корреляции красивой внешности и здоровья. Благодаря современной коммерческой рекламе здоровье приобретает характер самостоятельного капитала, товара разного типа спроса, т.е. его можно беречь, терять, тратить, инвестировать, использовать, продавать и покупать. В равной степени встречаются текстотипы товаров повседневного, предварительного и пассивного спроса. Актуализированными признаками концепта *здоровье* в данных текстах являются ***ЗОЖ: Забота о здоровье; ЗОЖ: Здоровые привычки; ЗОЖ: Здоровое питание; Физическое состояние здоровья; Состояние здоровья как ценность.*** Также отмечается представленность признаков *Экология; Гармоничный идеал; Душевная составляющая здоровья; Градуальность состояния: Здоровье / Нездоровье.*

Выводы

Анализ советских и постсоветских текстов СМИ и рекламы позволили выявить актуализацию константных когнитивных признаков концепта

здоровье, которые видоизменяются с течением времени под влиянием культурно-исторического контекста. Советская идеология как профессионально сконструированная система идеологием, отражающая основные ценностные ориентиры советского общества, тесно связана с подчиненной ей дискурсивной практикой. Пропагандистский дискурс идеологически маркирует имя концепта. Здоровье наделяется коллективистскими чертами, приобретает социально значимый характер, цементируя сложившуюся систему ценностных ориентаций советского человека. В текстах формируется обобщенный образ гармонично развитого советского человека, также акцент делается на коллокациях – прескрипциях правильного образа жизни, который должен был быть присущ новому (идеальному) советскому человеку.

В постсоветской модели фиксируется индивидуализация субъекта. Императивность и лексика долженствования сменяется иронической тональностью и преобладанием языковой игры в текстах. Здоровье начинается восприниматься как товар, который можно купить за деньги с помощью новых медицинских технологий, посещения дорогих курортов, фитнес-залов, специализированных магазинов здорового питания.

В текстах фиксируется недовольство граждан отсутствием патерналистской политики, в частности, в аспекте здравоохранения, проявляется тревога, вызванная ухудшением здоровья современного человека, обсуждаются проблемы, связанные с психическим здоровьем нации. Забота о здоровье человека становится обязанностью не только государства, но и самого человека. Современное сосуществование разнополярных мировоззренческих взглядов на здоровье (государственный патернализм и индивидуальная забота о своем здоровье) составляет цельность и одновременно расколотость русского обыденного сознания в переходный период. Тексты современных СМИ и рекламы отражают активную адаптационную деятельность русского человека XXI века к изменившимся условиям жизни, в том числе и к здоровью.

Заключение

В диссертационном исследовании осуществлен анализ содержания концепта *здоровье* на материале советских и постсоветских текстов СМИ и рекламы.

На первом этапе исследования была получена общая структура концепта *здоровье* на основе лексикографических источников, паремиологического фонда и психолингвистических экспериментов. Здоровье в русском языке и языковом сознании представляется аксиологически значимым концептом, отражающим самый высокий – витальный – уровень ценностей. Здоровье является непреходящей ценностью универсального характера. Ценность здоровья осознается в виде необходимого условия для благополучной жизни человека. По данным лексикографических источников был выявлен ядерный признак концепта – *состояние организма*, который неразрывно связан с признаком *бытийное состояние органов человека*. Дуальная представленность состояния организма в виде физической и душевной / духовной составляющих, представляется нераздельной целостностью единого организма. Здоровье является градуированным понятием, важным компонентом структуры концепта является понятие нормы. Нездоровье занимает промежуточную позицию градационной шкалы, расположенной между двумя оппозиционными концептами: *здоровье* и *болезнь*.

На основе обработки толкового словаря было выделены лексические репрезентанты концепта *здоровье*, которые сформировали его идеографическое поле и дополнили когнитивными признаками структуру концепта. Набор лексических репрезентантов выявил причинно-следственную связь состояния организма с поведенческим аспектом деятельности человека, эксплицированным в содержании концепта *здоровый образ жизни*, включенным нами в структуру концепта. На тесную связь с этим концептом указывают также и психолингвистические реакции респондентов. *Забота о здоровье* как когнитивный признак высокого уровня

абстракции сопряжена с конкретными прескрипциями по его сохранению: необходимо соблюдать здоровые привычки, правильный режим дня (здоровый сон), придерживаться здорового питания.

Пациентная природа концепта *здоровье* обуславливает включение в структуру концепта внешних факторов, воздействующих на здоровье. К ним относятся социальные показатели, экономические условия, состояние окружающей среды.

Одним из результатов анализа единиц интерпретационного поля концепта *здоровье* является определение специфического отношения русских к своему здоровью. Возникшие в русском историко-культурном социуме пословичные выражения демонстрируют русскую терпимость к привычкам, вредящим здоровью, ироническую оценку чрезмерной заботы человека о своем здоровье, понижение высокого отношения к здоровью как безусловной ценности путем включения фольклорной сентенции в смеховой контекст.

На втором этапе исследования полученные результаты были проверены в режиме реального функционирования лексических репрезентантов концепта *здоровье* в разные периоды российской истории, отличающиеся социальными и экономическими условиями. Динамическое развитие смысловой структуры концепта *здоровье*, которое мы зафиксировали на втором этапе работы, обусловлено радикальными экономическими, политическими и социальными преобразованиями в России. Содержание когнитивных признаков концепта *здоровье* вариативно, но при этом основной набор когнитивных признаков сохраняется. Смысловую модификацию, в первую очередь, претерпевают когнитивные признаки *субъект состояния; социальная составляющая здоровья; душевное / духовное и физическое состояние здоровья.*

Концепт *здоровье*, представляющий собой антропологически значимую культурную единицу, являлся необходимым элементом мировоззренческой системы советского общества. Актуализация признака *социальной составляющей здоровья* свидетельствует о тотальной опеке

государства по отношению к здоровью граждан. Тексты фиксируют обобщенность, а отсюда – обезличенность субъекта, наделенного, тем не менее, социальной функцией – крепкого труженика: только физически крепкий человек мог полноценно участвовать в строительстве социалистического общества, которое требовало от него максимальной концентрации усилий. В советское время здоровье воспринимается как ценность, которую необходимо формировать и сохранять с помощью соблюдения постулатов правильного образа жизни. В связи с этим в СССР ведется большая просветительская работа с населением. Нами была выявлена наибольшая актуализация следующих признаков в советское время *Субъект состояния, Социальная составляющая здоровья, Гармоничный идеал, Физическое состояние здоровья; Душевное / Духовное состояние здоровья; ЗОЖ: Забота о здоровье, ЗОЖ: Здоровые привычки; ЗОЖ: Здоровое питание.*

Потеря советской идентичности обостряет поведенческую и мировоззренческую деятельность человека в поисках новых нормативов для своего здоровья, формирует новые ценностные предпочтения и новые аспекты в восприятии здоровья. В постсоветское время здоровье индивидуализируется: человек как личность ставится во главу угла, современный человек представляется активной, творческой личностью, по-новому оценивающей такую традиционную для русской культуры ценностную компоненту, как здоровье. Демократизация общества, сопровождаемая демократизацией языка, расширяет тематическую область обсуждаемых проблем здоровья в современной публицистике и рекламе, появляются новые коллокации. Научно-технический прогресс, результаты научно-технических разработок начинают внедряться в сферу здоровья. В отличие от советского времени происходит актуализация признаков *Экономическая составляющая здоровья, Здоровье как объект иронии, Состояние здоровья как ценность.*

Список использованной литературы

Научные издания

1. Авдони́на Л. Н. Лексическая объективация концепта «Петербург» в художественной картине мира А. Блока : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Авдони́на ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : [б. и.], 2009. – 19 с.
2. Авиценна Ибн Сина Абу Али. Трактат о гигиене / Ибн Сина Абу Али Авиценна. – Санкт-Петербург : Изд-во Чернышева, 1990. – 224 с.
3. Адони́на Л. В. Концепт «женщина» в русском языковом сознании : дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Адони́на ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : [б. и.], 2007. – 246 с.
4. Аксенова Е. Д. Лингвокультурологический анализ концептосферы «здоровье человека» в русской паремиологии : дис. ... канд. филол. наук / Е. Д. Аксенова ; Рос. ун-т дружбы народов. – Москва : [б. и.], 2007. – 260 с.
5. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – 2-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2012. – 288 с.
6. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – № 6 (85). – С. 169–180.
7. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
8. Алимущкина О. А. Механизмы проявления стереотипизации в ассоциативном поле : дис. ... канд. филол. наук / О. А. Алимущкина ; Алт. гос. ун-т. – Барнаул : [б. и.], 2007. – 193 с.
9. Аллаhverдиева Н. Б. Современное искусство в городской среде: стратегии, ресурсы, технологии [Электронный ресурс] / Н. Б.

- Аллахвердиева // Город > Пермь. Смысловые структуры и культурные практики : сб. статей / отв. ред. В. В. Абашев. – Пермь, 2009. – 200 с. – Режим доступа: <http://www.propublicart.ru/publication?id=18> (дата обращения: 12.02.2015).
10. Ааматов А. М. Причинно-следственные связи на разных уровнях: монография / А. М. Ааматов. – Москва : МПГУ, 2003. – 220 с.
 11. Ааникин В. П. Устное народное творчество / В. П. Ааникин. – Москва : Высшая школа, 2004. – 735 с.
 12. Ааниськина Н. В. Лексическая экспликация концепта *здоровье* в рекламных текстах / Н. В. Ааниськина // Эволюция научной мысли: сб. статей межд. научно-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 2. Уфа, 2014. – С. 200–204.
 13. Антология концептов: в 8 т. Т. 2 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 355 с.
 14. Аамресьян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 1 / Ю. Д. Аамресьян. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Языки русской культуры ; Восточная литература РАН, 1995. – 472 с.
 15. Аамресьян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Аамресьян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–68.
 16. Ааристотель Этика / пер. Н. В. Брагинская, Т. А. Миллер. – Москва : АСТ, 2002. – 492 с.
 17. Аарутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Аарутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 341 с.
 18. Аархипова Н. Г. Экспликация концептов «здоровье» – «болезнь» в современном языковом сознании / Н. Г. Аархипова // Слово: фольклорно-диалектический альманах / отв. ред. Н. Г. Аархипова, Е. А. Оглезнева. Благовещенск, 2005. – Вып. 3. – С. 15–29.
 19. Аабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : дис. ... д-

- ра филол. наук / А. П. Бабушкин ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : [б. и.], 1997. – 329 с.
20. Баграмов Э. В. К вопросу о научном содержании понятия «национальный характер» / Э. В. Баграмов. – Москва : Наука, 1973. – 213 с.
21. Балакай А. Г. Будь/те здоров/ы во времени и пространстве / А. Г. Балакай // К 60-летию профессора А. В. Жукова : юб. сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Макаров. – Великий Новгород, 2007. – С. 17–25.
22. Балакай А. Г. Что мы говорим, когда говорим «ничего...» / А. Г. Балакай // Русская речь. – 2000. – № 4. – С. 53–59.
23. Балашова Е. Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Балашова ; Саратовская гос. академия права. – Саратов : [б. и.], 2004. – 23 с.
24. Балканский спектр: от света к цвету (Балканские чтения 11) : сб. тезисов и материалов конф. / под ред. М. М. Макарецв, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. Москва : Пробел–2000. – 200с.
25. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Эдиториал УРСС, 2003. – 360 с.
26. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: Теоретические основания и практика / А. Н. Баранов. – Москва : Флинта : Наука. 2007. – 592 с.
27. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – Москва : Наука, 1975. – 288 с.
28. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 423 с.
29. Бацевич Ф. С. Очерки по функциональной лексикологии / Ф. С. Бацевич, Т. А. Космеда. – Львов : Свит, 1997. – 392 с.
30. Белов В. И. Лад: очерки о народной эстетике / В. И. Белов / Избранные произведения. – Москва : Молодая гвардия, 1982. – 293 с.

31. Белова О. Р. Валеологическая и физическая культура: теоретико-методологический анализ / О. Р. Белова, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневецкий, Д. Ю. Нархов // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 2 (113). – С. 123–131.
32. Береговская Э. М. «КВАЗИ» (Чужой текст как материал языковой игры) / Э. М. Береговская // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В. Г. Гака: сб. науч. тр. / отв. ред. И. Б. Ворожцова. – Дубна, 2001. – С. 23–27.
33. Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция / Е. Л. Березович. – Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – 488 с.
34. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – Москва : Индрик, 2007. – 600 с.
35. Блажес В. В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала / В. В. Блажес. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 202 с.
36. Блажес В. В. Советская идеология и фольклор / В. В. Блажес // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 220–235.
37. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н. Н. Болдырев. – 4-е изд., испр. и доп. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.
38. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. – Москва ; Тамбов, 2009. – Вып. 4. – С. 25–77.
39. Бочина Т. Г. Лингвокультурологический аспект иронической поговорки / Т. Г. Бочина // Русский язык и литература во времени и

- пространстве: материалы XII конгресса МАПРЯЛ / отв. ред. Л. А. Вербицкая, Лю Лиминь, Е. Е. Юрков. – Шанхай, 2011. – Т. 2. – С. 71–77.
40. Браславский П. И. Тело как интерфейс: антропологические аспекты современных коммуникаций / П. И. Браславский // Язык. Дискурс. Текст: материалы межвуз. семинара: альманах. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 3. – С. 156–165.
41. Бреслав Г. Э. Цветопсихология и цветолечение для всех / Г. Э. Бреслав. – Санкт-Петербург : Б. & К., 2000. – 212 с.
42. Брехман И. И. Валеология – наука о здоровье / И. И. Брехман. – 2-е изд., доп., перераб. – Москва : Физкультура и спорт, 1990. – 208 с.
43. Будаев Э. В. Эволюция лингвистической советологии / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3(23). – С. 22–34.
44. Булатова Э. В. Организация эмоционально-оценочной стороны рекламного текста: лексические приемы экспрессии / Э. В. Булатова // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 4 (95). – С. 14–22.
45. Бурвикова Н. Д. Жизнь в мимолетных мелочах / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2006. – 68 с.
46. Бурова Г. П. Фармацевтический дискурс как культурный код: семиотические, прагматические и концептуальные основания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. П. Бурова ; Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь : [б. и.], 2008. – 46 с.
47. Бутовская М. Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека) / М. Л. Бутовская. – Москва : Научный мир, 2004. – 440 с.
48. Бухтоярова Г. Ю. Отображение феноменов болезнь и здоровье в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук / Г. Ю.

- Бухтоярова ; Московский гос. ун-т. им. М. В. Ломоносова. – Москва: [б. и.], 2010. – 24 с.
49. Быстрова Е. В. Исследование воздействия наружной рекламы / Е. В. Быстрова, Е. А. Вопнерук // Психологический вестник Урал. гос. ун-та. – 2008. – Вып. 6. – С. 62–71.
50. Бычкова Л. С. Концептуализм, концептуальное искусство / Л. С. Бычкова, В. В. Бычков // Культурология. XX век. Энциклопедия. – Санкт-Петербург, 1998. – Т. 1. – С. 325–327.
51. Вайнер Э. Н. Валеология / Э. Н. Вайнер. – Москва : Флинта: Наука, 2001. – 416 с.
52. Вайс Д. Реклама продуктов питания в советских плакатах 1920-1930 годов / Д. Вайс // Московский лингвистический журнал. – 2003. – Т. 6. – №2. – С. 109–139.
53. Васильев Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – Москва : Высшая школа, 1981. – 184 с.
54. Васильевич А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Васильевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. – Москва : КомКнига, 2005. – 216 с.
55. Вежбицка А. Восприятие: семантика абстрактного словаря / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1986. – Вып. 18. – С. 336–369.
56. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая. – Москва : Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
57. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва : Русские словари, 1996. – 416 с.
58. Вельмезова Е. В. «Новые русские пословицы» и проблема классификации паремий / Е. В. Вельмезова // Живая старина. – 2006. – №1. – С. 38–41.
59. Вепрева И. Т. Детабуизация в современном русском языке и тревожная лексика / И. Т. Вепрева, А. Мустайоки // Язык вражды и

- язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Екатеринбург, 2006. – С. 141–155.
60. Вепрева И. Т. Национальный проект / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина // Русский язык за рубежом. – 2007. – № 6. – С. 91–94.
61. Вепрева И. Т. Новые дискурсивные практики в контексте уральского города: игра с графическим обликом слова / И. Т. Вепрева, Ю. С. Серебренникова // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики: коллективная монография / отв. ред. О. С. Иссерс. – Омск, 2011. – С. 242–250.
62. Вепрева И. Т. О некоторых особенностях наивной лексикографии / И. Т. Вепрева // Русский язык сегодня: сб. статей / отв. ред. Л. П. Крысин. Москва, 2004. – Вып. 3. – С. 55–63.
63. Вепрева И. Т. СМИ как экспериментальная площадка для реализации инноваций в языке / И. Т. Вепрева // Człowiek Świadomość Komunikacja Internet: материалы V межд. научн. конф. – Варшава, 2012. – С. 368–376.
64. Вепрева И. Т. Советизмы на газетной полосе: проблемы понимания / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина // Понимание в коммуникации – 4: материалы междун. науч. конф. – Москва, 2009. – С. 15.
65. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 380 с.
66. Вернадский В. И. Начало и вечность жизни / В. И. Вернадский. – Москва : Советская Россия, 1989. – 704 с.
67. Вильмс Л. Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Е. Вильмс ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград : [б. и.], 1997. – 21 с.
68. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Философские работы: в 2 ч. Ч. 1. – Москва : Гнозис, 1994. – 612 с.

69. Витужникова Г. М. Манипулятивные приемы и технологии современной рекламы (на примере репрезентации лекарственных средств и медицинских услуг) / Г. М. Витужникова, В. Ф. Олешко // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 4 (119). – С. 36–52.
70. Влавацкая М. В. Комбинаторная семасиология (семантика и сочетаемость слов) / М. В. Влавацкая // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 7 (19). – С. 29–34.
71. Воборжил Л. Категория каузативности и выражение причинно-следственной связи в русском и чешском языках / Л. Воборжил // Rossica Olomucensia XLIV. – 2006. – № 1. – С. 103–111.
72. Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. ... д-ра. филол. наук / Я. А. Волкова ; Волгоград. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград : [б. и.], 2014. – 430 с.
73. Воркачев С. Г. Идея справедливости в русских поговорках: сила не в силе, а в правде / С. Г. Воркачев // Язык и ментальность: сб. статей / отв. ред. М. В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 20–28.
74. Воркачев С. Г. *Anglica selecta*: избранные работы по лингвоконцептологии: монография / С. Г. Воркачев. – Волгоград : Парадигма, 2012. – 205 с.
75. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт: монография / С. Г. Воркачев. – Москва : Гнозис, 2007. – 284 с.
76. Воркачев С. Г. Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре: монография / С. Г. Воркачев. – Москва : ИНФРА-М, 2013. – 151 с.
77. Воробьев Р. В. Феномен здоровья : онтологический анализ : автореф. дис. ... канд. философ. наук / Р. В. Воробьев ; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов : [б. и.], 2013. – 22 с.
78. Воробьева М. В. Анекдот как феномен повседневной культуры советского общества (на материале анекдотов 1960-1980-х годов):

- автореф. дис. ... канд. культурологии / М. В. Воробьева ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2008. – 26 с.
79. Ворожбитова А. А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация / А. А. Ворожбитова // Теоретическая и прикладная лингвистика: сб. науч. тр. – Воронеж, 2000. – Вып. 2. – С. 21–42.
80. Воронцов П. Г. Этимология слова «здоровье» в экологической культуре Древней Руси [Электронный ресурс] / П. Г. Воронцов // Евразийство: Философия. Культура. Экология. – Электрон. журн. – 2012. – Вып. № 2 (1). – Режим доступа: <http://evrazistvo.ru/vipusk2-1-2012/etimologiya-slova-zdorove-v-ekologicheskoy-kulture-drevney-rusi/> (дата обращения: 12.02.2015).
81. Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р. М. Гайсина. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1981. – 195 с.
82. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – Москва, 1971. – С. 367–395.
83. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / Отв. ред. Г. В. Степанов. – изд. 7-е. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144 с.
84. Глушкова Т. С. Винопитие как фрагмент русской языковой картины мира (на материале паремий, анекдотов, тостов, текстов СМИ и рекламы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Глушкова ; Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. – Омск : [б. и.], 2009. – 21 с.
85. Глушкова Т. С. Концепт *польза* в русском языке (по лексикографическим источникам и рекламным текстам) / Т. С. Глушкова // Научный диалог. – 2012. – Вып. 8. – С. 149–157.
86. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 224 с.

87. Голубков Е. П. Маркетинговые исследования: теория, методология и практика / Е. П. Голубков. – Москва : Изд-во Финпресс, 1998. – 416 с.
88. Гольдберг В. Б. Роль языка в процессах выявления и типологизации когнитивных классификаторов / В. Б. Гольдберг // Горизонты современной лингвистики : традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. – Москва, 2009. – С. 581–592.
89. Горяева Л. А. Семантические особенности рационалистических оценок: универсальные и национально-культурные характеристики: дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Горяева ; Московский ордена дружбы народов гос. лингвистический ун-т. – Москва : [б. и.], 2003. – 228 с.
90. Гоффман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гоффман. – Москва : Ин-т социологии РАН, 2004. – 752 с.
91. Грайс П. Г. Логика и речевое общение / П. Г. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.
92. Грищук Е. И. Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Грищук; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : [б. и.], 2002. – 20 с.
93. Гудков Л. Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левада / Л. Д. Гудков // Общественные науки и современность. – 2007.— № 6. – С. 16–30.
94. Гуз Ю. В. Экспериментальное исследование базовых концептов цвета (на материале русского, английского, немецкого и китайского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Гуз ; Алт. гос. академия образования им. В. М. Шукшина. – Барнаул : [б. и.], 2010. – 22 с.
95. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х / Г. Ч. Гусейнов. Москва : Три квадрата, 2004. – 272 с.
96. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари / Пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. – Москва : Институт

- экспериментальной социологии, Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 288 с.
97. Демьянков В. З. Семиотика событийности в СМИ / В. З. Демьянков // Язык средств массовой коммуникации : сб. науч. тр. / под ред. М. Н. Володиной. – Москва, 2004. – Часть 2. – С. 68–84.
98. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В. З. Демьянков // Концепты культуры и концептосфера культурологии: коллективная монография / под ред. Л. В. Никифоровой, А. В. Коневой. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 9–28.
99. Дзюба Е. В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре: монография / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – 224 с.
100. Дзялошинский И. М. Культура, журналистика, толерантность (о роли СМИ в формировании в российском обществе атмосферы толерантности и мультикультурализма) / И. М. Дзялошинский // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия: материалы междунар. конф. / под ред. Л. М. Макушина. – Екатеринбург, 2002. – С. 15–38.
101. Димитрова Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Димитрова ; Волгоград. пед. ун-т. – Волгоград : [б. и.], 2001. – 16 с.
102. Дмитриева С. И. Очерк этнокультурной истории Архангельского Поморья / С. И. Дмитриева // Мировоззрение и культура севернорусского населения : сб. статей / отв. ред. И. В. Власова. – Москва, 2006. – С. 3–69.
103. Добрушина Н. Р. Воздух: вещество или пространство, материя или дух / Н. Р. Добрушина // Логический анализ языка. Языки пространств: сб. статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва, 2000. – С. 217–227.

104. Душечкина Е. В. «Если хочешь быть здоров»: идея здоровья в советской детской песни / Е. В. Душечкина // *Studia Litteraria Polono-Slavica 6: Morbus medicamentum et sanus – Choroba lek I zdrowie.* – SOW Warszawa, 2001. – С. 399–410.
105. Еда по-русски в зеркале языка / Н. Н. Розанова, М. В. Китайгородская, У. Долешаль, Д. Вайс [и др.]. – Москва : РГГУ, РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2013. – 586 с.
106. Елистратов В. С. Арго и культура / В.С. Елистратов // *Толковый словарь русского сленга.* – Москва, 2010. – С. 614–664.
107. Емельянов Б. В. Русский менталитет: возможности толерантности / Б. В. Емельянов // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография / отв. ред. Н. А. Купина ; М. Б. Хомяков.* – Москва, 2005. – С. 51–59.
108. Ермакова О. П. Тоталитарное и посттоталитарное общество в семантике слов / О. П. Ермакова // *Русский язык / науч. ред. Е. Н. Ширяев.* –Орле, 1997. – С.121–165.
109. Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка / О. П. Ермакова. – Калуга : Изд-во КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. – 204 с.
110. Жданова С. Ю. Представления о здоровье в связи с возрастом / С. Ю. Жданова, С. Л. Мишланова // *Вектор науки ТГУ.* – 2011. – № 3(6). – С. 202–204.
111. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // *Язык – речь – творчество : Избранные тр.* – Москва, 1998. – С. 146–162.
112. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – Москва : Наука, 1982. – 159 с.
113. Жолковский А. К. О правилах семантического анализа / А. К. Жолковский // *Машинный перевод и прикладная лингвистика.* – Москва, 1964. – Вып. 8. – С. 17–32.

114. Журавлев А. П. Звук и смысл / А. П. Журавлев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1991. – 160 с.
115. Журавлева И. В. Отношение к здоровью индивида и общества / И. В. Журавлева. – Москва : Наука, 2006. – 238 с.
116. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж, 2001. – С. 36–44.
117. Залевская А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – 2-изд. испр. и доп. – Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
118. Залевская А. А. Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования / А. А. Залевская // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. науч. статей, посвященных памяти Ю. А. Сорокина. – Москва, 2010. – Вып. 40. – С. 9–15.
119. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды / А. А. Залевская. – Москва : Гнозис, 2005. – 542 с.
120. Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе / Анна А. Зализняк. – Москва : Языки славянской культуры, 2013. – 640 с.
121. Заславский Д. И. Фельетон в газете: Лекции / Д. И. Заславский. – Москва : Высшая партийная школа при ЦК ВКП (б), 1952. – 28 с.
122. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. – 2-е изд. – Москва, 2000. – С. 90–141.
123. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 23–31.
124. Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России / Л. Ф. Змеев. – Санкт-Петербург : СПб Типография В. Демакова, 1896. – 264 с.

125. Золотова Г. А. Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – Москва : Наука, 1988. – 440 с.
126. Ибрагимова В. Л. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке / В. Л. Ибрагимова. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1992. – 172 с.
127. Иванова Л. Д. История отечественной рекламы XVIII–XXI вв. Курс лекций [Электронный ресурс] / Л. Д. Иванова. – Екатеринбург: УрФУ, 2008. – Режим доступа: journ.igni.urfu.ru/library-faculty/umk-history-of-ad.doc (дата обращения 12.02.2015).
128. Игнатенко А. А. Очерки истории российской рекламы / А. А. Игнатенко. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2013. – 88 с.
129. Иманкулова Е. В. Трансформация концепта чистоты в культуре России XX века / Е. В. Иманкулова // Человек в мире культуры. – 2012. – №1. – С. 12–19.
130. Имшинецкая И. А. Речевой стиль коммерческой рекламы в его жанровых разновидностях : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Имшинецкая ; Пермский гос. ун-т. – Пермь : [б. и.], 2007. – 21 с.
131. Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Д. Филлипс / пер. с англ. А. А. Киселевой. – 2-е изд., испр. – Харьков : Гуманитарный центр, 2008. – 352 с.
132. Ипанова О. А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира (лингвокультурологический и лексикографический аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Ипанова ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург : [б. и.], 2005. – 24 с.
133. Иссерс О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия / О.С. Иссерс // Лингвистика на службе гражданского общества: методология лингвистической диагностики социальных процессов в регионе : коллективная монография / отв. ред. О. С. Иссерс. – Омск, 2013. – С.250–261.

134. Иссерс О. С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность / О. С. Иссерс // Вестник Омского ун-та. – 2011. – № 4. – С. 227–232.
135. Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. – изд. 2-е. испр. – Москва : ЛЕНАНД, 2015. – 272 с.
136. Каблуков Е. В. Официальные идеологемы: специфика функционирования в современном российском медиадискурсе / Е. В. Каблуков // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 6: Журналистика. – С. 84–88.
137. Камалова А. А. Здоровье в русской языковой картине мира / А. А. Камалова // Studies About Languages. – 2009. – № 15. – С. 43–47.
138. Камалова А. А. Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах : дис. ... докт. филол. наук / А. А. Камалова ; Башкирский гос. ун-т. – Уфа : [б. и.], 1999. – 487 с.
139. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2009. – 406 с.
140. Карасик В. И. Концепты – регулятивы / В. И. Карасик // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва, 2005. – Вып. 30. – С. 95–108.
141. Карасик В. И. Лингвокультурная стилистика русских и китайских аллегорий / В. И. Карасик // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей, посвященных памяти Ю. А. Сорокина / отв. ред. Н. В. Уфимцева, В. В. Красных, А. И. Изотова. – Москва, 2010. – Вып. 40. – С. 83–96.
142. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж, 2001. – С. 75–81.
143. Карасик В. И. Эмблематический концепт «благополучие» / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2010. – 3(33). – С. 34–40.
144. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2010. – 351 с.

145. Карасик В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2013. – 320 с.
146. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
147. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 360 с.
148. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю. Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – Москва : Астрель, 2002. – С. 749–782.
149. Касьян Л. А. Термин «концепт» в современной лингвистике: различные его толкования / Л. А. Касьян // Вестник Югорского гос. ун-та. – 2010 – № 2 (17). – С. 50–53.
150. Киреев С. И. Дискурс и концептосфера социальной рекламы : дис. ... канд. филол. наук / С. И. Киреев ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград : [б. и.], 2008. – 128 с.
151. Кириленко Е. И. Медицина как феномен культуры : опыт гуманитарного исследования : автореф. дис. ... д-ра философ. наук / Е. И. Кириленко ; Томский гос. ун-т. – Томск : [б. и.], 2009а. – 43 с.
152. Кириленко Е. И. Опыт здоровья в языковом сознании русских / Е. И. Кириленко // Язык и культура. – 2009б. – № 4. – С. 25–32.
153. Кириллова И. В. Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиции ум–глупость в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Кириллова ; Нижегородский гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина. – Нижний Новгород : [б. и.], 2012. – 19 с.

154. Китайгородская М. В. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – Москва : Языки славянских культур, 2010. – 496 с.
155. Клемперер В. LTI. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога / В. Клемперер. – Москва : Прогресс–Традиция, 1998. – 382 с.
156. Клушина Н. И. Новые штампы журналистики / Н. И. Клушина // Русская речь. – 2010. – № 1. – С. 61–64.
157. Клушина Н. И. Теория идеологем / Н. И. Клушина// Политическая лингвистика. – 2014. – № 4 (50). – С. 54–59.
158. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – изд. 5-е, испр. и доп. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 352 с.
159. Колесов И. Ю. Концептуализация субъекта зрительного восприятия / И. Ю. Колесов // Когнитивные исследования языка : Концептуализация мира в языке : коллективная монография / отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – Москва, 2009. – Вып. 4. – С. 302–337.
160. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / отв. ред. Ю. С. Степанов. – изд. 4-е. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 152 с.
161. Комаров К. М. Текстуализация телесности в послереволюционных поэмах В. В. Маяковского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. М. Комаров ; Урал. федеральный ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : [б. и.], 2014. – 26 с.
162. Комарова З. И. Лингвоцветовая картина мира: ахроматический фрагмент / З. И. Комарова, М. Б. Талапина. – Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2011. – 220 с.
163. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 340 с.

164. Копыленко М. М. Сочетаемость лексем в русском языке / М. М. Копыленко. – Москва : Просвещение, 1973. – 119 с.
165. Косова О. А. Манипулирование представлением о здоровье посредством телевизионной рекламы: методы и приемы / О. А. Косова // Современная наука: теоретический и практический взгляд: сб. статей междунар. научно–практ. конф: в 2 ч. Ч. 1. – Уфа, 2013. – С. 261–270.
166. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – изд. 3., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. – 319 с.
167. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Н. И. Костомаров. – Москва : Республика, 1992. – 303 с.
168. Кравченко О. Г. Имена состояния как грамматико-семантический подкласс существительных / О. Г. Кравченко // Филологические науки. – 1986. – № 5. – С. 65–68.
169. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика : язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
170. Кронгауз М. А. Семантика / М. А. Кронгауз. – Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 399 с.
171. Кронгауз М. А. Семантические сдвиги в семантике оценочных прилагательных / М. А. Кронгауз // Язык в движении : к 70-летию Л. П. Крысина / отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. – Москва, 2007. – С. 345–357.
172. Крысин Л. П. Активные процессы в русском языке конца XX–начала XXI века / Л. П. Крысин // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. – Москва, 2008. – С. 13–29.

173. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
174. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – Москва : Знак, 2012. – 208 с.
175. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 6–17.
176. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – Москва : Высшая школа, 1982. – 152 с.
177. Купина Н. А. Тоталитарные мифологемы в речевом пространстве уральского города / Н. А. Купина // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллективная монография. – Екатеринбург, 2006. – С. 516–534.
178. Купина Н. А. Идеологема «иностранный агент» : три дня в июле 2012 года / Н. А. Купина // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3 (41). – С. 43–48.
179. Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал. ун-т; ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.
180. Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем / Н. А. Купина // Русский язык сегодня: сб. статей / отв. ред. Л. П. Крысин. – Москва, 2000. – Вып. 1. – С. 182–189.
181. Кутенева Т. А. Смысловая динамика базовых идеологем советской эпохи : от идеологии, пропаганды, агитации до пиара : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Кутенева ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург: [б. и.], 2008. – 191 с.
182. Левада Ю. А. Координаты человека к итогам изучения «человека советского» / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2001. – № 1. – С. 7–15.

183. Левада Ю. А. Сочинения : социологические очерки 1993 –2000 / Ю. А. Левада. – 2-е изд., перераб. – Москва : Издатель Карпов Е.В., 2011. – 506 с.
184. Левонтина И. Б. Запах / И. Б. Левонтина // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – 2-е изд. испр. и доп. – Москва : Школа «Языки славянской культуры», 2003. – С. 354–356.
185. Лендваи Э. Русский менталитет в пословицах / Э. Лендваи // Русский язык и культура в европейском пространстве : сб. докладов межд. конф / ред. В. Вегвари. – Печ, 2014. – С. 42–49.
186. Лещенко В. Ю. Русская семья (XI-XIX вв.) / В. Ю. Лещенко. – Санкт-Петербург : СПГУТД, 2004. – 608 с.
187. Липинская В. А. Пища и утварь / В. А. Липинская // Этнография восточных славян : очерки традиционной культуры / ред. Ю. В. Бромлей, М. Г. Рабинович, В. К. Соколов, К. В. Чистов. – Москва, 1987. – С. 292–313.
188. Липовецки Ж. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма / Ж. Липовецки. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2001. – 306 с.
189. Литовская М. А. «Счастье есть» : кулинарная книга как жанр новейшей российской словесности / М. А. Литовская // Культ-товары-XXI: ревизия ценностей (масскультура и ее потребители) : коллективная монография / под общ. ред. И. Л. Савкиной, М. А. Черняк, Л. А. Назаровой. – Екатеринбург ; Санкт-Петербург, 2012. – С. 215–225.
190. Лихачев Д. С. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре / Д. С. Лихачев / Составление, подготовка текста и вступ. статья Д. Н. Бакуна. – Москва : Российский Фонд Культуры, 2006. – 336 с.
191. Логический анализ языка: культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. – Москва : Наука, 1991. – 204 с.

192. Лосский Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1957. – 64 с.
193. Лотман Ю. М. Великосветские обеды: Панорама столичной жизни / Ю. М. Лотман, Е. А. Погосян. – Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1996. – 320 с.
194. Лотман Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Б. А. Успенский // Избранные тр. : в 2 т. Т. 1. – Москва, 1996. – С. 338–380.
195. Лукин А. В. Политический идеал и политический режим в постсоветской России / А. В. Лукин // Pro et Contra. – 2008. – Июль–август. – С. 81–104.
196. Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов : экспериментально-психологическое исследование / А. Р. Лурия. – Москва : Наука, 1974. – 172 с.
197. Лурье С. В. Психологическая антропология : история, современное состояние, перспективы / С. В. Лурье. – 2-е изд. – Москва : Академический проект : Альма Матер, 2005. – 624 с.
198. Лэкофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лэкофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1988. – Вып. 23. – С. 12–51.
199. Майданова Л. М. Медиатекст в идеологическом контексте / Л. М. Майданова, Э. В. Чепкина. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 304 с.
200. Макаренко А. С. Соч.: в 7 т. Т. 5 / А. С. Макаренко. – Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1958. – 558 с.
201. Макаров М. С. Особенности восприятия шоковой рекламы молодежью [Электронный ресурс] / М. С. Макаров, К. Н. Савченко, Д. С. Шапортов // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 3. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2013/03/22900> (дата обращения: 11.02.2015).

202. Малышева Е. Г. Концепт «Олимпиада-2014» как новоидеологема современной России (на материале текстов СМИ) / Е. Г. Малышева // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 109–113.
203. Мамин-Сибиряк Д. Н. На кумысе / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Башкирия в русской литературе : в 6 т. Т. 2. – Уфа, 1990. – С. 199–201.
204. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества [Электронный ресурс] / Г. Маркузе. – Режим доступа: http://www.bimbad.ru/docs/markuze_odnomerny_chelovek.pdf (дата обращения: 11.02.2015).
205. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – 5-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – 296 с.
206. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – 4-е изд., стереотип. – Москва : Академия, 2010. 208 с.
207. Маяковский В. В. Реклама (1923–1925) / В. В. Маяковский / полное собрание соч.: в 13 т. Т. 5. – Москва : Госполитиздат, 1957. – 479 с.
208. Маяковский В. В. Статьи, заметки, стенограммы выступлений / В. В. Маяковский / полное собрание соч.: в 13 т. Т. 12. – Москва : Гос. изд. худ. лит-ры, 1959. – 716 с.
209. Мельникова С. А. Мотивационная и генетическая характеристика лексико-семантического поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь» в русском языке : автореф. дис ... канд. филол. наук / С. А. Мельникова ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва : [б. и.], 2012. – 26 с.
210. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей Смысл – Текст / И. А. Мельчук. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 346 с.
211. Мечковская Н. Б. Семантическое своеобразие фразеологических сравнений: тема-рематическая неидиоматичность и градуальная мотивированность их внутренней формы / Н. Б. Мечковская //

- Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения): материалы междунар. научн. симпоз. К 90-летию со дня рождения В. П. Жукова: в 2 т. Т. 1. / отв. ред. В. И. Макаров. – Великий Новгород, 2011. – С. 28–33.
212. Михайлова Ю. Н. Религионизмы в словарях советского периода : приемы манипуляции / Ю. Н. Михайлова // Советское прошлое и культура настоящего : монография: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Екатеринбург, 2009. – С. 254–264.
213. Михайлова О. А. Советская риторика в кулинарной книге [Электронный ресурс] / О.А. Михайлова // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы: материалы науч. интернет-конф. – Екатеринбург, 2008. – Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10995/1853> (дата обращения: 12. 02. 2015).
214. Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка) : дис. ... канд. филол. наук / Ю. Н. Михайлова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2004. – 171 с.
215. Михеева А. А. Художественно-стилистические функции средств номинации и предикации в романе Н.С. Лескова «Обойденные» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Михеева ; Москов. гос. обл. ун-т. – Москва : [б. и.], 2008. – 17 с.
216. Моисеева С. А. Категория перцептивного модуса ВКУС и специфика его исследования / С. А. Моисеева, Е. Ю. Яровая // Язык профессионального общения и лингвистические исследования : сб. ст. междунар. науч.-практ. семинара. – Белгород, 2012. – С. 203–207.
217. Моисеева С. А. Прилагательные осязательного восприятия как объект номинации и синестетических переносов / С. А. Моисеева, Ж. А. Бубырева // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 84–88.

218. Мокиенко В. М. Давайте говорить правильно. Пословицы в современном русском языке / В. М. Мокиенко. – Москва : Олма Медиа Групп, 2012. – 416 с.
219. Мустайоки А. «Мы» и «они»: русские и финны о финнах и русских / А. Мустайоки, Е. Протасова // Мир русского слова. – 2003. – № 2. – С. 56–63.
220. Мустайоки А. Лодку унесло ветром: условия и контексты употребления русской «стихийной» конструкции / А. Мустайоки, М. Копотев // Russian Linguistics. – 2005. – № 1. – С. 1–38.
221. Назарова И. Б. Здоровье и качество жизни жителей России / И. Б. Назарова // Социологические исследования. – 2014. – № 9. – С. 139–145.
222. Никитин М. Е. Развернутые тезисы о концептах / М. Е. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.
223. Никитина С. Е. Сердце и душа фольклорного человека / С. Е. Никитина // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва, 1999. – С. 26–39.
224. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: теория и практика / Г. Г. Николайшвили. – Москва : Аспект Пресс, 2008. – 191 с.
225. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 301 с.
226. Новодранова В. Ф. Концепты и антиконцепты в медицине / В. Ф. Новодранова // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент: сб. науч. тр. – Москва, 2001. – С. 247–251.
227. Норман Б. Ю. Выражение каузативных отношений в русском языке через глагольную переходность / Б. Ю. Норман // Глагол в системе языка и речевой деятельности: материалы науч. лингв. конф. – Свердловск, 1990. – С. 15–16.

228. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск : БГУ, 2009. – 183 с.
229. Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – Москва : Эдитус, 2013. – 282 с.
230. Ойхер Д. Я. Игровая зависимость – миф или реальность? / Д. Я. Ойхер, А. В. Кирницкий // Известия Уральского гос. ун-та. Сер.1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2007. – № 52. – С. 385–393.
231. Осипова А. А. Концепт «смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В.П. Астафьева 1980–1990-х гг. : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Осипова ; Магнитогорский гос. ун-т. – Магнитогорск : [б. и.], 2005. – 250 с.
232. Павлова А. В. Предикаты болезненного состояния в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Павлова ; Башкирский гос. ун-т. – Уфа : [б. и.], 2009. – 22 с.
233. Павлова Н. С. Лексика с семой «запах» в языке, речи и тексте : автореф. дисс...канд. филол. наук / Н. С. Павлова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2006. – 19 с.
234. Падучева Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – 2-е изд. испр. и доп. – Москва : Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
235. Панасова Е. П. Концепт солнце в русском языке и речи: дис. ... канд. филол. наук / Е. П. Панасова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2007. – 194 с.
236. Петленко Д. Н. Этюды валеологии: здоровье как человеческая ценность / Д. Н. Петленко, В. П. Давиденко. – Санкт-Петербург : БПА, 1999. – 120 с.

237. Пикулева Ю. Б. Прецедентные культурные знаки советского времени в коммерческой и политической отечественной рекламе [Электронный ресурс] / Ю. Б. Пикулева // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы: материалы науч. интернет-конф. – Екатеринбург, 2008. – Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10995/1828> (дата обращения: 11.02.2015).
238. Пименова М. В. Концептуальные исследования. Введение / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – 176 с.
239. Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук / М. В. Пименова ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург : [б. и.], 2001. – 470 с.
240. Пискунова М. И. Социальная реклама как феномен общественной рефлексии [Электронный ресурс] / М. И. Пискунова // Медиаскоп. – 2004. – Вып. 1. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/152> (дата обращения: 11.02.2015).
241. Плотникова А. М. Концептуализация поведения человека / А. М. Плотникова / Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии, паремиологии) : проспект словаря / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург, 2010. – С. 314–332.
242. Плотникова А. М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений) / А. М. Плотникова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 226 с.
243. Плунгян В. А. «Интегрум» и Национальный корпус русского языка в лингвистических исследованиях / В. А. Плунгян // Integrum: точные методы и гуманитарные науки. – Москва, 2006. – С. 76–84.

244. Подорога В.А. Феноменология тела : Введение в философскую антропологию : (мат-лы лекционных курсов 1992–1994 гг.) / В. А. Подорога. – Москва : Ad Margium, 1995. – 334 с.
245. Полякова С. В. Метафорическое моделирование в русском и американском медицинском дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Полякова ; Пермский гос. национальный исследовательский ун-т. – Пермь : [б. и.], 2011. – 23 с.
246. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
247. Попова З. Д. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – изд. 3-е. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2011. – 176 с.
248. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки. – 192 с.
249. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – Москва : Искусство, 1976. – 612 с.
250. Похлебкин В. В. Кухня века / В. В. Похлебкин. – Москва : Полифакт, 2000.– 616 с.
251. Прохоров Б. Б. Здоровье россиян за 100 лет / Б. Б. Прохоров // Человек. – 2002. – № 2. – С. 54–65.
252. Прохоров Ю. Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» / Ю.Е. Прохоров // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва, 2005. – Вып. 30. – С. 74–94.
253. Психология здоровья : учебник для вузов / под ред. Г. С. Никифорова. – Санкт-Петербург, 2006. – 607 с.
254. Ратмайр Р. Процесс «маркетизации» дискурса (на примере становления концепта «качество жизни») / Р. Ратмайр // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – Москва, 2004. – С. 640–654.

255. Ратмайр Р. Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении / Р. Ратмайр. – Москва : Языки славянской культуры, 2013. – 456 с.
256. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики / Е. В. Рахилина // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. – 2000. – № 3. – С. 3–15.
257. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – Москва : Русские словари, 2008. – 416 с.
258. Реклама: язык, речь, общение / под ред. О. Я. Гойхман, В. М. Лейчик. – Москва : ИНФРА-М, 2013. – 288 с.
259. Репина В. Н. Объективизация этнокультурных ценностей базовыми концептами русской идиоматики : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Н. Репина ; Астраханский гос. ун-т. – Астрахань : [б. и.], 2007. – 16 с.
260. Розенфельд М. Я. Методы выявления перцептивного образа в структуре лексического значения (на материале существительного глаг) / М. Я. Розенфельд // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 77–81.
261. Романенко А. П. Советская герменевтика / А. П. Романенко. – Саратов : Наука, 2008. – 166 с.
262. Романенко Я. Н. «Свечки! Горят ярче печки!» Из истории рекламного слогана / Я. Н. Романенко // Русская речь. – 2007. – № 5. – С. 57–63.
263. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Москва : Учпедгиз, 1946. – 704 с.
264. Руднев В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – Москва : Аграф, 1999. – 384 с.
265. Русская грамматика : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980. – 792 с.

266. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь: вып. 1 / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2004. – 318 с.
267. Рюмин Р. В. Социальная реклама как речевой жанр : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. В. Рюмин ; Национальный исследовательский Томский гос. ун-т. – Томск : [б. и.], 2012. – 23 с.
268. Савельева Ж. В. «Здоровье» и «болезни» россиян как социальные конструкции / Ж. В. Савельева // Власть. – 2009. – № 8. – С. 115–118.
269. Савельева О. Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Г. Савельева ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар : [б. и.], 2006. – 19 с.
270. Савельева О. О. Советская реклама 20-х годов как средство агитации и пропаганды [Электронный ресурс] / О. О. Савельева // Человек. – 2006. – № 2–3. – Режим доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/SOVIET_20/SOVIET_20.NTM (дата обращения: 11.02. 2015).
271. Самардакова Т. Н. Языковые средства и дискурсивные способы реализации функций рекламного обращения (на материале русскоязычных текстов рекламы в сфере медицины и интеллектуальной собственности) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Самардакова ; Волгоградский гос. ун-т. – Волгоград : [б. и.], 2010. – 21 с.
272. Седов К. Ф. «Новояз» и речевая культура личности (становление языковой личности) / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики. – Саратов, 1993. – Вып. 25. – С. 29–35.
273. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. – 2-е изд., испр. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 319 с.

274. Сергеева Н. М. Концепты ум, разум в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Сергеева ; Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово, 2004. – 23 с.
275. Серио П. От любви к языку до смерти языка / П. Серио // Политическая лингвистика. – 2009. – Вып (1) 27. – С. 118–123.
276. Синячкин В. П. Концепт «хлеб» в русском языке. Лингвокультурологические аспекты описания : дис. ... канд. филол. наук / В. П. Синячкин ; Российский ун-т дружбы народов. – Москва : [б. и.], 2002. – 171 с.
277. Складаревская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы [Электронный ресурс] / Г. Н. Складаревская // Исследования по славянским языкам.– 2001. – № 6. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm> (дата обращения: 11.02. 2015).
278. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций / Т. Г. Скребцова. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2011. – 256 с.
279. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук / Г. Г. Слышкин ; Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград : [б. и.], 2004. – 323 с.
280. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт и идеология / Г. Г. Слышкин // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. – 2005. – № 3 (12). – С. 10–18.
281. Сохань И. В. Тоталитарный дискурс культуры еды в советской России 1920–1930-х гг. / И. В. Сохань // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 332. – С. 63–68.
282. Стенограмма круглого стола «Эффективная социальная реклама. Лучшие практики» от 17.06.2013 [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://vse-ravno.net/kruglyj-stol-effektivnaya-socialnaya-reklama-luchshie-praktiki-17_06_2013 (дата обращения: 11.02. 2015).

283. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – изд. 3-е, испр. и доп. – Москва : Академический Проект, 2004. – 982 с.
284. Степанова Л. Русская фразеология сегодня / Л. Степанова // *Przegląd Rusycystyczny*. – 2008. – № 4 (124). – С. 40–50.
285. Стернин И. А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / И. А. Стернин / науч. ред. З. Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2008. – 596 с.
286. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1985. – 253 с.
287. Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века / И. А. Стернин. – 4-е изд., перераб. и дополн. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2004. – 93 с.
288. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. университета, 1979. – 122 с.
289. Стернин И. А. Социальные факторы и публицистический дискурс / И. А. Стернин // *Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс*. – Москва, 2003. – С. 91–108.
290. Стернин И. А. Улыбка в русском коммуникативном поведении / И. А. Стернин // *Коммуникативное поведение : Русское и финское коммуникативное поведение*. – 2000. – Вып. 23. – С. 53–61.
291. Стровский Д. Л. История отечественной журналистики новейшего периода: лекции по курсу / Д. Л. Стровский. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 271 с.
292. Стровский Д. Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода / Д. Л. Стровский. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 246 с.

293. Сюткина О. А. Непридуманная история русской кухни / О. А. Сюткина, П. П. Сюткин. – Москва : Астрель : CORPUS, 2011. – 512 с.
294. Тавдгиридзе Л. А. Концепт «русский язык» в русском языковом сознании : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Тавдгиридзе ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж : [б. и.], 2005. – 23 с.
295. Тарасенко В. В. Концепты «жизнь» и «смерть» в системе языка и сознании разноязычных носителей (на материале фразеологизмов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Тарасенко ; Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово : [б. и.], 2008. – 21 с.
296. Тванба Т. А. Аксиологические характеристики концептуализации предметной сферы здоровья во французском медийном критическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Тванба ; Иркутский гос. лингв. ун-т. – Иркутск : [б. и.], 2013. – 21 с.
297. Тванба Т. А. Оценочное осмысление «здоровья» в дискурсе медийного жанра социальной рекламы против наркотиков [Электронный ресурс] / Т. А. Тванба // Magister Dixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2011. – № 2 – Режим доступа: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/statya_tvanba_0.pdf (дата обращения: 12.02. 2015).
298. Телия В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа / В. Н. Телия / Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – Москва, 2010. – С. 776–782.
299. Темплинг В. Я. Сибирская язва в традиционной культуре русских крестьян Западной Сибири / В. Я. Темплинг // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 1998. – Вып. 2. – С. 242–257.
300. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2000. – 146 с.

301. Тимошенко Л. О. Скалярно-антонимический комплекс концепта здоровье в русском и английских языках : дис. ... канд. филол. наук / Л. О. Тимошенко ; Башкирский гос. ун-т. – Уфа : [б. и.], 2005. – 190 с.
302. Токарева М. А. Феномен улыбки в русской, английской и американской культуре : дис. ... канд. культурологии / М. А. Токарева ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва : [б. и.], 2007. – 195 с.
303. Топоров В. Н. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы: в 2 т. Т. 2 / В. Н. Топоров. – Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 496 с.
304. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества / Ж. Т. Тощенко. – Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.
305. Троян С. В. Синонимический ряд «здоровый»: о смыслах, входящих в концепт «здоровье» / С. В. Троян // Гуманитарные исследования. – 2014.– № 2 (3). – С. 48–50.
306. Туленинова Л. В. Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Тимошенко ; Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград : [б. и.], 2008. – 248 с.
307. Тюпа В. И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике / В. И. Тюпа. – Москва : Языки славянской культуры, 2010. – 320 с.
308. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира : аналогия в семантике / Е. В. Урысон. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
309. Усачева А. Н. Лингвистические параметры концепта «Состояние здоровья» в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Усачева ; Волгоградский гос. ун-т. – Волгоград : [б. и.], 2002. – 167 с.

310. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. – Москва : Наука, 1968. – 271 с.
311. Фрумкина Р. М. Предисловие / Р. М. Фрумкина // Психолингвистика: Сб. статей / под ред. А. М. Шахнаровича. – Москва, 1984. – С. 3–14.
312. Фурс Л. А. Роль прототипического подхода в синтаксисе / Л. А. Фурс // Прототипические и непрототипические единицы в языке : коллективная монография / отв. ред. Л. М. Ковалева. – Иркутск, 2012. – С. 48–72.
313. Хавторина Ю. В. Развитие печатной рекламы в России в 1861-1914 годах (по материалам периодических изданий) : автореф. дис. ... канд. истор. наук / Ю. В. Хавторина ; Московский гуманитарный ун-т. – Москва : [б. и.], 2011. – 23 с.
314. Харченко В. К. Лингвосенсорика : фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – Москва : ЛИБРИКОМ, 2012. – 216 с.
315. Харченко В. К. Сенсорная лингвистика / В. К. Харченко // Держава та регіони. Сер. Гуманітарні науки. – 2008. – №4. – С. 32–37.
316. Хаустова Э. Д. Когнитивные классификаторы в семантическом пространстве языка (на материале лексико-семантического поля «фрукты и овощи» в русском и английских языках) : дис. ... канд. филол. наук / Э. Д. Харченко ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж : [б. и.], 1999. – 258 с.
317. Хлебда В. Пословицы советского народа. наброски к будущему анализу / В. Хлебда // Русистика. – 1994. – № 1/2. – С. 74–84.
318. Чепкина Э. В. Журналистский дискурс: анализ практик / Э. В. Чепкина, Л. В. Енина // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 2 (89). – С. 76–85.

319. Червиньски П. Патетизмы советского официоза как формы модулятивной семантики / П. Червиньски // Лингвокультурология. – 2012. – № 6. – С. 63–102.
320. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. – Москва : Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.
321. Чернова О. Е. Идеологема «враг» в советских и современных политически ориентированных текстах / О. Е. Чернова // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17). — С. 155–171.
322. Чернова О. Е. Концепт «труд» как объект идеологизации: дис. ... канд. филол. наук / О. Е. Чернова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2004. – 163 с.
323. Черных Е. А. Человек – металл – время / Е. А. Черных. – Москва : Наука, 1972. – 208 с.
324. Чудинов А. П. Динамика метафорических образов в российской политической коммуникации начала XXI века / А. П. Чудинов // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. – Москва, 2011а. – С. 53–63.
325. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 256 с.
326. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т 2001. – 238 с.
327. Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011б. – 252 с.
328. Шалина И. В. Уральское городское просторечие : культурные сценарии / И. В. Шалина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 444 с.
329. Шаманова М. В. Коммуникативная категория в языковом сознании (на материале категории общение) : дис. ... д-ра филол. наук / М. В. Шаманова ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж : [б. и.], 2009. – 534 с.

330. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х : современная Россия в языковом отражении / В. Н. Шапошников. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 280 с.
331. Шаховский В. И. Дискурсивность эмоций в человеческой коммуникации / В. И. Шаховский // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2011. – Т. 62. – № 8. – С. 115–120.
332. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва : Гнозис, 2004. – 326 с.
333. Шестак Л. А. Life style: речевые стратегии коммерческой рекламы / Л. А. Шестак // Рекламный дискурс и рекламный текст : коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. – Москва, 2011. – С. 57–88.
334. Ширяев Е. Н. Общие процессы в развитии русского языка в 1945–1995 гг. / Е. Н. Ширяев // Русский язык / науч. ред. Е. Ширяев. Орле, 1997. – С. 15–26.
335. Шишигина О. Ю. Эстетические признаки концепта «женщина» (на материале фразеологических единиц английского языка) / О. Ю. Шишигина // Мир человека и мир языка : коллективная монография : серия «Концептуальные исследования» / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2003. – Вып. 2. – С. 150–158.
336. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира : материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
337. Шмелев А. Д. Смех и улыбки в русской языковой картине мира / А. Д. Шмелев // Константы и переменные русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянских культур, 2012. С. 518–529.
338. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – Москва : «Просвещение», 1964. – 243 с.

339. Шмелева Т. В. Тезаурус болезни. Русско-польские параллели / Т. В. Шмелева // *Studia Litteraria Polono-Slavica 6 : Morbus medicamentum et sanus – Choroba lek I zdrowie.* – Warszawa, 2001. – С. 13–35.
340. Шмугурова К. В. Концепты тоска и радость в художественной картине мира (на материале лирики И.А. Бунина, Ф. Сологуба, И.Ф. Анненского) : дис. ... канд. филол. наук / К. В. Шмугурова ; Новосибирский гос. ун-т. – Новосибирск : [б. и.], 2011. – 216 с.
341. Штайн К. Э. Социальное насилие и языковые стереотипы в рекламе / К. Э. Штайн, Д. И. Петренко // *Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов.* – Пермь, 2008. – С. 148–164.
342. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) / П. Штомпка // *Социологические исследования.* – 2001. – № 2. – С. 3–12.
343. Щерба Л. В. О нормах образцового русского произношения / Л.В. Щерба // *Избранные работы по русскому языку.* – Москва : Изд-во министерства просвещения РСФСР, 1957. – 188 с.
344. Щербакова И. А. Структура концепта «извинение» в русском национальном сознании / И. А. Щербакова // *Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика.* – 2009. – № 2. – С. 107–110.
345. Щербин В. К. Белорусская концептология: на этапе самоопределения / В. К. Щербин // *ETNOLINGUISTICA : Problemy jezyka I kultury.* – 2009. – № 21. – С. 171–187.
346. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / У. Эко. – Москва : Эксмо, 2007. – 592 с.
347. Юрманова С. А. Лингвокогнитивные качества концепта и их использование в обучении текстопорождению: на материале произведений В. В. Вересаева : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Юрманова ; Российский ун-т дружбы народов. – Москва : [б. и.], 2007. – 171 с.

348. Ялалова Р. Р. Фразеологические единицы, характеризующие болезнь – здоровье, в английском, немецком и русском языках : дис. ... канд. филол. наук / Р. Р. Ялалова ; Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. – Казань : [б. и.], 2014. – 300 с.
349. Яроцкая А. В. Лексические средства номинации сферы здоровья в англоязычных журнальных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Яроцкая ; Московский гос. лингв. ун-т. – Москва : [б. и.], 2012. – 26 с.
350. Dokic J. Shades and Concepts / J. Dokic, E. Pacherie // *Analysis*. – 2001. – № 61 (3). – P. 193–202.
351. Epstein M. Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking : An Inquiry into the Language of Soviet Ideology [Electronic resource] / M. Epstein. – Washington: The Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1991. – Mode of access: http://www.emory.edu/INTELNET/book_ideolanguage.html (дата обращения : 12.02. 2015).
352. Evans V. Lexical concepts, cognitive models and meaning-construction / V. Evans // *Cognitive Linguistics*. – 2006. – № 17. – P. 491–534.
353. Evans V. The structure of time: Language, meaning, and temporal cognition / V. Evans. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Pub, 2004. – 286 p.
354. Fairclough N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Cambridge : Polity Press, 1992. – 247 p.
355. Geeraerts D. Theories of Lexical Semantics / D. Geeraerts. – New York : Oxford University Press, 2010. – 362 p.
356. Geeraerts D. Words and Other Wonders : Papers on lexical and semantics topics / D. Geeraerts. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2006. – 493 p.
357. Humminen H. Советский плакат как средство массового воздействия – анализ языка плакатов. *Sovětsky plakat kak sredstvo massovogo*

- vozdejstvia – analiz jazyka plakatov [Electronic resource] / H. Humminen. – Kevät, 2008. – 83 p. Mode of access: http://recept.znate.ru/pars_docs/refs/4/3799/3799.pdf (дата обращения: 12.02. 2015).
358. Kövecses Z. The Conceptual Structure of Happiness / Z. Kövecses // Happiness : Cognition, Experience, Language: Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences 3 / Ed. H. Tissari, A. B. Pessi, M. Salmela. – Helsinki, 2008. – P. 131–143.
359. Kövecses Z. The Language of Love: The Semantics of Passion in Conversational English / Z. Kövecses. – Lewisburg, Pa : Bucknell University Press, 1988. – 231 p.
360. Mieder V.. Twisted Wisdom. Modern Anti-Proverbs / V. Mieder. – Burlington ; Vermont : The University of Vermont, 1998. – 396 p.
361. Montagu A. Touching : The human significance of skin / A. Montagu. – New York : Harper & Row, 1971. – 512 p.
362. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics: 2 vol. V. 1 / L. Talmy. – Cambridge, MA : MIT Press, 2000. – 565 p.
363. Tissari H. Conceptualizing Shame: Investigating Uses of the English word Shame, 1418–1991 / H. Tissari // Selected Proceedings of the 2005 Symposium on New Approaches in English Historical Lexis / Ed. W. McConchie. – Somerville, MA, 2006. – P. 143–154.
364. Van Dijk T. A. Discourse analysis as ideology analysis / T. A. Van Dijk // Language and Peace. – Aldershot, 1995. – P. 17–33.
365. Van Dijk T. A. Discourse and Power / T. A. Van Dijk. – New York : Palgrave Macmillan, 2008. – 308 p.

Лексикографические источники

1. Абрамов Н. Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Н. Абрамов. – Москва : Русские словари, 1996. – 528 с.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов / З. Е. Александрова. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1968. – 600 с.

3. Бабенко Л. Г. Словарь – тезаурус синонимов русской речи / Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-Пресс, 2007. – 512 с.
4. БАПЭ – Большая актуальная политическая энциклопедия [Электронный ресурс] / под общ. ред. А. В. Белякова, О. А. Матвейчева. – Москва: Эксмо, 2009. – 424 с. – Режим доступа: <http://www.politike.ru/dictionary/839/word/nacionalnye-proekty> (дата обращения: 14.02. 2015).
5. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка : 4166 статей / О. С. Баранов. – Москва : ЭТС, 1995. – 820 с.
6. БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 4. / под ред. А. М. Бабкина. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1955. – 691 с.
7. БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка: в 21 т. Т. 6 / отв. ред. К. С. Горбачевич. – Москва : Наука, 2006. – 825 с.
8. Блеер А. Н. Терминология спорта. Толковый словарь–справочник / А. Н. Блеер, Ф. П. Суслов, Д. А. Тышлер. – Москва : Академия, 2010. – 464 с.
9. БМЭ – Большая медицинская энциклопедия : в 35 т. Т. 35 / отв. ред. Н.А. Семашко. – Москва : Сов. энциклопедия, 1936. – 840 с.
10. БМЭ – Большая медицинская энциклопедия : в 30 т. Т. 8 / отв. ред. Б. Н. Петровский. – 3-е изд. – Москва : Сов. энциклопедия, 1978. – 460 с.
11. БРЭ – Большая Российская энциклопедия : в 30 т. Т. 10 / отв. ред. С. Л. Кравец. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2008. – 767 с.
12. БСЭ – Большая советская энциклопедия : в 30 т. Т. 9 / отв. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва : Сов. энциклопедия, 1972. – 624 с.
13. Введенская Л. А. Учебный словарь антонимов русского языка / Л.А. Введенская. – 3-е изд. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 320 с.
14. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка / Л.А. Введенская. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. – 543 с.

15. Гаврилова А. С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / А. С. Гаврилова. – Москва : Аделант, 2013. – 800 с.
16. Горбачевич К. С. Словарь синонимов русского языка / К. С. Горбачевич. – Москва : ЭКСМО, 2012. – 608 с.
17. Денисов П. Н. Словарь сочетаемости слов русского языка: ок. 2500 словар. статей / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина / П. Н. Денисов, В. В. Морковкин. – 2-е изд., исправл. – Москва : Рус. яз., 1983. – 688 с.
18. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка : ок. 7000 словарных ст. : свыше 35000 значений / Д. В. Дмитриев. – Москва : Изд-во Астрель, 2003. – 1578 с.
19. Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 1 / А.П. Евгеньева. – Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1970. – 680 с.
20. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Рус. яз., 2000. – 1209 с.
21. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Ок. 7000 стимулов. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – Москва : Изд-во Астрель, 2002. – 784 с.
22. Кожевников А. Ю. Словарь синонимов современного русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник / А. Ю. Кожевников. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 800 с.
23. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка / Г.А. Крылов. – Санкт-Петербург : Полиграфические услуги, 2005. – 432 с.
24. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
25. Лопатин В. В. Толковый словарь современного русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – Москва : Эксмо, 2011. – 928 с.

26. Львов М. Р. Словарик синонимов и антонимов : с толкованием значений, оттенков и многозначности слова / М. Р. Львов. – Москва : Дидакт, 1994. – 90 с.
27. Львов М. Р. Школьный словарь антонимов русского языка / М. Р. Львов. – Москва : Просвещение, 1987. – 240 с.
28. МАС – Словарь русского языка: в 6 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1985. – 703 с.
29. Михайлова О. А. Словарь синонимов и антонимов / О. А. Михайлова. – Екатеринбург : Фактория, 2006. – 512 с.
30. МСТС – Молодежный сленг : толковый словарь : ок. 20 000 слов и фразеологизмов / Т. Г. Никитина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : АСТ : Астрель, 2009. – 1102 с.
31. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1 / А. Преображенский. – Москва : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. – 675 с.
32. РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 6 т. Т. 3 / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – Москва : Азбуковник, 2003. – 720 с.
33. Рут М. Э. Этимологический словарь русского языка для школьников / М. Э. Рут. – Екатеринбург : У-Фактория ; Владимир : ВКТ, 2009. – 304 с.
34. САР – Словарь Академии Российской : в 6 т. Т. 2. [Электронный ресурс]. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1809. – Режим доступа: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDF/SAR/Framesetpdf.htm> (дата обращения: 12.02. 2015).
35. Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / А. В. Семенов. – Москва: ЮНБЕС, 2003. – Режим доступа: <http://semenov.academic.ru/> (дата обращения: 11.02.2015).

36. Скляревская Г. Н. Комплексный нормативный словарь современного русского языка / Г. Н. Скляревская, Е. Ю. Ваулина. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2009.
37. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 1 / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1893. – 771 с.
38. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. Т. 3 / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1893. – 996 с.
39. СРЯ 1960 – Словарь русского языка. Ок. 53000 слов / отв. ред. С. И. Ожегов. – 4-е изд., исправл., дополн. – Москва : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. – 900 с.
40. СРЯ 1978– Словарь русского языка. Ок. 57000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 12-е изд., стереотип. – Москва : Рус. яз., 1972. – 846 с.
41. СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 28 т. Т. 5 / ред. С. Г. Бархударов. – Москва : Наука, 1978. – 395 с.
42. СЦСРЯ – Словарь церковно-славянского русского языка. – Санкт-Петербург : Императорская академия наук: в 4 т. Т. 2, 1847. – 475 с.
43. Тихонов А. М. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. Т. 1. / А. М. Тихонов. – Москва : АСТ, 2003. – 864 с.
44. ТСРЯ 1935 – Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Сов. энциклопедия, 1935. – 1562 с.
45. ТСРЯ 1939 – Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1939. – 1424 с.
46. ТСРЯ 2011 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2011. – 1175 с.
47. ТСЯС – Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

48. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. / М. Фасмер. – Москва : Прогресс, 1986. – 576 с.
49. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / М. Фасмер. – Москва : Прогресс, 1986. – 672 с.
50. Федосов Ю. В. Идеографический антонимо-синонимический словарь русского языка / Ю. В. Федосов. – Волгоград : Перемена, 2001. – 107 с.
51. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Более 5000 слов / Г. П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев : Радянська школа, 1989. – 511 с.
52. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. / П. Я. Черных. – 3-е изд., стереотип. – Москва : Рус. яз., 1999. – 624 с.
53. Шанский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – 5-е изд., стереотип. – Москва : Дрофа, 2002. – 400 с.
54. Шильнова Н. И. Большой словарь синонимов и антонимов русского языка / Н. И. Шильнова. – Москва : Славянская книга, 2011. – 896 с.
55. Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка / И. А. Ширшов. – Москва : Изд-во АСТ ; Изд-во Астрель ; Изд-во Русские словари, 2004. – 1022 с.
56. Шушков А. А. Толково – понятийный словарь русского языка: 605 семантических групп: более 16500 слов и устойчивых выражений / А. А. Шушков. – Москва : Изд-во Астрель, 2003. – 768 с.

Фольклорные источники

1. Аникин В. П. Русские пословицы и поговорки / В.П. Аникин. – Москва : Художественная литература, 1988. – 431 с.
2. Берсеньева К. Г. Русские пословицы и поговорки / К. Г. Берсеньева. – Москва : Центрполиграф, 2010. – 383 с.

3. Бодрова Ю. В. Русские пословицы и поговорки и их английские аналоги – Russian proverbs and sayings and their English equivalents / Ю.В. Бодрова. – Москва : АСТ, Сова, 2007. – 159 с.
4. Вальтер Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – Санкт-Петербург : Изд. дом Нева, 2005. – 576 с.
5. Даль В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: в II т. (Т. I) / В. И. Даль. – Санкт-Петербург : Литера, ВИАИ, 1997. – 416 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в IV т. (Т. I) / В.И. Даль. – Москва : Рус. яз., 1998. – 699 с.
7. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга / В. С. Елистратов. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 672 с.
8. Жигулев А. М. Русские народные пословицы и поговорки / А. М. Жигулев. – 3-е изд., испр. и дополн. – Устинов : Удмуртия, 1986. – 412 с.
9. Жигулев А. М. Русские пословицы и поговорки / А. М. Жигулев. – Москва : Наука, 1969. – 447 с.
10. Жигулев А. М. За край свой насмерть стой. Пословицы и поговорки народов СССР / А. М. Жигулев, Н. П. Кузнецов. – Москва : Воениздат, 1974. – 108 с.
11. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 7-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык, 2000. – 544 с.
12. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В.И. Зимин. – Москва : АСТ Пресс Книга, 2010. – 736 с.
13. Иллюстратов И. И. Сборник российских пословиц и поговорок / И. И. Иллюстратов. – Киев : Типография С. В. Кульженко, 1904. – 480 с.
14. Колпакова Н. П. Пословицы и поговорки дореволюционного времени / Н. П. Колпакова, М. Я. Мельц, Г. Г. Шаповалова / Избранные пословицы и поговорки русского народа. – Москва : Гослитиздат, 1957. – 204 с.

15. Кравцов Н. И. Славянский фольклор / Н. И. Кравцов, А. В. Кулагина. – Москва : Изд-во МГУ, 1987. – 376 с.
16. Кузьмин П. П. Старинные русские народные пословицы и поговорки / П. П. Кузьмин. – Пенза: Пензенское книжное изд-во, 1958. – 139 с.
17. Лебедев П. Ф. Пословицы и поговорки Великой Отечественной войны / П. Ф. Лебедев. – Москва : Воениздат, 1962. – 208 с.
18. Мартынов В. В. Пословицы. Поговорки. Загадки / В. В. Мартынов, В. В. Митрофанов. – Москва : Современник, 1986. – 512 с.
19. Мельц М. Я. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков / М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1961. – 289 с.
20. Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц и поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / М. И. Михельсон. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1896. – 618 с.
21. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
22. Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
23. Померанцева Э. В. Русские пословицы и поговорки / Э. В. Померанцева. – Москва : Детская литература, 1973. – 80 с.
24. Розе Т. В. Большой толковый словарь пословиц и поговорок русского языка для детей / Т. В. Розе. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 209 с.
25. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки / М. А. Рыбникова. – Москва : Изд-во Академии Наук СССР, 1961. – 230 с.

26. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Т. 2 / Н. М. Малеча. – Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002. – 592 с.
27. Симони П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетия / П. К. Симони. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1899. – 332 с.
28. Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи / И. М. Снегирев. – Москва: Университетская типография, 1848. – 550 с.
29. Соболев А. И. Народные пословицы и поговорки / А. И. Соболев. – Москва: Московский рабочий, 1961. – 327 с.
30. Спириин А. С. Русские пословицы: сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок / А. С. Спириин. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1985. – 204 с.
31. Сысоев В. Д. Пословицы и поговорки / В. Д. Сысоев. – Москва: АСТ, 2009. – 65 с.

Рекламные источники

1. Бабурина Н., Артамонова С. Искусство убеждать. Русский рекламный плакат 1890–1954 / Н. Бабурина, С. Артамонова. – Москва: Контакт-культура, 2001. – 224 с.
2. Выборов М. А. Всегда начеку! Альбом советских плакатов / А. Выборов. – Москва: Москва, 2005. – 149 с.
3. Демосфенова Г. Л. Советский политический плакат / Г. Л. Демосфенова, А. Ю. Нурок, Н.И. Шантыко. – Москва: Искусство, 1962. – 442 с.
4. Денисовский Н. Ф. Окна ТАСС 1941–1945 / Н. Ф. Денисовский. – Москва: Изобразительное искусство, 1970. – 135 с.
5. Маяковский В. В. Лозунги – рифмы / В. В. Маяковский. – Москва: Советская Россия, 1963. – 71 с.
6. Морозов А. С. Маяковский. Плакат = Mayakovsky. Poster / А. С. Морозов. – Москва: Контакт–Культура, 2007. – 108 с.

7. Сазиков А. В. Наружная реклама Москвы. История, типология, документы / А. В. Сазиков, Т. А. Виноградова. – Москва : Русский Мир, 2013. – 400 с.
8. Снопков А. Е. 600 плакатов СССР / А. Е. Снопков, П. А. Снопков, А. Ф. Шклярчук. – Москва : Контакт–культура, 2004. – 600 с.
9. Снопков А. Е. Русский плакат. XX век. Шедевры / А. Е. Снопков, П. А. Снопков, А. Ф. Шклярчук. – Москва : Контакт–Культура, 2000. – 176 с.
10. Снопков А. Е. Конструктивизм в советском плакате / А. Е. Снопков, П. А. Снопков, А. Ф. Шклярчук. – Москва : Контакт–культура, 2014. – 24 с.
11. Снопков А. Е. Материнство и детство в русском плакате / А. Е. Снопков, П. А. Снопков, А. Ф. Шклярчук. – Москва : Контакт–культура, 2006. – 160 с.
12. Снопков А. Е. Советский рекламный плакат: 1923–1941 / Soviet Advertising Posters: 1923–1941. – Москва : Контакт–культура, 2013. – 224 с.
13. Толстой В. П. Антимассовое искусство Советской России. Материалы и документы. Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат. 1918–1932: в 2 т. Т. 1 / В. П. Толстой. – Москва : Искусство, 2002. – 548 с.